Архимандрит Лазарь (Абашидзе)

О тайных недугах души

По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II

Содержание

Об авторе

Три книги архимандрита Лазаря, выходящие в издательстве Московского подворья Псково-Печерского монастыря, написаны для наших современников - православных христиан конца 20 века. Автор хорошо знает и их духовные проблемы, и их грехи и падения, но знает и великую силу покаяния. Он рассказывает о духовных западнях, наиболее часто встречающихся на пути современного человека, таких, как оккультизм, индуизм, йога, кунфу, рок-музыка. Его книги "Грех и покаяние последних времен" и "О тайных недугах души" помогают понять истинную духовную сущность этих явлений и найти пути ко спасению. Третья книжка "О монашестве" рассказывает о непростом монашеском пути в современном мире.

Архимандрит Лазарь живет в Грузии, в монастыре Бетани. Он получил светское образование. В 80-х годах избрал монашеский путь.

Его книги - это доверительный разговор любящего и взыскательного духовника, основывающего свое слово на учении отцов и уставах Православной Церкви.

Назначение книжки

Каждый шаг на пути духовной жизни христианина есть не что иное, как покаянное движение сердца, зрящего свои грехи. С покаяния открывается для уверовавшего дверь в церковный мир, только через покаяние откроются ему райские врата. Коротко сказать, начало покаяния и есть начало спасения.

В наши дни очень многие люди, познавшие мрачные глубины неверия, безбожия, вкусившие пагубные плоды смраднейших грехов, но милостью Божией вызволенные из этого ада, призванные к свету, к пробуждению, к жизни, - через раскаяние, таинство крещения, через исповедание своих страшных грехов, оставление их, через полученное в таинстве покаяния прощение, через получение благодатных сил в таинстве причащения, - рождаются к новой жизни, жизни совершенно иной, совершенно непохожей на ту, которой они до сих пор жили. Но эта новая жизнь требует разрушения многих прежних понятий, ценностей, привязанностей, знаний, вкусов; часто почти полного забвения всего этого огромного греховного хаоса, оставшегося там, позади, перечеркнутого началом спасительного покаяния. Этот процесс отказа от старого, перерождения, воскрешения души - довольно сложен, неодинаков у всех, таинствен. Каждого человека Бог одному Ему ведомыми путями, непостижимыми судьбами Своими изводит из этого греховного Содома, из плена Египетского и ведет через пустыню очищения в землю обетованную. (Глубоко и основательно рассматривает этот момент, начало духовной жизни, святитель Феофан Затворник в книге "Путь ко спасению".)

О том, как каяться в содеянных грехах, какие это грехи, насколько они тяжки, как затем их оставить и не повторять, - обо всем этом довольно много составлено поучений, об этом часто говорят священники в храмах, об этом многие уверовавшие как-то и сами знают, ведь немудрено увидеть внешние, соделанные делом и словом грехи, увидеть явные греховные наклонности и страсти свои. Конечно, и на этих первых ступенях, шагах ко благочестию каждый новообращенный встречает не мало препятствий, браней, трудностей, скорбей; но здесь еще ясно все видимо, зло неприкровенно, вопиет о себе, - необходимы только мужество и решительность, твердое намерение начать новую жизнь и порвать окончательно со старым. И вот уже при первых малых победах над собой обратившийся ощущает огромное внутреннее облегчение, освобождение, примирение с Богом, с совестью, с людьми, как бы сбрасывает тяжелый груз с плеч, который тяготил его всю жизнь, ощущает радость и прилив новых сил, - и с таким воодушевлением входит в таинственный церковный мир, в новую семью, начинает новую жизнь. И если новопросвещенный христианин сумел с помощью Божией отринуть прежнюю свою греховную деятельность и все свои воскресшие силы направить на новую стезю, то... тогда-то и начинается для него самое важное и трудное.

Дело в том, что когда человек видит многие свои явные грехи, то это его очень смиряет, дает правильное понятие о себе, вселяет в душу страх, трепет пред судом Божиим; угадывает он тогда и то направление, по которому на первых порах должно ему следовать. Но когда верующий отсечет по милости Божией явные свои грехопадения, то образ покаяния заметно усложняется, утончается, и здесь появляется большая опасность утерять эту тропу, этот единственно верный тесный путь ко спасению, и свернуть на широкую дорогу самодовольства и гордыни. Каясь в прежних грехах, оставляя прежнюю срамную жизнь свою, получая прощение от Бога, мы тем не менее остаемся глубоко пораженными многими духовными недугами, страстями, греховными навыками, - мы больны сердцем, умом, волей, всеми своими чувствами. Грехи прощены, но страсти еще живы; дела греховные не творим, но склонность к ним, жажда их - живы, и все это требует еще многих трудов покаяния, многих борений, скорбных взываний и молений к

Милостивому Врачу - Человеколюбцу Господу нашему. И до каких же пор так? - Пока живем во плоти!

Вот здесь-то и случается распутие: уж очень это непривлекательная дорога для многих - всегдашнее покаяние, постоянное недовольство собой, недоверие себе, подозрение ко всем своим чувствам, движениям души, какое-то всегда внутреннее напряжение, боль, горечь. И так, наоборот, хочется человеку сразу же получить полный покой, внутренний комфорт, чувство духовной удовлетворенности самим собой, чувство своей значимости и избранности. И хорошо, если вступивший только что на дорогу христианства сразу же встретит правильного наставника, который укажет ему в самом начале верный путь, научит не удаляться спасительной печали и сокрушения, не отталкивать от себя это неприятное, но полезное зрелище уродства души своей, не прикрывать его ложным мнением о себе и самооправданием, а нести эту скорбь как свой крест, как верное свидетельство правильности избранного пути (ведь и эти скорби, происходящие от нашего падшего естества, предрекал Спаситель последователям Своим: в мире скорбны будете. Кто не возненавидит душу свою, жизнь свою, не может быть учеником Христовым!), как залог будущей радости, хранить это самоосуждение, как ту евангельскую соль, без которой всякое делание души тут же загнивает, начинает издавать зловоние. А как часто выходит наоборот! Это стало уже распространенной болезнью в наше время: теперь люди, по укоренившемуся в них сладострастию, склонности искать всегда и во всем комфорта и приятности, - самую духовную жизнь уже понимают как средство скорейшего получения такого внутреннего "блаженства", сладостного покоя, эйфории. И вот теперь наблюдается такая картина: исповедовал вновь обратившийся свои прежние тяжкие грехи, походил в церковь, еще несколько раз припомнил на исповеди кое-что из прошлого, немного научился молиться, начал внешне упорядоченную жизнь, но дальше уже не видит, в чем теперь каяться: "Живем как будто нормально, особенно не грешим. Ну там приходят разные плохие помыслы, оживают некоторые страсти в сердце - так оно у всех так. Но зато сколько добрых дел мы теперь делаем" -и т.д. Так может уже с самого начала сложиться нечувствие к своим болезням. И если здесь не научиться внимательному взгляду на немощи души своей, то внутреннее покаяние не привьется ей, а без него вся духовная жизнь не будет иметь верного ориентира, уклонится на ложный путь - в пагубную прелесть. Тогда человек не только не видит свои скрытые страсти, но даже начинает мнить, будто он имеет уже какие-то высшие дарования - "духовные", "благодатные", "святые". Все эти кажущиеся светлыми, благодатными, богоугодными проявления душевной деятельности создают впечатление особой избранности, кажутся началом высокой духовной жизни.

И действительно - у человека, составившего коварное мнение о своей праведности, о том, что он уже стоит на некоторой значительной ступени духа, появляется странное, необъяснимое воодушевление, подъем каких-то внутренних сил, необычное разгорячение, принимаемое им за святую ревность, порывы бурной деятельности. Распознать в этих движениях личину самообольщения вначале очень непросто: необходим большой духовный опыт, чтоб точно различить такую болезненную горячность от истинной ревности. При том при всем, уклонившийся не перестает называть себя грешником и отчасти считает себя таким. Дело в том, что страсти здесь начинают действовать очень тонко и прикровенно, так что признание греховности есть, но оно очень поверхностное, больше на словах, а не в чувстве, - признание же своей праведности глубоко сидит в сердце, хотя на словах может ярко и не выражаться.

Теперь видно, как важно с самого начала дать правильное направление течению духовной жизни верующего, предостеречь его от подобного самообольщения, не допустить, чтоб он оазис в пустыне принял за землю обетованную (свт. Игнатий), т. е. - не позволить ему посчитать себя спасенным, избавленным от опасностей, когда он только еще вышел на путь борьбы. А для этого необходимо сразу же после того, как новообращенный покается в прежде содеянных грехах, преподать ему наставление о

коварности внутренних страстей, открыть ему глаза на тот глубокий темный мир внутренней греховной поврежденности души, с которым ему еще предстоит вести брань, - мир коварный, который часто будет прикрываться личиной добродетели и праведности. Поэтому важно сразу указать истинное, нелестное, испытующее воззрение на самые наши "добродетели" и проявления нашей горячности, ревности и неожиданных порывов к высоким подвигам.

Цель этой книжки - опираясь на наставления святых отцов древности и отцов последнего времени, предостеречь, насторожить, устрашить, отрезвить новоначальных христиан, показав некоторые тайные сети скрытых недугов души, глубину нашего падения и коварство злых духов, а то и сами некоторые внешние добродетели рассмотреть и показать - какие под ними могут быть сокрыты тайные движения недугующей души.

Что особенно важно в начале духовной жизни

Всякое попечение о небе, если оно не одушевлено покаянием, - мертво, неистинно.

Епископ Игнатий Брянчанинов[1]

Грехопадения кто разумеет? От тайных моихочисти мя.

Псалом 18

Кто внимательно читал наставления святых отцов Церкви - тот, безусловно, заметил, что более всего в этих учениях говорится о покаянии, о смирении, о плаче пред Богом за грехи свои. Об этом так много написано отцами, что почти в каждой святоотеческой книге и на каждой странице ее можно найти подобное наставление. Но как ни странно - в наше время христианами больше всего упускается, искажается и нарушается именно это учение, этот важнейший закон духовной жизни. И это не случайно! По мере того как век сей движется к страшному концу своему, приближаются времена всеобщего отступления от истины, всецелого обольщения мира диаволом и всеобщей прелести - люди все глубже погрязают во всех страстях своих, во всех грехах и заблуждениях. Первая же из всех болезней века сего - гордыня, она-то и поднимает все выше главу свою. Об этом ясно предсказывал апостол Павел[2]: что в последние времена люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся и т. п. И теперь уже каждый духовник, старающийся помогать приходящим к нему верующим врачевать душевные недуги, знает, какая сегодня это непростая работа, как въелись эти болезни в души людей, как все от мала до велика глубоко поражены безумной гордыней, тщеславием, самолюбием, как велеречивы, заносчивы, обидчивы, как все своевольны, непокорны, непослушны, недоверчивы. А в духовной жизни это самое тяжкое. Теперь очень редко кто доверяет своим наставникам, больше же каждый следует своему рассудку, к духовникам же обращаются только для виду, потому что так принято, на самом же деле во всем полагаются на себя. Вообще картина духовной жизни сегодня очень бедственная; если бы кто из древних отцов взглянул на нее своим очищенным взором, наверно, не вынес бы этого зрелища и горько рыдал бы о наших душах. (Так Пахомий Великий, живший еще в четвертом веке, имел видение от Бога о том, как будут жить последние монахи, после этого он долго плакал, скорбел, отказывался от пищи[3]) Но мы так уже свыклись с этим положением, что вовсе даже и не видим этого нашего бедствия. Многие страсти так откровенно гуляют сегодня в среде христиан, к ним относятся как к самым безобидным и даже забавным чертам характера, никто не ужасается им, не пресекает их, хотя многие из этих "шалостей" прямо убивают душу и сеют духовную смерть вокруг того, кто проявляет эту страсть и заражает ею других.

---

[1] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 33

[2] 2 Тим. 3

[3] Си. житие прп. Пахомия 15 мая ст. ст.

Из такого бедственного состояния: из-за оставления правильного учения отцов Церкви, из-за отсутствия верных учителей покаяния, из-за отсутствия опытного и внимательного пастырского надзора за верующими - происходит гибельное отклонение от спасительного пути, и, конечно, это прежде всего выражается в том, что христиане теряют (или и не находят) верный дух покаяния, верный взгляд на свою греховность, на свое падение. Проще сказать: не ведают верно - кто мы, в каком мы отношении к Богу, каковы пред Ним и каково Его величие, каково наше безобразие.

Дает ведение этого Православие! - Само святое это слово уже многое говорит: *право славить Бога,* т. е. правильно, верно сознавать величие, славу Божию, достойно этому величию воздавать хвалу, славословить Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого; но это знание неразрывно связано и с тем, чтоб нам правильно, верно сознавать наше собственное падение, ничтожество, недостоинство и со страхом произносить имя Божие. Возвеличивать беспрестанно Бога и уничижать непрестанно себя - вот Православие!

Гордыня же наша, гордый разум наш, если его сразу не начать душить и топтать, как на иконах Архангел Михаил топчет змия - сатану (выражение свт. Феофана Затворника), он обязательно посягнет исказить этот правильный взгляд на себя и представить нам наше падение куда не таким глубоким, а наши хорошие свойства куда более прекрасными и надежными, чем это есть на самом деле. Отсюда и происходит безобразное искажение духовного зрения, око наше становится темным, а в душе тогда тьма кромешная. Сколько бед отсюда! Посмотреть внимательно в учение каждого еретика, раскольника и можно увидеть - что более всего у них отклонение в покаянии, в понимании того, как Бог взирает на наши сердца, насколько требователен к нам и насколько снисходителен. Так католики думают спастись одними внешними делами, как бы откупить свое спасение без очищения глубин сердца; протестанты, наоборот, считают, что достаточно одной веры, а дела покаяния не важны, что уже все грехи наши искуплены Иисусом Христом на Кресте, только верь да исповедуй веру свою словом - и достаточно. И в том же роде все более и более умножаются уклонения от истинного понимания того, кто мы, как нам жить, чтоб снискать милость у Бога, что же необходимо для спасения.

Путь духовной жизни необыкновенно сложен; как, например, не просто научиться живописи или музыке, сколько при этом необходимо трудов, познаний, навыков, разных упражнений, и при этом многие навыки в искусствах развиваются как-то интуитивно, о них даже невозможно ясно выразиться или постичь их рассудком. При этом еще многое зависит от учителя, от школы. Но духовная жизнь - не сложнее ли, не таинственнее ли? Здесь все великая тайна, здесь все почти невидимо. Ведь это наука из наук, искусство из искусств! Как же можно в духовной жизни хвататься за дело сгоряча, самонадеянно, по смутному какому-то зову души отдаваться во власть неизвестных чувств, судить о внутренних своих движениях и настроениях только по вкусу, который они производят у нас внутри. В духовной жизни и опасности во много раз ужаснее, здесь можно потерять не имя и состояние, как в занятиях искусствами, - здесь теряется вечность, жизнь. Здесь встречается и сильнейшее противодействие злых сил - и внутри нас и вовне; здесь идущего встречает на пути коварство врагов, хитрость за хитростью, сеть за сетью. И вот печальная картина: многое множество прельщенных христиан, многие из них сходят с ума, совершают страшные поступки, учат, проповедуют несуразицу. Так как учение истинное, святоотеческое, православное, смиренное стало искажаться и забываться, то и все это прельщение теперь часто принимают за явление нормальное, даже всевозможные проявления восторженности, разгоряченности, фанатизма, основанные на самообольщении, принимают за действия благодати, считают "возрождением веры", началом "новой эры".

Где и как научиться святому покаянию

Научиться правильному покаянному настрою души можно или, так сказать, из рук в руки, то есть - найти такого смиренного наставника, который сам имел бы в себе тот сокрушенный и покаянный дух, и от него прямо перенять это глубокое, спасительное, живящее воздыхание о бедной, падшей душе нашей, а вместе с тем и радостное упование на неизреченное милосердие Божие; или же, если не повстречается таковой учитель, то можно, но уже сложнее, научиться этому духу внимательно читая святых отцов Церкви, особенно стараясь перенять у них эту науку смиреннейшего самовоззрения, крайнего недоверия себе во всем, осторожного отношения ко всем движениям души своей, ко всем чувствам своим, всегдашнего окаявания себя, внутреннего плача о себе, чувство собственного недостоинства, странничества на земле сей, сознание своей удаленности от Бога. Для этого полезно читать древних отцов, весьма наставительны примеры из жизни пустынных монахов, они особенно преуспевали в стяжании покаянного плача о себе, в смиренномудрии. В наставлениях преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского, много говорится о том, как под видом добродетелей часто скрываются тайные страсти; дают правильное направление в покаянии поучения аввы Дорофея, святых Варсонофия Великого и Иоанна пророка. Множество важных советов находится и у отцов поздних времен, особенно полезна книга "Невидимая брань" Никодима Святогорца, очень доходчивы прекрасные письма епископа Феофана Затворника, покаянным духом отличаются поучения, письма, образ жизни самых поздних отцов, монахов, живших в конце прошлого века, первой половине нашего, перенесших небывалые скорби и гонения. Но особенно соответствует потребностям духовной жизни нашего последнего, тяжкого времени по духу, по доступности понимания, красоте и силе слова подробное, основательное учение о покаянии, о лукавствии злых духов, о прелести и коварстве страстей - в книгах святого епископа Игнатия Брянчанинова. Это как бы сконцентрированное учение всех отцов Церкви, разъясненное и удобоприложимое к проблемам последнего времени.

Приведем здесь некоторые отрывки из книг этого отца, касающиеся нашей темы, именно: как снискать спасительный путь, как отличить истинное состояние богоощущения от мнимого, от прелести, как оберечь себя от искусительной лести врага.

На эти вопросы находим у владыки Игнатия ясный и определенный ответ:

"...Услышь, возлюбленнейший брат, услышь, чем различается действие прелести от действия Божественного! Прелесть, когда приступает к человеку, мыслию ли, или мечтанием, или тонким мнением, или каким явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами, - приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее, внутри ли оно, или снаружи человека, есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда не соединяет прелесть рассеченного грехом человека, не останавливает движений крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его пред ним самим; напротив того, возбуждает в нем мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безвкусное, ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол "я".

Божественное действие - не вещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, не вообразимо, не объяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть погибели, в которую

ниспал род наш согрешением нашего праотца: потом мало-помалу[4] дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве"[5].

"Святая истина извещается сердцу тишиною, спокойствием, ясностью, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежию на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облекалась в личину добра, познается по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце, - льстиво приносит ему довольство, упитательство собою, какое-то неясное, мутное наслаждение. И это наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, темного омута - жилища чудовищ...

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющие его злыми помыслами имеют более, чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу, - его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного... Доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего - воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной, - ищущего и нашедшего в повиновении ей блаженную свободу... Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения..."[6]

"...Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину; и святые отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные, духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные, - словом сказать, находили Евангелие... Некоторый инок сказал Сисою Великому: "Я нахожусь в непрестанном памятований Бога". Преподобный Сисой отвечал ему: "Это - не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари".

Высокое занятие - непрестанное памятование Бога! Но эта высота очень опасна, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения.

Смотрите - как Писание согласно с отцами! Писание говорит: *всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[7]. Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом.

...Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самою жизнию, самыми помышлениями и чувствованиями своими. Отличительною чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным их занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной церкви и писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси... Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию...

Святые отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоты видений, - приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва

[4] Отметим: мало-помалу!

[5] Епископ Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2, "Странник", стр. 318-319

[6] Епископ Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь и письма к мирянам. Т. 4, письмо 11, стр. 445-446

[7] Псалом 50

научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые отцы заботятся о исправлении сердца, о изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко отбрасывает старую, легко усвояет себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, это - труд, это - усильная, продолжительная работа, это - борьба неимоверная. Лютость этой борьбы отцы выражают так: "дай кровь и прими дух". Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины - сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии...

В святых отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождение крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святаго Духа, мертвящее страсти"[8]

Владыка Игнатий свидетельствует, что из прелести и самомнения возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие прелести есть неправильная, зловредная для себя и для ближних деятельность, - зло, несмотря на ясность его и обширность, мало примечаемое и мало понимаемое. Случаются с такими прельщенными людьми и несчастья, очевидные для всех, весьма трагические.

Так, на Валаамском острове, рассказывает владыка, в отдаленной пустынной хижине жил схимонах Порфирий. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг - положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского "О подражании Иисусу Христу" и руководствовался ею. Книга эта написана из "мнения". Порфирий однажды вечером, в осеннее еремя, посетил старцев скита, от которого невдалеке была его пустыня. Когда он прощался со старцами, они предостерегли его, говоря: "Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок". Пустыня Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружною скромностью: "Я уже легок стал". Он ушел. Чрез короткое время послышался отчаянный крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно; не скоро нашли место, на котором совершилось несчастье; не скоро нашли средство достать утопшего - вытащили тело, уже оставленное душою[9]

"...Блаженна душа, узревшая гнездящийся в себе грех! Блаженна душа, узревшая в себе падение праотцев, ветхость ветхого Адама! Такое видение греха своего есть видение духовное, видение ума, исцеленного от слепоты Божественною благодатию. С постом и коленопреклонением научает святая Восточная Церковь испрашивать у Бога зрение греха своего.

...Блаженна душа, которая сознала себя вполне недостойною Бога, которая осудила себя как окаянную и грешную! Она на пути спасения; в ней нет самообольщения.

---

[8] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 4, письмо 44, стр. 497-500

[9] Епископ Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 1, "О прелести", стр. 253-254

Напротив того, кто считает себя готовым к приятию благодати, кто считает себя достойным Бога, ожидает и просит Его таинственного пришествия, говорит, что он готов принять, услышать и увидеть Господа, тот обманывает себя, тот льстит себе; тот достиг высокого утеса гордости, с которого падение в мрачную пропасть пагубы"[10].

...Чувство плача и покаяния - едино на потребу душе, приступившей к Господу с намерением получить от Него прощение грехов своих. Это - благая часть! Если ты избрал ее, то да не отымется она от тебя! Не променяй этого сокровища на пустые, ложные, насильственные, мнимо благодатные чувствования, не погуби себя лестью себе.

"Если некоторые из отцов, - говорит преподобный Исаак Сирский, - написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтоб мы искали их преждевременно и с ожиданием... Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение... Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковию Божиею. Это - не признак любви к Богу, это - недуг души"[11]

Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении[12].

Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде Ангелов, и последовали им; другим явились бесы в своем собственном виде и представлялись побежденными их молитвою, чем вводили их в высокоумие; иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение, - и впали в самообольщение, в совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным.

Если имеешь нужду беседовать с самим собою, приноси себе не лесть, а самоукорение. Горькие врачевства полезны нам в нашем состоянии падения. Льстящие себе уже восприяли здесь на земле мзду свою - свое самообольщение, похвалу и любовь враждебного Богу мира: нечего им ожидать в вечности кроме осуждения.

...Святые отцы Восточной Церкви, особливо пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрения греха своего.

Некоторого великого отца спросили, в чем должно заключаться делание уединенного инока? Он отвечал: "Умерщвленная душа твоя предлежит твоим взорам, и ты ли спрашиваешь, какое должно быть твое делание?[13]. Плач - существенное делание истинного подвижника Христова; плач - делание его от вступления в подвиг и до совершения подвига. Зрение греха своего и рождаемое им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле: зрением греха возбуждается покаяние; покаянием доставляется очищение; постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе человеческом, которых оно прежде, в омрачении своем, совсем не примечало"[14]

"...Чем более человек вглядывается в грех свой, чем более вдается в плач о себе: тем он приятнее, доступнее для Духа Святаго, Который, как врач, приступает только к сознающим себя больными, напротив того, отвращается от *богатящихся* суетным своим самомнением. Гляди и вглядывайся в грех твой! Не своди с него взоров! Отвергнись себя, *не имей душу свою честну себе!*[15] Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нем! Тогда, в свое время, узришь воссоздание твое непостижимым, тем более необъяснимым действием Святаго Духа. Он придет к тебе, когда ты не чаешь Его, - воздействует в тебе, когда ты признаешь себя вполне недостойным Его!

---

[10] Исаак Сирин. Слова подвижнические. Сл. 55

[11] Там же

[12] Там же. Слово 36

[13] Исаак Сирин. Слово 21

[14] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2, "Зрение греха своего", стр. 122-127

[15] Деяния святых апостолов, 20, 24

Но если в тебе кроется ожидание благодати, - остерегись: ты в опасном положении! Такое ожидание свидетельствует... о таящемся самомнении, в котором гордость. За гордостью удобно последует, к ней удобно прилепляется прелесть. Прелесть есть уклонение от Истины и содействующего Истине Святого Духа, уклонение ко лжи и содействующим лжи духам отверженным. Прелесть существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати..."[16].

"...В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное, - это знаешь; а находишься в состоянии ветхости! и потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! *Не имей душу свою честну себе* (Деян.) по примеру святого апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволь себе ожидания благодати: это - состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нем: это твое дело. А Бог сделает Свое дело, потому что Он верен, дал обетование и исполнит его. Благодать - Его! Дать ее - Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их ни обмывал: судия твой - Бог"[17].

"...Подивитесь и поклонитесь Истине, которая непрестанную изменяемость человеческую врачует заповедию непрестанного покаяния. Ложась на одр кайтесь, и вставая кайтесь: как в цепи звено держится за звено, так и в жизни вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы. Предметом рассматривания вашего да будут немощи ваши. В чувстве сердца вашего будьте подобною ввергнутой до конца жизни в темницу, подобною прокаженному, изгнанному вне стана. Тогда окончатся страдания, когда окончится жизнь: последнее стенание испустится с последним вздохом...[18].

К этим выдержкам из книг епископа Игнатия Брянчанинова будет уместно добавить несколько слов, извлеченных из творений его современника, также новопрославленного святого отца, епископа Феофана Затворника, - именно о том, почему же мы часто так упорно не видим своих грехов? Что так ослепляет нас? Изображая внутренние наши страсти в виде греховного древа, которое, имея внизу три ствола, далее разветвляется на множество ветвей и веточек, которые проникают всю нашу деятельность, святитель Феофан говорит, что это древо самим грешником часто не замечается. "Что же за причина, почему мы часто думаем или не стыдясь говорим: что ж такое я сделал? - Или, - чем я худ?" - вопрошает св. отец и отвечает: "Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. - Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитер и предусмотрителен. Непокровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листвием, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть - *рассеянность* и *многозаботливость*. Рассеянность не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя, - и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в море нужных будто дел. Настоящего для них нет. Один охотнее живет в самосозданном мире и действительности касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслию и сердцем весь впереди. Каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое и - спешит к третьему; вообще настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и проч. - а его душа вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

[16] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2., "Странник", стр. 321
[17] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 87, стр. 118
[18] Там же. Письмо 12, стр. 20

Но грех не довольствуется одним этим лиственным покровом; сквозь него можно еще как-нибудь проникнуть, можно раздвинуть листья его ветром скорбей и внутренних потрясений совести и открыть скрывающееся под ними безобразие греха: потому что грех сам из себя создает некоторый непроницаемейший покров, наподобие стоячей мутной воды, куда погружает свое древо с его листвием. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. И что бы вы ни предпринимали для вразумления такого грешника, все напрасно. Он глубоко сокрыт в грехе, как в море. Производите сколько можно сильнейшие звуки над водою, - кто в воде, ничего не услышит. Поражайте чем вам угодно нерадивого грешника, он не смутится нисколько. Изобразите пред ним его собственное состояние, он скажет: это не я. Представляйте ему крайнюю опасность, от которой он недалеко, он будет уверять вас, что это не до него касается; возбуждайте его от усыпления, он не устыдится провозгласить: я действую. - Так крепок покров, которым закрывает наконец себя грех от взоров того, кем обладает!"[19]

В письмах святителя Феофана находим такие мысли: "...Надо стать у сердца и навыкать замечать возникающие из него мысли и чувства. Тогда и узрите, что за смрадная вещь наше доброе будто сердце. - И придет тогда поминутное покаяние, и исповедь Богу Вездесущему и Всезрящему.

...Вот что нам надобно: не мерять себя, т. е. на сколько аршин поднялись от земли, лучше совсем забыть про эту меру. Одна пусть будет: "никуда негожи".

...Мера наша вот какая: когда чувствуем, что кругом нечисты и что спасение нам только от великой милости Божией, то и хорошо. Как скоро начнем присвоять себе хоть малую частичку праведности, это худо. Тут скорее надобно поднимать сварливую брань на себя"[20]

"...Что не видите успехов, это не худо, а хорошо. Беда, когда увидите. Только не видя успехов, прилагайте ревнование и молитву об успехе, а беспечности не предавайтесь"[21]

"...Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо. Нищий и в мороз сильный бегает по окнам и просит... То же и с сердцем! Когда коснется его чувство беды, нищеты и голода, - покоя не дает ни телу, ни душе... А голод и беду (т. е. чувство бедственности своей. - Сост.) Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт... Надо зажечь беду вокруг...

...Вы спрашиваете, что значит: зажечь беду вокруг себя? - Это глубокое чувство опасности своего положения, и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе. Сие чувство и будет гнать вас к Господу и заставит непрестанно вопиять: помоги, защити! Оно было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое упокоивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. Сыт, - и что еще? Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа"[22].

"...Вопль нераскаянных на суд низводит Господа, как Содом, а вопль кающихся грешников - на милость, как Ниневия. Уж куда нам в праведники? И беда нам, когда мысль попадет на самоправедность. Какая злая сия мысль! Как она убивает душу! Точно зловредная роса на нежный цветок, или страшно холодный ветер, который все окостеневает. То ли дело грешнику кающемуся. Объятия Отчи отверзты ему. "Пад на выю облобыза его", "Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит". Давайте так делать. Когда вкусим сладости покаяния, иной и не похочем"[23]

---

[19] Епископ Феофан. Проповедь субботняя 1-й недели Великого поста

[20] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. Письмо 14

[21] Там же. Письмо 34

[22] Там же. Письма 3, 4

[23] Там же. Письмо 25

Приведем здесь еще несколько поучений из книги "Невидимая брань" Никодима Святогорца, которые ясно определяют правильное, душеспасительное внутреннее делание и цель внешних добродетелей и подвигов.

Этот отец начинает свою книгу с разъяснения - в чем состоит *христианское совершенство,* "ибо, не узнавши этого, - говорит он, - можешь уклониться с настоящего пути и, думая, что течешь к совершенству, направляться совсем в другую сторону". "Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним". Далее старец говорит, что не все правильно это понимают, но многие думают, что в исполнении самих добродетелей или особых подвигов, таких, как пост, бдения, коленопреклонения, разные телесные строгости, выстаивание церковных служб, умная молитва, уединение или молчание и т. п. - в этом и заключается совершенство христианской жизни. Однако эти добродетели одни не составляют искомого христианского совершенства, но лишь средства и способы к достижению его. Правильно, душеспасительно проходить эти добродетели с тою целью, чтобы получить чрез это силу и мощь против своей греховности и худости, - чтоб почерпнуть из них мужество противостоять искушениям и обольщениям трех главных врагов наших: плоти, мира и диавола. Каждая добродетель может дать свое духовное пособие, самое необходимое для раба Божия в его духовной борьбе.

"Но с другой стороны, - продолжает старец Никодим, - эти же добродетели тем, которые в них полагают всю основу своей жизни и своего упования, могут причинить больший вред, нежели явные их опущения, - не сами по себе, - потому что они благочестны и святы, - а по вине тех, которые, не как должно, пользуются ими, - именно, когда они, внимая только сим добродетелям, внешне совершаемым, оставляют сердце свое тещи в собственных своих велениях и в волениях диавола, который, видя, что они соступили с правого пути, не мешает им не только с радостью подвизаться в этих телесных подвигах, но и расширять и умножать их, по суетному их помыслу. Испытывая при сем некоторые духовные движения и утешения, делатели сии начинают думать о себе, что возвысились уже до состояния чинов Ангельских и чувствуют в себе присутствие Самого Бога; иной же раз, углубившись в созерцание каких-либо отвлеченных, не земных вещей, мечтают о себе, будто совсем выступили из области мира сего и восхищены до третьего неба.

...Они обыкновенно желают, чтоб их предпочитали другим во всяком случае; они любят жить по своей воле и всегда упорны в своих решениях; они слепы во всем, что касается их самих, но весьма зорки и старательны в разбирательстве дел и слов других; если кто начнет пользоваться почетом у других, какой, как им думается, имеют они, они не могут этого стерпеть и явно делаются немирными к нему; если кто помешает им в их благочестивых занятиях и подвижнических деланиях, особенно в присутствии других, - Боже сохрани! - они тотчас возмущаются, тотчас кипятятся гневом и становятся совсем другими, на себя непохожими... Какая бы ни случилась с ними прискорбность, они не хотят подклонить выю свою под иго воли Божией... Имея внутреннее свое око, т. е. ум свой, помраченным, им смотрят они и на самих себя, и смотрят неверно. Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства и, возгордеваясь от этого, начинают осуждать других. После сего нет уже возможности, чтоб кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытный, укрывающийся под покровом видимых добродетелей.

...Если, воодушевясь ревностью, победишь и умертвишь беспорядочные страсти свои, свои похотения и воления, то благоугодишь Богу паче и поработаешь Ему благолепнее, нежели избичевывая себя до крови и истощая себя постом больше всех древних пустынножителей. Даже то, если ты, искупив сотни рабов-христиан из рабства у нечистивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей. И какое бы вообще дело, будь оно самое великое, ни предпринял ты, и с каким

трудом и какими пожертвованиями ни совершил бы его, не доведет оно до той цели, какую достигнуть возжелал ты, если притом ты оставляешь, без внимания страсти свои, давая им свободу жить и действовать в тебе"[24]

"Со времени преступления прародителя нашего, мы, несмотря на расслабление своих духовно-нравственных сил, обыкновенно думаем о себе очень высоко. Хотя каждодневный опыт очень впечатлительно удостоверяет нас в лживости такого о себе мнения, мы в непонятном самопрельщении не перестаем верить, что мы нечто, и нечто не маловажное. Эта, однако ж, духовная немощь наша, весьма трудно притом замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей самости и самолюбия и источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет ту дверь в уме или духе, чрез которую одну обыкновенно входит в нас благодать Божия, не давая благодати сей внити внутрь и возобитать в человеке. Она и отступает от него. Ибо как может благодать, для просвещения и помощи, войти в того человека, который думает о себе, что он есть нечто великое, что сам все знает и не нуждается ни в чьей сторонней помощи? - Господь да избавит нас от такой люциферовской болести и страсти!..

...Ненавидя же это злое в нас самомнение, Бог ничего, напротив, так не любит и так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение и чувство, что всякое в нас добро, в нашем естестве и нашей жизни, происходит от Него единого, как источника всякого блага, и что от нас не может произойти ничего истинно доброго, ни помысел добрый, ни доброе дело.

...Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собою не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным царствия небесного. Слушай, что говорят богомудрые отцы: Петр Дамаскин уверяет, что "ничего нет лучше, как познать свою немощность и неведение, и ничего нет хуже, как не сознавать этого". Св. Максим Исповедник учит, что "основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности"... Св. Златоуст утверждает, что "тот только и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто".

...Так глубоко внедрилось в нас и так крепко сцепилось с нами это самоценение, будто мы нечто, и нечто не малое, что оно всегда скрытно живет в сердце нашем, как некое тонкое и незаметное движение, даже и тогда, как мы уверены, что никакого не имеем упования на себя, а напротив, исполнены полного упования на Единого Бога. Чтобы избегать тебе, сколько можешь, такого сердечного самомнения и действовать без всякого на себя надеяния а с единым упованием на Бога, всякий раз настраивайся так, чтобы сознание и чувство своей немощности у тебя предшествовало созерцанию всемогущества Божия, а то и другое предшествовало каждому деянию твоему"[25]

Итак, эти немногие отрывки из учения свв. отцов близких нам по времени, точным и доступным нам языком передающих учение всех древних отцов Церкви, ясно показывают главные черты внутренней христианской жизни, то, что "в покаянии - вся тайна спасения"[26]. Желающий узнать глубже это учение может найти его во всех почти писаниях свв. отцов. Особенно же красноречиво, в самых тонких поэтических оттенках, выражен этот дух покаянного самовоззрения и умиленного молитвенного плача пред Богом - в богослужебных текстах Церкви, особенно в песнях Великопостной Триоди, поемых в храмах в дни Великого поста. Все наши молитвословы обильно напитаны этим святым духом покаяния, и для того и предназначены, чтоб научить нас ходить пред Богом православно, вопиять к Нему из глубины смирения. И все эти молитвы составлены святыми не для других, они записали их из своего внутреннего духовного переживания, они сами именно такими и почитали себя - грешными и окаянными, как и выразили это в словах молитв, говоря о себе самих, а Церковь эти молитвословия сохранила как лучшие

---

[24] Невидимая брань" блаженной памяти старца Никодима Святогорца. Глава 1, стр. 10-15

[25] "Невидимая брань". Главы 2, 3, стр. 15-22

[26] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 86

образцы нашего молитвенного предстояния Богу и донесла до нас, чтоб мы учились на этих молитвах смиренному и покаянному самовоззрению. Глубоко заблуждается тот, кто думает, что отцы только изображали нам образ покаянного плача о себе, но сами себя признавали не столь уж грешными. Нет! - в них не было притворства, но в том-то и есть истинное Православие, чтоб всегда при свете Божественной Истины видеть себя нечистым и недостойным Бога, сколько б ни очищался человек от грехов.

Скоро ли исцеляется душа

Итак, очевидно, что все дело спасения протекает через осознание своего падения, через смирение и признание себя недостойным каких-либо высоких духовных дарований, через терпеливое несение покаянных трудов и неспешность в ожидании признаков исцеления. Последний момент очень важен - *неспешность!* Здесь сегодня многие претыкаются: все мы очень торопимся, желаем видеть плоды трудов своих очень скоро. За малое покаяние тут же ожидаем великой милости и, раз всплакнув о себе, считаем себя уже очищенными и убеленными, ждем явления Ангелов и знаков особого Божественного благоволения к нам, как будто уже достойным многих даров Духа. Отсюда происходят частые обольщения. Но совсем не этому учит нас опыт православных подвижников. Хорошо видно из патериков, как сложен, как продолжителен, многотруден этот путь очищения прокаженной души - и это даже в самых подходящих для исцеления условиях монастырей и пустынь. Разве дикие горы, безлюдные ущелья, дремучие леса, в которых подвизались многие отцы, отсутствие всякого общения с миром, да и часто вообще с людьми, строжайший пост, непрестанная молитва при глубокой вере и всецелом уповании на Бога, постоянный плач о себе и другие высочайшие подвиги святых подвижников - разве это не сильнейшие средства против всех глубинных корней греха? Казалось бы, человек, приявший такой образ жизни, должен в кратчайшее время совершенно очиститься от всех страстей своих, даже вообще забыть о существовании греха. Но не так на самом деле. Многие и многие годы, десятилетия проводимы были святыми в напряженной борьбе со гнездящимися в сердцах их страстными змеями, прежде чем достигали они освобождения от этих страстей, умерщвляли их и стяжевали мир души.

"До самой кончины человека страсти сохраняют способность восставать в нем, и неизвестно ему, когда и какая страсть восстанет: по этой причине он, доколе дышит, не должен оставлять бдительного наблюдения над сердцем своим; он должен непрестанно вопиять к Богу, умоляя Его о помощи и помиловании", - говорил авва Исаия[27].

Мария Египетская, ушедшая в пустыню Иорданскую для покаяния, сорок семь лет прожила в этой пустыне никого не встречая из людей, без пищи и одежды, питаясь кореньями. Из них - семнадцать лет, словно с лютыми зверьми, боролась она со своими помыслами. Когда она вкушала скудную пищу, тотчас приходили помыслы о мясе и рыбе, жаждалось вина, то ею овладевало желание петь любодейные песни, они слышались ей, смущали сердце и слух. Она плакала, скорбно взывала к небу, просила помощи у Бога. Страстный огонь разгорался внутри сердца и опалял всю ее, возбуждая жгучую похоть. Она повергалась на землю и так лежала день и ночь, пока покаяние не совершалось и милость Божия не отгоняла злое смущение. Тьма за тьмой, беда за бедой обстояли ее семнадцать лет. И только после этого времени ей явилась Пресвятая Богородица как Помощница и стала руководить ею, отогнав всякое греховное смущение от души Марии[28].

Преподобный Иоанн Многострадальный подвизался в Киево-Печерской лавре и много страдал от блудной похоти, ничто не могло избавить его - Ни жажда, ни голод, ни тяжелые вериги. Тогда он затворился в пещере, где стал сражаться со страстью в жесточайшей борьбе. Доходило до того, что святой закапывал себя до плеч в землю, но жар похоти не оставлял его. По временам диавол в виде огромного змия нападал на подвижника, страшно томил и терзал его. Наконец Господь избавил Своего раба - через

---

[27] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 145, ст. 58

[28] См. житие ее 1 апреля ст. ст.

тридцать лет его затвора в пещере, после столь многих скорбей. И только тогда страсть отступила от Иоанна и свет Божественный осиял подвижника[29].

Авва Аммон сказал: "Я препроводил четырнадцать лет в скиту, моля Бога денно и нощно, чтоб Он даровал мне победить гнев"[30].

Один брат, живший в пустыне и сильно смущаемый блудным вожделением, пошел за наставлением и молитвенной помощью к старцам. И вот, найдя там величайшего и искуснейшего по рассуждению и подвигам авву , Памву, поведал ему брань свою. Тот утешил и наставил его. Также сказал о себе: "Ты видишь меня, как я стар, семьдесят лет живу в келлии этой в попечениях о спасении моем. В таковой старости поныне претерпеваю искушения и напасти. Поверь мне, чадо, что в продолжение двенадцати лет не оставлял меня блудный бес ни днем, ни ночью, непрестанно нападая скверными помышлениями и мечтаниями". И рассказал старец, какая тяжкая и упорная брань была у него с бесом блуда, как он много раз доходил до великой скорби и отчаяния, как через многое время Господь освободил его, научив познавать свою немощь и уповать на помощь Божию, а не на свои силы[31].

"Нет ничего хуже греховного навыка. Зараженный греховным навыком нуждается во многом времени и труде, чтоб освободиться от него", - сказал один египетский старец[32].

Итак, видим, что не скоро искореняются страсти. Но важно заметить еще и то, что чаще всего нам и не полезно получить скорое избавление от них. Конечно, Господь может в один миг очистить нас от всех наших немощей, но Господу угоднее наше смирение, покаянное молитвенное наше состояние; а скорое освобождение от недугов вызвало бы у нас гордостное, самодовольное, упокоенное, бездейственное душевное настроение. Святые отцы ясно видели это. Так, амма Сарра была борима бесом блуда в течение тридцати лет и никогда не помолилась о том, чтобы брань отступила от нее, но молила только Бога даровать ей мужество и терпение в брани[33]. Иоанн Колов умолил Бога и отъяты были у него страстные вожделения. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоторому отцу и сказал ему: "Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани". Старец отвечал ему: "Иди и умоли Бога, чтоб возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние". Иоанн испросил у Бога возвращение браней, и когда пришли брани, то он уже не молился об освобождении от брани, но говорил: "Господи! даруй мне терпение в брани"[34].

Вот учение *Православное!* - Не покоя искать, не скорого освобождения от всего скорбного и тягостного, даже не желать скорого очищения от всех своих страстей - а только того сокрушенного и смиренного сердца, которого Бог "не уничижит" и которое только и угодно Богу нашему, пред Святостью Которого все наше "чистое" как грязь и скверна, - само небо пред Ним не чисто.

В каком противоречии с этим духом стоят многие современные религиозные учения и настроения, как распространено ныне искание духовных утешений, какого-то сладостного, беззаботного, беспечального состояния, как бы уже "райского" блаженства, - только здесь, на земле, не пройдя путем очищения, омовения от своих греховных язв[35]. Такие религиозные учения стараются закрыть глаза человеку на его болезни, создать у него иллюзию здоровья, приглашают его радоваться и наслаждаться ложным здравием и надуманными совершенствами своими, пребывать в коварном спокойствии о своей будущей судьбе, упиваться иллюзией счастья и гармонии, а на самом деле носить в себе

---

[29] См. житие его 18 июля ст. ст.

[30] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 63, ст. 6

[31] Там же, стр. 452, ст. 33

[32] Там же, стр. 375, ст. 20

[33] Там же, стр. 375, ст. 1

[34] Там же, стр. 288, ст. 11

[35] Разбору таких ложных духовных настроений XX века посвящена книга иеромонаха Серафима Роуза "Православие и религия будущего"

семя величайшей скорби, зачаток ужасной муки, которая откроется тогда, когда вместе с этой жизнью будет отъята от такого обольщенного человека и та завеса лжи, которой прикрывалось истинное положение вещей.

И как трезво, как утешительно наше православное верование! - Скорбеть и скорбеть здесь, на земле, от бесов, от людей, от своих немощей телесных и душевных, плакать, стенать - до конца этой земной бренной жизни, а все сладостное, утешительное - пусть будет там, в вечности! Ведь во временной, изменчивой жизни и не надежно иметь что-либо ценное.

Не так смотрят на духовные болезни люди обольщенные; те, кто образ покаяния не приял от святой нашей Церкви, от святых отцов, кто не доверяет православному учению, - они смело решают все трудности, у них все очень просто. Пришлось слышать одну беседу - пятидесятника с православными христианами. Он укорял православных в холодности и нелюбви к Богу, в фарисействе. Их признание себя духовно немощными, исполненными страстей он объяснял нерадением, нежеланием их полностью предаться действию "благодати", мол - причина в них самих, если бы они хотели, в одну минуту могли бы освободиться от всех страстей своих, для этого требуется только решимость и одно сильное покаянное движение души - и вся греховность тут же испарится, как от огня, "благодать" тут же начисто освободит покаявшегося даже от всех наклонностей ко греху, такое покаяние тут же выжгло бы всякий грех из души и сразу наступило бы прозрение и просветление. Так что все дело только в выборе, в решимости и т. п. Сам он лично сразу же, при первом же горячем "покаянном" акте, ощутил это освобождение и получил "благодать Духа", с тех пор он совершенно изменил свою жизнь, постоянно чувствует в себе необыкновенную любовь ко всем, решимость всегда жертвовать собою ради Бога, он озарен "светом" и необыкновенно счастлив. И действительно - он весь сиял, весь пылал каким-то внутренним жарким воодушевлением. Он поведал о дивных чудесах, которые с тех пор постоянно происходят с ним и с членами его семьи (они также все чудесно преобразились после "крещения" у пятидесятников).

Все возражения православных, их предостережения против таких чудесностей, несколько попыток преподать учение о недоверии себе и о глубокой изъязвленности души человеческой - перед обольщенным явились только новым доказательством его правоты и еще раз убедили его, что православные из-за своего нерадения, маловерия и робости, привязанности к "безжизненным канонам", из-за "фарисейства" утратили всякое общение с Богом, на том он и остался.

Надо заметить, что бодрость, оживление, горячность, кажущаяся святой ревность, самоотречение, готовность идти на любой подвиг и другие вырисовывающиеся снаружи черты таких людей внешне создают им пленяющее впечатление, для многих предпочтительное рядом с тяжко вздыхающим о себе, ничего в себе хорошего не чающим, а оттого и сдержанным, иногда даже как бы подавленным с виду смиренным христианином православным.

Каковы особенности нашего времени

А мир все более и более склоняется симпатией к такого рода ложному, истеричному христианству. Но мы не должны обращать внимания на его вкусы - чем более мы будем хранить дух нашей веры, тем более мы будем чужды этому миру, тем более будем ненавидимы им, презираемы, будем видеться ему нелепыми, немощными, даже безблагодатными. Если сегодня мир отчасти тянется к православным и любопытствует о их вере, то это не повод к тому, чтоб нам в угоду миру изображать какую-то таинственную напыщенность, ложную духовность. Бедная правда лучше выряженной лжи. Мы теперь бедны духовностью как никогда, нам более чем христианам других времен, подходят слова псалма: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих* (пс. II). Мы - нищие духом, и увидеть это ясно, осознать это, в смирении и покаянии понести это - пожалуй, единственное доступное и

спасительное делание для нас в наши дни. Ясное осознание духа времени, нашего духовного положения, меры наших возможностей - сохранит нас от неправильных исканий, от напрасной растраты тех жалких сил, которые мы имеем; от банкротства дел наших, от несбыточных мечтательных предприятий и несоответствующих нашему состоянию подвигов.

Нашему времени уже не свойственно обилие духовных яств, то великолепие и благоухание, которыми была исполнена и овеяна жизнь прежних христиан. Нам остались больше немощи и скорби, поэтому и наиболее спасительными для нас будут именно постоянная смиренная молитва и воздыхание об убожестве нашем, самое скромное и уничиженное воззрение на все свои труды и делания, самое снисходительное и милосердное отношение к близким, безропотное, благодарное приятие всего случающегося с нами, всецелое упование на милость Божию и ни в коем случае не надеяние на свои добрые дела, не ожидание в себе чего-либо высокого.

Яркий, живописный образ этому находит святой епископ Игнатий: изобилие духовных благ в среде древних христиан он сравнивает с роскошным обедом, который устроил Богатый Домовладыка Своим многочисленным друзьям и знакомым. На этой духовной трапезе предстояло безмерное количество духовных яств, по окончании трапезы гости были щедро одарены духовными дарами. Когда все разошлись, то Домовладыка, увидев толпу голодных нищих, приказал слугам не убирать со стола, но предложить все оставшееся убогим. Робко и в недоумении взошли они в обширную залу, стали употреблять все, что оставалось на столе и под столом, - упавшие крохи, никто из них не вкусил цельного блюда, не видел стройного служения прислуги, ни драгоценной посуды и утвари, не слышал хора певчих, музыки, так что никто из них даже не мог составить себе ясного, точного понятия о бывшем обеде. Насытив голод, они только приблизительно могли угадывать, какое было здесь прежде них великолепие. Но тем не менее они припали пред Домовладыкою, благодаря Его за пищу, которой до сих пор не едали никогда и не видели. Он сказал им: "Братия! При распоряжении Моем об обеде Я не имел в виду вас, поэтому Я не представил вам обеда в должном виде и не даю вам подарков..." Нищие воскликнули в один голос: "Владыко! до подарков ли нам! до пышного ли обеда! несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!" Нищие разошлись, продолжая благодарить милосердного Домовладыку. Тогда Он сказал слугам: "Теперь уберите стол и заключите Мой чертог. Уже гостей не будет, - и что можно было предложить в пищу, предложено. Все кончено!"[36].

Нищие и убогие - это образ нашего состояния; крохи и пустые тарелки- духовный голод нашего времени; смиренное благодарение и признание себя недостойными никаких роскошных яств и даров - пример необходимого нам расположения души.

Необходимо нам внимательно прислушаться к тем предчувствиям и предсказаниям свв. отцов, которые относятся к нашему времени, - времени, судя по всему, последнему. Это осознание духа нашего времени, с одной стороны, выведет нас из состояния самообольщения, откроет верный взгляд на наши силы и возможности, сделает скромнее наши требования к себе и к другим; с другой стороны, заставит взбодриться, быть бдительными и осторожными, не унывать, но и не возноситься мечтательно, отрываясь от реальности. Вслушаемся в скорбные, но полезные слова: "Закатывающееся солнце живо представляет собою состояние христианства наших времен. Светит то же солнце правды - Христос, Он испущает те же лучи; но они уже не проливают ни того сияния, ни той теплоты, как во времена, нам предшествовавшие. Это оттого, что лучи не падают прямо на нас, но текут к нам лишь в косвенном, скользящем направлении. Лучи Солнца Правды, Христа - Дух Святый: "Свет и податель Света человекам, Имже Отец познавается и Сын прославляется и от всех познавается.(...)

---

[36] Епископ Игнатий Брянчаниное. Приношение современному монашеству. Т. 5. Заключение

Ныне, когда умножились богатые науками, искусствами, всем вещественным, ныне *оскуде преподобный* (пс. II). Святый Дух, призирая на сынов человеческих, ища достойного сосуда в этом Сонме именующих себя образованными, просвещенными, православными, произносит о них горестный приговор: *Несть разумеваяй, и несть взыскали Бога. Вей уклонишася, вкупе непотребна быша: несть творяй благостыню, несть даже до единого: Гроб отверст гортань их, языки своими льщаху: яд-аспидов под устнами их. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их: и пути мирного не познаша. Несть страха Божия пред очима их* (Рим. 3, II-18).

Вот причины, по которым Дух Божий чуждается нас, между тем как Он -истинное достояние истинных христиан, приобретенное для всех новых израильтян их всесвятым Родоначальником..."[37].

"Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию; они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь; в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и извращенным требованиям ипожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно"[38].

"Посреди рая явилось зло облеченным в личину добра, для удобности к обольщению: оно является в недре святой Церкви прикрытым и разукрашенным, в приманчивом разнообразии соблазнов, называя их невинными развлечениями и увеселениями, называя развитие плотской жизни и уничижение Святого Духа преуспеянием и развитием человечества. *Человецы* будут растлена умом, по причине благоволения их неправде (2 Сол. 2, 12), *неискусни в вере, имущая образ благочестия, силы же его отвергшиеся* (2 Тим. 3, 8, 5). Для получивших эту силу, и произвольно отвергших ее, трудно возвращение ее (Евр. 10, 26), по причине утраты самого благого произволения, что непременно следует за намеренным пренебрежением дара Божия. *Образ благочестия* могут кое-как слепить ухищрения человеческие; но восстановление силы благочестия принадлежит Тому, Кто облекает человеков силою Свыше (Лк. 24,49)[39].

"Ныне во многом люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные - земными, духовные - плотскими, святые - греховными, мудрые - нелепыми... Есть, в частности, христиане, но утрачено общее, одинаковое знание Истины, которым бы все соединялось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою - Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она; никто ее не останавливает, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат - так отяжелел слух их - спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. *Прильпе земли душа их* неспособна к восприятию впечатлений духовных"[40].

---

[37] Там же. Т. 1, "Размышления при захождении солнца", стр. 404-405

[38] Там же, "О монашестве", стр. 455-456

[39] Епископ Игнатий Брянчанинов. Собрание сочинений. Т 1, "О монашестве"

[40] Там же. Т. 4, "Письма", письмо 58, стр. 524

"...Сети диавола умножились, в сравнении с временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до бесконечности. Умножились книги, содержащие лжеучение; умножились умы, содержащие и сообщающие другим лжеучение; умалились, умалились до крайности последователи святой Истины; усилилось уважение к добродетелям естественным, доступным для иудеев и язычников; явилось уважение к добродетелям прямо языческим, противным самому естеству, взирающему на них, как на зло; умалилось понятие о добродетелях христианских, не говорю уже как умалилось, почти уничтожилось, исполнение их на самом деле; развилась жизнь вещественная; исчезает жизнь духовная; наслаждения и попечения телесные пожирают все время; некогда даже вспомнить о Боге. И это все обращается в обязанность, в закон"[41].

"...Мы в настоящее время пришли в такой период жизни человечества, когда спасаются исключительно только безропотным терпением скорбей, с верою в Бога и надеждою на Его милосердие. Другими путями теперь не умеет спасаться никто. Остается для нашего времени только один единственный путь: терпение скорбей..."[42]

"...Без смирения человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божии. Вот почему и предсказано, что в последние времена ввиду усилившейся гордости люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты"[43].

"...Скорби - особливо удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиги мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому мелочных, ничтожных: Весы у Бога!"..[44]

"...Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно".

"...Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они благочестно живут, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении"[45].

А вот мысли отца, современного нам, - иеромонаха Серафима Роуза, жившего в Америке (сконч. в 1982 г.):

"Поскольку переводы православных книг о духовной жизни становятся все более и более доступными, а православная терминология по духовной борьбе все более носится в воздухе, все большее и большее количество людей толкует об исихазме, Иисусовой молитве, аскетической жизни, возвышенных молитвенных состояниях и о самых возвышенных из свв. отцов вроде свв. Симеона Нового Богослова, Григория Паламы или Григория Синаита. Очень хорошо знать об этой действительно возвышенной стороне православной духовной жизни и почитать великих святых, которые на самом; деле вели ее; но если мы не будем иметь очены реалистического и очень смиренного сознания того, насколько все мы далеки от жизни исихастов и как мы мало подготовлены к тому, чтобы хотя бы приблизиться к ней, наш интерес к ней будет лишь еще; одним из выражений нашего эгоцентрического пластмассового мира..."

"Мы должны глубоко понять, в какие времена мы живем, как на самом деле мы мало знаем и чувствуем наше православие, как мы далеки не только от святых древности, но даже от простых православных христиан, живших сто лет тому назад или даже одно поколение назад, и как сильно нам надо стремиться, чтобы сегодня просто выжить как православным христианам..."[46].

---

[41] Там же. Т. 1, "Сети миродержца"

[42] Игумен Никон. Письма духовным детям. Стр. 70

[43] Там же, стр. 116

[44] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 4, письмо 24, стр. 462

[45] "Морально-аскетические воззрения епископа Игнатия" Леонида Соколова. Часть 2, письмо 188

[46] Серафим Роуз. Православное мировоззрение, или Царский путь. Журнал "Русский Паломник",1990, №1

Итак, отцы последнего времени очень часто говорили, что наше время особенно лукаво и трудно для спасения, что очень распространилось лицемерие; что истинное благочестие почти утрачено, что христиане большей частью ведут только наружно добродетельную жизнь, сердца же их удалены от Бога, порабощены земле, миру сему тленному; что притворство стало повсеместным, что никто уже не ищет Божиего, но каждый ищет себе угодного. Сейчас перед каждым верующим стоит нелегкая задача: отыскивать и отделять в этом хаосе лживых дел и слов человеческих, в этом смешении правды и лжи ту Истину, которая одна только может спасать и исцелять, - Истина эта рядом, она никогда не иссякнет, но множество лжеистин стараются заслонить ее, внушить, что они-то и есть та Истина, которая нам необходима. И вовне и внутри нас постоянно идет вражеская работа, враг усиливается подменить православную веру, ее дух на тонкую, изящную подделку, вынудить нас сделать только малый шаг в сторону от тесного пути, а там уж и совсем завести на путь отступничества.

Особенно важно теперь научиться правильно понимать и прилагать к своей жизни писания свв. отцов, усвоить себе их дух, так как это есть дух евангельский. Отцы жизнью своею, делом, словом, чувством исполнили евангельское учение, они ясно усвоили его и подробно изъяснили в своих книгах. Понять, тем более исполнить евангельские заповеди нам без этого отцовского опыта никак не возможно, мы непременно заблудимся уже в самом начале пути. И само слово святоотеческое стало уже весьма трудно доходить до нас, мы перестали понимать святых отцов. Их подвиги во многом нам уже непосильны; та непоколебимость веры, которая давала им силу совершать чудеса, - теперь уже не встречается; их простота, чистота ума и сердца - для нас кажутся непостижимыми; их отрешенность от мира, их беспопечительность, пренебрежение к телесному и устремленность к небесному - для нас уже почти невозможны. Но тем не менее дух свв. отцов, их внутреннее делание, главная направленность и цель их трудов остаются и для нас необходимыми. Мы не можем идти также бодро, как шли они, нести такие же тяготы, взбираться на те же высоты - но мы можем и должны держать то же направление пути, иметь те же цели, определять ценность и полезность чего-либо по тем же отцовским меркам, считать вредным и неполезным то, чего береглись и отцы.

Бояться ли ада "ревностным" христианам

Христианин, избрав неверный путь внутренней жизни, основанный не на истинном покаянии, а на некоторой тайной гордыне и с ней на других страстях, - далеко не всегда может заметить это сам; даже все признаки этой болезни могут быть так глубоко сокрыты, что только опытный духовник сумеет обнаружить ее. В таком случае, надо заметить, - окружающие всегда скорее примечают в действиях обольщенного человека что-то больное, чем он сам; так что, когда нас обличают, надо всегда призадуматься и много раз приложить, примерить это обличение к себе, - вполне возможно, что оно не случайно.

В духовной борьбе как часто враг усиливается обмануть нас! Святые отцы говорят, что злые духи применяют и такой прием: забирают свои орудия, которыми растравляли наши страсти и как бы удаляются от человека; таким образом, все брани затихают и душевные недуги совсем не замечаются; когда же он расслабится и почтет себя в безопасности, тогда-то враг и вонзает свою отравленную стрелу в самую какую-нибудь уязвимую часть души, возжигает в ней самую жгучую какую-нибудь притаившуюся страсть, накопившую новых сил и жаждущую насыщения. И тогда несчастный человек не выдерживает внезапного восстания в себе такой темной силы и легко падает. Но знают и иное коварство злые духи: они могут удалиться надолго, даже оставить по удалении своем в человеке самые, казалось бы, спасительные и благодатные настроения души; даже как бы ревность к добрым делам, к святым подвигам, горячее рвение к молитвенным занятиям, к посту, к бдению; даже трепетное желание творить дела милосердия, любить всех людей, помогать бедным и спасать несчастных; даже - силу терпения, чтоб сносить иногда поношения и оплевания, желание говорить о себе униженно и совершать

некоторые труды покаяния и т. п. Все это не только действует в человеке без противодействия бесов, но они же еще незаметно разжигают и поощряют такие движения и настроения души, - только при всем при этом злые духи тонко касаются нашего тщеславия и в глубине сердца продолжают кадить свой фимиам идолу нашей гордыни. Демоны как будто удалились, но они пристально следят за тем, чтоб не погас этот гордостный огонек в нашей душе. И вот: человек живет по наружности прекрасно - ревностен, скромен, правдив, милосерд, нестяжателен, как будто исполнителен во всем; он даже иногда скорбит о своих прегрешениях, иногда даже очень, болезненно переживает какой-нибудь малый свой проступок; он жаждет чистоты и совершенства; он терпит оскорбления, совершает многие и многие кажущиеся вполне достойными добродетели; но при этом тот фимиам иному богу - идолу "я" - не перестает куриться в глубине сердца, с каждым подвигом все сгущается, с каждым: "добрым" делом все больше упитывает нашу гордыню.

Как же избегать этого зла? Под каждое неразумное, хотя по виду и доброе, наше начинание демон гордыни старается подставить свое кадило; неопытный христианин не всегда умеет хорошо рассмотреть - на что он опирается в самом начале своего делания, из какого источника берут соки корни этого его древа подвижничества, кто на самом деле поощряет и присваивает себе эта его труды. Дело в том, что истинное добро в нас должно иметь основание только на заповедях евангельских, совершаться из-за страха или послушания, или же любви к Богу (смотря по духовной высоте нашей жизни), но никак не ради чего-либо иного: не ради самого подвижничества, или "духовности", или отделенного от Евангелия "добра", или "нравственности", или "святости", или даже "совершенства" - и других громких добродетелей, понимаемых отвлеченно; но стремиться совершать дела наши надо так, чтоб этим исполнить волю Божию, имея одну цель - угодить Богу. Что бы человек хорошее ни делал, он не может ни на что из этого надеяться, должен всегда говорить: "Я раб ничего нестоющий, сделал то, что должен был сделать, и сделал слабо и нерадиво" (Лк. 17, 10). Заповеди Божии так бесконечно глубоки, что исполнить их вполне никто из нас не может, но даже чем более кто будет стараться их исполнить, тем более будет видеть свою немощь, свое несовершенство, греховную поврежденность и удаленность от Бога: от этого сознания ему останется только бесконечно смиряться, укорять себя, пока не скажет, подобно Апостолу Павлу: *из* грешников *я первый* (1 Тим. 1, 15), ему останется только уповать на милость Божию, не зная за собой никаких достоинств.

Но не так бывает в том случае, когда человек имеет меркой своих дел не бесконечное, а ограниченное, земное; тогда и делам своим он определяет цену, вымеряет их вес и значимость. Тогда-то и рождается болезненная ревность, неутешная скорбь даже о малых своих поползновениях - из страха потерять что-либо из своего богатства. При таком уповании на свои труды человек становится в своих глазах богачом, собирающим прилежно и умножающим добро; всякий свой подвиг, даже самый малый хороший поступок, он сразу взвешивает и вносит в свое хранилище - и это вместо заповеданной нам нищеты (чтоб признавать себя совершенно нищим духовно)!

Такие самодовольные делания, конечно, не имеют глубины, требуемой от дел, истинно посвященных Богу; они, как посаженные в неглубокую почву, не имеют корней на глубине истинной веры, но корни их простираются по поверхности, пьют нечистые соки разных страстей. Итак, чтобы понять, на чем держится такое подвижничество, надо смотреть не на внешние его подвиги, а на внутреннее самовоззрение: считает ли человек себя действительно грешником, немощным, недостойным - не на словах только, даже не умом и не на поверхности чувства, а в глубине сердца, там он вздыхает ли о себе, окаивает ли себя, или там у него ликует торжество победителя, радостное признание своей значимости и богоугодности? Хорошо видно это из того: считает ли такой человек себя погибающим, вполне достойным адских мук и находящимся в реальной опасности быть осужденным идти в этот вечный ад, что только по милости Божией он может быть спасен,

а не какими-то своими добродетелями; что он нуждается во многих молитвах о себе, а собственные его дела и молитвы не достаточны для спасения. Если же такой "ревностный" христианин, называя себя грешным, все же довольно твердо уверен, что никак не может быть, чтоб он угодил в темницы ада, имея столько добрых дел, то такое расположение сердца - беда! Совершенно иной пример подают нам свв. отцы, которые и на земле уже достигли ангельского состояния, могли совершать дивные чудеса, имели дар прозрения, имели видения и откровения от Бога; а умирая, неутешно рыдали о себе и искренно считали себя осужденниками ада.

Когда настало время кончины святого аввы Агафона, братия, заметив в лице его страх, сказали: "Отец! неужели и ты боишься?" Он отвечал: "Хотя я старался всеусиленно исполнять заповеди Божий, но я человек, - и не знаю, угодны ли дела мои Богу". Братия спросили: "Неужели ты не уверен, что дела твои благоугодны Богу?" Старец сказал: "Невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу: потому что иной суд Божий и иной человеческий"[47].

Когда настало для аввы Арсения время кончины, тогда братия, бывшие при нем, увидели, что он плачет. Братия сказали ему: "Отец! неужели и ты страшишься?" Он отвечал: "Страшусь! Страх, ощущаемый мною в настоящий час, пребывал со мною с того времени, как я сделался монахом"[48].

Пимен Великий говаривал братии своей: "Уверяю вас: куда ввергнут сатану, туда ввергнут и меня"[49].

Много лет старец Силуан нес высокие подвижнические труды, много претерпел мучительных борений с бесами. Так, однажды ночью, во время молитвы старца, злые духи усиленно стужали ему и не давали чисто молиться. Он в скорби, с болезнью сердца, возопил ко Господу, прося научить его, как ему молиться и что делать, чтоб бесы не мешали ему. И услышал ответ в душе: "Гордые всегда так страдают от бесов". "Господи, - говорил старец, - научи меня, что должен делать я, чтоб смирилась моя душа". И снова в сердце ответ от Бога: "Держи ум твой во аде и не отчаивайся". После этого старец Силуан познал, что весь подвиг должен быть направлен на стяжание смирения. С того дня его "любимою песнью", как он сам выражался, стало: "Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: "Где Ты, Свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя"[50].

Иоанн Лествичник повествует, что один монах-подвижник часто от помышления о смерти приходил в исступление и, как лишившийся чувств или пораженный падучею болезнью, относим был находившимися при нем братьями, почти бездыханным[51].

Для утверждения той мысли, что нам всегда надо находиться в покаянии и сокрушении, тот же отец приводит такую устрашающую повесть: жил в тех местах некто Стефан, который, любя пустынное и безмолвное житие, многие лета провел в монашеских подвигах и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен был постом и слезами. Сей отец удалился в места отшельников для подвига суровейшего и строжайшего покаяния, там прожил несколько лет в безлюдной пустыне. Перед кончиною своею вернулся в свою келлию. За день до кончины он пришел в исступление, с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей, и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоящих говорил иногда так: "Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет"; а иногда: "Нет, я не делал этого, вы лжете"; потом опять говорил: "Так, истинно так, но я плакал и служил братиям"; иногда же возражал: "Нет, вы клевещете на меня". На иное же отвечал: "Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость". Поистине страшным и трепетным зрелищем было сие невидимое и немилостивое истязание, говорит св. Иоанн, и что всего

[47] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 61, ст. 25
[48] Там же, стр. 53, ст. 16
[49] Там же, стр. 329, ст. 21
[50] Старец Силуан. Гл. 2, стр. 20-22
[51] Иоанн Лествичник. Слово 6, 17

ужаснее, его обвиняли и в том, чего он не делал. Увы! безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: "Не знаю, что и сказать на это", хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез. Увы мне! Увы мне! Где было тогда слово Иезекиилево, чтобы сказать истязателям: "В чем застану, в том и сужу, глаголет Бог" (Иез. 33, 13, 16). Ничего такого не мог он сказать. А почему? Слава Единому Ведающему. Некоторые же говорили, что он и леопарда кормил из рук своих в пустыне. В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом: и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал[52].

Повествуют отцы и такую повесть: один прозорливый отец пришел в некоторый город, когда там умирал один почитаемый всеми монах. Все жители города считали его святым старцем и весьма прославляли его, рыдали о его смерти, почитали это для себя великой утратой, молитвами его многие надеялись избавиться от всяких искушений. Путешествующий прозорливый монах присутствовал при этом событии и ему открылось ужасное видение: он увидел, как явились страшные эфиопы с трезубцами, раздался глас с высоты: "Не дайте ему покоя, потому что и он не дал Мне покоя ни на один час". И так эти эфиопы, пронзив душу умирающего трезубцами, извлекли ее и утащили восвояси. Петр Дамаскин, святой отец восьмого века, так объясняет этот случай: причиною сего было возношение монаха, так как если бы у него были другие грехи, он не мог бы их утаить от людей, тем более совершать их ежечасно. Но только одно высокомудрие может по самоугодию утаиться почти от всех и от самого того, кто его имеет, если не попустится ему впасть в искушения, которыми душа обличается и познает свою немощь и неразумие. Потому Дух Святой и не обретал ни на один час покоя в жалкой душе, что она всегда имела этот помысел и радовалась о нем, как о некотором добром деле, оттого и помрачилась она, как демоны. Не видя себя согрешающим, может быть, человек тот питал в себе одну страсть, вместо других, и этой одной довольно было демонам как могущей восполнить место прочих пороков[53].

Там же святой Петр Дамаскин говорит: "Никто не получит пользы от других добродетелей, хотя бы он и на небе жил, если имеет гордость, чрез которую диавол, Адам и другие весьма многие пали. Потому никто не должен отвергать страх, пока не достигнет он пристанища совершенной любви и не будет вне мира и тела"[54].

Когда авва Макарий Великий пришел в скит Нитрийской горы, стеклось к нему многочисленное братство. Старцы просили его, чтоб он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: "Братия! очи ваши да испустят слезы прежде отшествия вашего туда, где слезы наши будут жечь наши тела". Все заплакали и, пав ниц, сказали: "Отец, молись за нас"[55].

"Ныне, во время земной жизни, часто нисходи умом в ад, чтоб не низойти туда навечно душею и телом", - поучал св. епископ Тихон Задонский[56].

Только этот путь - самоосуждения, неверия себе, почитания себя худшим из грешников, достойным всяких мук, - святые отцы признавали спасительным и безопасным. Избрав правильный путь духовной жизни, никак невозможно не пройти стезею страха и трепета за свою душу; все, кто спасался, - шли ею.

Как может самоуничижение уживаться с внутренним миром

Многие, услыхав все сказанное, могут смутиться духом и сказать: "Если так помышлять о себе, если так всегда себя засуживать, если отвергать всегда всякую в себе уверенность и нисколько не надеяться на свои добрые дела, то тогда точно впадешь в отчаяние, руки опустятся и не захочешь ничего делать". - Но нет! Это не так! - Как же

[52] Иоанн Лествичник. Слово 7, 50

[53] Творения Петра Дамаскина, книга 2, слово 24, стр. 127-128

[54] Там же, стр. 117

[55] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 310, ст. 7

[56] Там же, стр. 364, ст. 24

тогда святые отцы, которые так уничижали себя в своих глазах, всю жизнь проливали слезы о душе своей и ни о чем не желали больше помышлять, как только о своем недостоинстве, - как же они не отчаявались, но прилагали труд к труду, не оставляли ни на минуту заботу о душе своей и никогда не теряли бодрости, решимости бороться до конца? Как же они при этом имели и внутренний духовный мир и радость духовную?

Хотя святые отцы в своих писаниях иногда и разъясняют этот вопрос, но все же умом постичь это невозможно, познается же это таинственное явление в душе мира и сладости при покаянии и самоосуждении только самой деятельной покаянной жизнью. Так же трудно объяснимо и само это признание своей греховности, почитание себя самыми негодными и недостойными грешниками теми из отцов, которые вели самую высокую подвижническую жизнь, постоянно внимая своему сердцу, стараясь во всем исполнять волю Божию. Так, авва Дорофей приводит такой рассказ: один старец весьма духовной жизни, по имени Зосима, беседовал с некоторым философом и говорил о грехах. Софист спросил: "Скажи мне, как ты считаешь себя грешным, разве ты не знаешь, что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?" Старец не мог ответить, а только говорил: "Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным". Софист продолжал вопрошать, старец же недоумевал, как отвечать, и тогда авва Дорофей вступил в беседу и сказал философу: "Не то же ли самое бывает и в софистическом и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то по мере упражнения в оном врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле: душа приобрела навык постепенно и нечувствительно. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению и нельзя выразить это словом". Услышав это объяснение, авва Зосима очень обрадовался, подтвердив, что так оно и есть. Софист также остался доволен разъяснением[57].

Так и в отношении вышесказанного: то, что умом труднопостигаемо и как будто не совместимо одно с другим, на деле таинственно совмещается, дивно сочетается и действует душеспасительно. Этому учит сам опыт; каждый христианин, который вкусил хоть немного этой горечи покаяния и самоуничижения, испытал чувство печали о своей греховности, - тот обязательно заметил, что с ними чудно соединена глубокая внутренняя, мирная, тихая радость, надежда; тот заметил - как душа после таких приливов самоукорения, смирившись, преклонившись пред Богом, бывает милостиво утешена Им; как самоосуждение, признание себя окаяннейшим преступником, величайшим грешником, достойным адских мук, непостижимым образом в глубине сердца укрепляют упование на милость Божию. Когда мы сами себя искренно, из глубины души, осуждаем, окаяваем, то Сам Господь нас оправдывает и прощает, когда мы скорбим, тяжко вздыхаем о грехах своих, то Сам Он вселяет в сердца наши радость помилования.

"Печаль по Богу не ввергает человека в отчаяние, напротив того, утешает его, внушая ему: "Не бойся, снова прибегни к Богу; Он благ и милосерд; Он знает, что человек немощен, и помогает ему". Печаль по Богу приносит радость и утверждает человека в воле Божией", -говорит авва Исаия[58].

"Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение... В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог вас оправдает и помилует..."

"Уготовьтесь на скорби - и скорби облегчатся; откажитесь от утешения, и оно придет к тому, кто считает себя его недостойным..." - наставляет епископ Игнатий[59].

Также случается и противоположное сему: как человек, почитающий себя грешником, чуждым всего доброго, этим самоукорением и смирением приближается к Богу и утверждается в истинном добре; так и наоборот, - тот, кто считает себя ревностным

---

[57] Аввы Дорофея душеполезные поучений. Поучение 2, "О смиренномудрии" стр. 46

[58] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 200

[59] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письма 12, 18, стр. 20, 26

и благочестивым христианином, способным на многие доброделания и подвиги, на самом деле далек от Бога и от истинного добра и часто бывает посмеян от демонов.

Как могут демоны, предлагая по видимому доброе, улавливать нас в свои сети

Хотя самые прекрасные дела могут не приносить душе никакой пользы и даже вредить ей, но и без внешних дел, без понуждения себя к душеполезным подвигам и трудам никак нельзя, и внутренняя жизнь без этих дел быть не может. Необходимо нащупать, отыскать ту священную и таинственную связь между внешним и внутренним, когда то и другое будут дополнять и подкреплять друг друга, и это тоже приобретается через опыт, через молитву, дается ищущему и просящему благодатью Божией. Для того, чтоб наши дела достигали главной цели, т. е. исправляли, врачевали нашего внутреннего человека, а не были бы бессмысленным ударением по воздуху (1 Кор. 9, 26), необходимо внимательно следить за каждым движением сердца, стараться всегда заметить - какой помысел и чувство возникли в душе и склонили нас к тому или иному поступку, слову, желанию и, исходя уже из этого, судить о том, что полезно и что вредно. Если так внимать себе, то откроется, что не всякое поведение, похвальное по наружности, действительно хорошо, и что иногда невзрачное, простое, не имеющее никакой привлекательности извне жительство на самом деле весьма душеполезно.

Под видом полезных дел и добрых намерений часто скрывается что-либо очень опасное и вредное. Царь Соломон говорит в притчах (16, 25): *Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти,* и Царь Давид в псалмах (пс. 141): *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне,* т. е. "на пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня". "Они" - это бесы, которые чаще всего стараются улавливать нас, предлагая что-либо с виду очень полезное, светлое и героическое. И гораздо чаще христиане падают, обольщенные чрез ложные добродетели, чем соблазненные явными грехами, к тому же и выйти из этого обольщения много труднее, чем подняться из явного падения в какой-либо грех, так как здесь не всегда виден и сам вред.

Как много такого рода примеров - разных тончайших ухищрений и злодейств диавольских - встречаем в повествованиях святых отцов, в житиях. Как часто, почти каждодневно и ежечасно, такие лукавые советы и подшептывания диавольские пытаются увлечь в сторону каждого христианина, уклонить его на неверный путь. Демоны легко входят в беседу с нашим умом, при этом скрывают себя, а свои советы выдают как самую обычную нашу собственную мысль, поэтому мы часто подвержены опасности принять какую-нибудь яркую и приукрашенную мысль, порыв души, воспламенение чувства за что-либо истинное, за спасительное и благодатное озарение. Нас бесы обычно пытаются обмануть лукавыми помыслами и ложными чувствами, подвижников же, отшельников и тех из мирян, кто берет на себя особенные подвиги, также и тех, кто, не имея подвигов, однако имеет о себе высокое мнение, демоны часто обольщают ложными видениями и откровениями, являясь им или в виде светлых Ангелов, или в виде людей. Но в общем-то и те и другие козни одного характера и зацепкой своей в душе человека имеют его тайную, глубинную уверенность в своей праведности, чувство своего достоинства.

Для того чтоб иметь особую осторожность и трезвость к разного рода "светлым" и ярким явлениям внутри и вовне нас, приведем здесь некоторые весьма поучительные повести из писаний отцов, раскрывающие многообразие, хитросплетенность и коварство бесовских обольщений.

Святой епископ Игнатий Брянчанинов говорит, что "демоны стараются ввести человека в общение с собою и в подчинение себе не всегда явно греховными помышлениями; они внушают первоначально действия, не имеющие в себе по видимому ничего предосудительного, часто по видимому добрые, а потом уже; получив влияние и власть над человеком, ввергают его в беззакония, которые, таким образом, суть

последствия первоначального последования внушениям демонов. Это показывает, как тесен и прискорбен мысленный путь, с каким трезвением должно шествовать по нему"[60].

Один старец поведал такую историю: один юноша, упросив отца своего, чтоб он отпустил его, вступил в монастырь, в котором стал усиленно подвизаться, даже удивляя настоятеля своей строгой жизнью. Затем в скором времени стал проситься в пустыню на отшельническую жизнь. Добившись наконец разрешения, отправился в пустыню и поселился в одном месте, которое Господь ему указал чудным образом. Там он вселился и стал подвизаться и так прожил в отшельничестве шесть лет, никого не видя. "И вот однажды приходит к нему диавол в виде старца, аввы; лицо у него было страшное. Брат, увидевши его, испугался, пал лицом на землю и стай молиться, потом встал. Диавол сказал: помолимся, брат, еще. Они помолились, и когда кончили молитву, диавол спросил его: сколько времени живешь ты здесь? Он отвечал: шесть лет. Диавол сказал: ты сосед мой! а я только четыре дня тому назад узнал, что ты живешь здесь. Моя келья недалеко отсюда; одиннадцать лет я не выходил из нее, - вышел только сегодня, узнав, что ты живешь по соседству. При таком известии я подумал сам с собою: схожу к этому человеку Божию и побеседую с ним о пользе душ наших. Скажу ему и то, что отшельничество наше не приносит нам никакой пользы, так как мы не причащаемся Святых Тела и Крови Христовых; что я боюсь, чтоб нам не сделаться чуждыми Христу, если мы удалимся от этого таинства. Да будет тебе известно, брат, что в трех милях отсюда есть монастырь, имеющий пресвитера: сходим туда в воскресный день, причастимся Телу и Крови Христовым и возвратимся в наши кельи". Совет понравился брату. Когда наступил воскресный день, диавол опять пришел, и они отправились вместе в тот монастырь, вошли в церковь, встали на молитву. По окончании молитвы брат не нашел того, кто его привел, стал искать его, спрашивать у братьев, где тот авва, который вошел со мною в церковь. Они отвечали: мы не видели никого, видели только тебя одного. Тогда брат понял, что то был демон, и сказал сам себе: смотри, с какою хитростью диавол извлек меня из кельи моей! Но что до этого, я пришел для доброго дела: причащусь Тела и Крови Христовых и возвращусь в келью мою. Брат причастился, потом был принужден разделить трапезу с братьями монастыря и наконец возвратился в келью свою.

И вот проходит время и опять приходит к нему диавол, теперь уже в образе мирского молодого человека, начал осматривать его с головы до ног и говорить: это он самый! Потом снова стал осматривать его. Брат спросил его: с чего ты так смотришь на меня? Он отвечал: думаю, что ты не узнаешь меня. Впрочем, как и узнать после столь продолжительного времени! Я - сосед отца твоего, сын такого-то. Как же! Твой отец не так ли-то называется? А имя матери твоей не такое ли было? Сестра твоя так-то называлась; твое прежнее имя было такое. Матерь и сестра твоя умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только что ныне и сделал тебя наследником своим, говоря: кому мне оставить имущество мое, как не сыну моему, мужу святому, который оставил мир и проводит отшельническую жизнь ради Бога. Ему предоставляю все блага мои. Потом просил нас найти сына его и известить, чтобы ты пришел и принял имущество и раздал нищим за свою душу и за его. Многие искали тебя и не нашли, а я, пришедши сюда по делам своим, узнал о тебе. Не медли! поди, продай все и исполни волю отца твоего. Брат отвечал: мне не следует возвращаться в мир. Диавол сказал: если не пойдешь, имущество пропадет, а ты дашь ответ пред Богом. Что говорю тебе худого, когда говорю: поди и раздай имение нищим и сиротам, как благой распорядитель, чтоб блудницы и развратные люди не расхитили оставленного бедным?.. - и так, такими речами обольстив брата, диавол возвратил его в мир; он проводил его до города и тут оставил. Монах хотел войти в дом отца своего, как уже умершего, и вот! сам отец его выходит к нему навстречу. Увидев его, отец не узнал и строго спросил его: ты - кто? Монах смутился и не мог отвечать ничего. Начал отец его допрашивать, тогда монах в смущении сказал: я сын твой. Отец возразил на это: по какой причине ты возвратился сюда? Монах постыдился

[60] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 506, ст. 117

объяснить истинную причину своего возвращения, но сказал: любовь к тебе заставила возвратиться меня, потому что я очень жалел о тебе. Он остался в отцовском доме; по прошествии некоторого времени впал в любодеяние и подвергся тяжкому наказанию от отца своего. Несчастный! он не обратился к покаянию, но остался в мире"[61].

Комментируя эту повесть, св. епископ Игнатий указывает на то, что главной причиной падения монаха было преждевременное и самовольное вступление его в отшельничество, для которого он не созрел. Также замечает, что диавол на отшельников часто действует явно, а на живущих в общежитии обычно помыслами, но действие это в сущности одно и то же. Чтоб погубить человека, диавол употребляет часто самые благовидные предлоги, живописует обильное добро и пользу, а ввергает в тяжкие грехи и пагубу.

Насколько же враг лукав и предусмотрителен! - Выход отшельника в первый раз как будто не имел в себе ничего бедственного, даже закончился, казалось бы, обильной пользой. Но вред был в том, что у души была отнята спасительная осторожность, показана ей безвредность выходов. Так, часто диавол свою жертву, выводя на погибельный путь, долго может подготовлять, скрывая от нее всякий вред, и рисовать многие достоинства этого пути, пока наконец не улучит время уже непоправимо повредить потерявшему осторожность христианину.

Епископ Игнатий напоминает искушение, постигшее преподобного Петра Афонского. И этот отец был хитро искушаем злым демоном, который предстал пред ним в виде его родственника и красноречиво уговаривал его оставить безмолвие и идти в родную страну спасать там погибающих соотечественников. Святой Петр отверг эту лесть и посрамил диавола. Святитель Игнатий говорит: "Святые могли отражать нападения врага единственно по милости Божией, содействием благодати Божией, живущей в святых и просвещающей их; как выдержать эти нападения при одной слепой самонадеянности, при решительном скудоумии, при самомнении, которое всегда льстит себе и обманывает себя? Как выдержать эти нападения, находясь по внутреннему человеку во мраке духовном, в плену и порабощении у диавола? - Не лишним будет заметить, что правда плотского мудрования, проповедуемая духами, тождественная с правдою, проповедуемою враждебным Богу миром, противоположна правде евангельской"[62].

Он же приводит и другой случай демонского искушения: демоны, принимая вид Ангелов, являлись одному брату, будили его, показывали ему свет и звали к Божественной службе[63]. Но тот, испросив совета у старца, посрамил бесов и не послушался их, хотя они как будто предлагали благое. Тогда бесы стали клеветать на того старца, открывшего брату их козни. Они говорили брату: "Старец твой лицемер, он имел деньги и не дал взаймы одному брату, сказав, что у него их нет". Брат и это с утра пораньше пересказал старцу. Старец сказал: "Что у меня были деньги - правда, а брату, просившему у меня взаем, не дал, зная, что причиню вред душе его, если дам. Я признал за лучшее нарушить одну заповедь, чтоб не впасть в нарушение десяти. Из этого могло произойти большое смущение, причиною которого были бы эти деньги. А ты не слушай демонов, которые хотят обольстить тебя..."

"Никак не должно увлекаться добродетелями, которые предлагаются демонами, - комментирует этот рассказ владыка Игнатий, - как бы эти добродетели ни были возвышенны и блестящи. Все, предлагаемое демонами, должно отвергать, без всяких исключений. Произвольное повиновение демонам, хотя бы оно совершилось по их приглашению и настоянию, подчиняет человека демонам, лишает человека духовной

---

[61] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 487-493, ст. 94

[62] Там же

[63] Какое лукавствие! Очень многие теперь ни на минуту не усомнились бы, что это явление действительно Ангелов Света: поднимать на молитву среди ночи, звать к Божественной службе?! - сколь бы многие теперь, не задумываясь, приняли такое призывание

свободы, соделывает его орудием их. Великое бедствие - поработиться демонам и сделаться орудием их! бедствие, объемлющее мир и не понимаемое миром"[64].

Интересные и весьма поучительные случаи описывает один святогорец, монах, живший на Афоне в девятнадцатом веке, посещавший многие достопримечательные места на Святой горе и описавший свои впечатления в письмах к своим друзьям в России[65].

Когда автор писем направлялся с одним монахом Святой горы в келью того монаха, то проходя по пути мимо исполинской скалы, возвышавшейся над пропастью, тот поведал такую историю, связанную с этим местом: до последней турецкой войны спасался здесь грек, который был из знатного рода, но, отказавшись от всех прав своих на славу и почести света, он избрал пустынную жизнь. Нужно полагать, что в подвигах он был чрезвычайно силен, иначе не раздразнил бы беса. Тогда как все попытки в мысленной брани с пустынником остались для беса напрасными, он нашел в нем слабую сторону и его собственное сердце и разум употребил орудиями к его дивному падению. Бес вскружил голову пустынника мыслями о высоте его подвигов, убедил его разум представлением разнообразия и строгости и множества их, и таким образом мало-помалу, со временем, довел несчастного до такого заблуждения, что он стал желать таинственных видений и очевидных опытов проявления духовного мира. Когда таким образом укоренилась в нем глубоко гордость и самомнение, демон стал действовать решительно! Он начал являться пустыннику в виде Ангела и беседовать с ним. Несчастный до того верил словам "ангельским" и собственной своей мысли, что начал желать служения Церкви в архиерейском сане, которого, по словам "ангела", он давно достоин и к которому предназначен Самим Господом. Значение родных его в свете слишком занимало его воображение и слава их имени щекотала мысль забывшегося подвижника. Недоставало только случая, который бы мог его вызвать из пустыни в мир... Но у беса за этим дело не станет. Однажды, когда пустынник был слишком занят высоким своим предназначением в будущем и, придумывая средства к достижению своей цели, погрузился в глубокую задумчивость, вдруг кто-то брякнул крылечным кольцом. Пустынник вздрогнул, перекрестился и, нашептывая молитву, подошел к двери:

- Кто там? - спросил он.

- Такие-то, - отозвались из-за двери, - мы с твоей родины, принесли тебе от родных твоих поклон и еще кое-что. Мы с важным к тебе поручением; позволь войти к тебе и переговорить с тобою, святой отец.

Пустынник отпер дверь и два незнакомца почтительно приветствовали его.

- Прошу пожаловать, - скромно произнес пустынник, отворяя дверь. Незнакомцы вошли. Хозяин усадил своих гостей на циновочный диван и сам сел против них. Наконец пустынник спросил о цели их посещения, незнакомцы стали говорить:

- Вот что мы должны сказать тебе, святой отец: ты знаешь, как мы страдаем в подданстве Порты, как угнетены мы, наши семейства, наша вера и самая наша Церковь... Ты, конечно, это сам знаешь...

- Да, так, - с чувством проговорил пустынник, - что ж из этого?

- Ты знаешь, верно, и то, - продолжал тот же незнакомец, - что война у турок с Россией кончилась миром, чрезвычайно для нас выгодным, теперь нам дана возможность и свобода жить по-христиански... Но вот беда: у нас, на твоей родине, нет епископа. А без епископа может ли быть Церковь, в силах ли мы управляться сами собою? Кто отразит от нас хищничество турок? Между тем мы знаем твоих родных, знаем и тебя и твою жизнь; а потому прости нас, что мы тебя, без твоего согласия, выпросили себе в епископа. Вот на это и турецкий ферман, а при нем и патриаршая грамота. - Незнакомцы вынули бумаги и передали их пустыннику.

- Помилуйте! - возразил пустынник, смиренно потупив глаза, а между тем готовый прыгать от радости. - Мне ли принять жезл пастырского правления, когда я и сам собою

---

[64] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 500, ст. 110

[65] Письма святогорца к друзьям в России. Санкт-Петербург, 1850 г., часть 2

не в силах владеть? Мне ли взять на себя бремя апостольского служения, когда я чувствую мои собственные немощи и множество грехов? Нет, чада, отрекаюсь от того, что выше сил моих! К тому же - моя пустыня мне рай, я дал обет пред Богом - умереть здесь...

- Как хочешь думай о себе, святой отец, - отвечали незнакомцы, - а глас народа - глас Божий: воля правительства - воля Божия! Ты знаешь, что общественная польза предпочтительнее нашей собственной. А ферман на что? - Нет, отец, не отрекайся!.. Церковь тебя зовет. Если ничто тебя не трогает, ни бедствия народа, ни семейные наши горести, так ужели и нужда Церкви для тебя ничего не значит?

- Когда так, - отвечал наконец пустынник, по некотором размышлении, - согласен.

- Итак, отец, поторопись! - заметили гости. - Чем скорее отправимся, тем лучше: невдалеке отсюда, на дороге нас ждут мулы и провожатые.

Пока пустынник собирался, что-то укладывал в мешок свой, незнакомцы не переставали торопить его. Наконец они начали подниматься этой тропинкою на самую высоту скалы: тяжелая грусть и смутное предчувствие теснили грудь подвижника; он тосковал о разлуке со своей пустынью. Когда они поднялись туда, на самый высокий пункт скалы, несчастный не хотел уйти, не посмотревши еще раз на неземные красоты своей строгой пустыни; все трое они стояли на скале: под ногами их лежала пропасть... Пустынник был так неосторожен, что при беседе с незнакомцами подошел с ними на самый отвесный край скалы. И тут сильный толчок в спину сбросил его, как вихрем сорванный с дерева осенний листок, в бездну, со скалы раздался свист, и сатанинский хохот разнесся над пустыней.

Несчастный, впрочем, не убился до смерти. Бог дал ему время для покаяния и послал к нему инока из соседней кельи. Низверженный был весь изломан, самый череп его разбит, кровь ручьями текла из ран, однако ж он имел довольно времени и силы рассказать подробности своей жизни и искушения, просил у знавших его отшельников поминовения и молитв, и на руках плачущего инока испустил дух. После ужасного своего искушения он не более трех часов был жив.

Святогорец, услышавши этот страшный случай, стоя на той самой скале, удивлялся больше тому, что, падая с такой высоты, тот несчастный монах еще оставался жив: "Верно, он имел своего рода добродетели, ради которых не оставил его Господь умереть без покаяния", - заключает автор писем эту повесть[66].

Опять: из писем Святогорца видно, что демоны далеко не всегда боятся и наших молитв, но даже могут поощрять многие наши неправильные молитвенные старания.

"Демон не столько силен, сколько хитер и многосторонен в искушениях", - говорит афонец и приводит такую историю: жил у них в монастыре один русский старец, он имел сердечное влечение к молитве, но не разумел достоинства и важности послушания, и вот он стал уклоняться от общих монастырских послушаний и уходить в лес для молитвы. Помысел все чаще и чаще твердил ему, что молитва - это свойство ангельского духа и пища души, а работы - потребность житейская, мирская и суетная; так он все более и более уклонялся в самочиние, пока не стали у него появляться мысли о высоте своего подвига и жизни. Наконец ему стал являться "светлый ангел" и благословлять его молитвенный подвиг, самыми убедительными доводами он превозносил молитву и принижал братское послушание. Неизвестно, чем бы кончилось дело, но на поведение брата обратил внимание один старец из греков. Он подробно распросил брата и испугался за него, услышав о его видениях. Тогда он сделал ему строгое наставление, он говорил такие слова: "Тебя погубит демон, он сведет тебя с ума за твои самовольные молитвенные подвиги, твоя молитва вменяется тебе в грех и доставляет демону свободный к тебе доступ. Тебе является сатана, а не Ангел. Испытай это, если хочешь: не уходи в лес, работай с братьями, келейный канон же исполняй в келье твоей, а когда "ангел" этот явится пред тобой, то ты не обращай на него никакого внимания и строго держись твоей

[66] Письма Святогорца к друзьям в России. Письмо 12, стр. 190-194

молитвы..." - И еще многое в таком же духе сказал старец, так что тот русский монах серьезно испугался и послушался. Он так и сделал - поработав с братьями, пошел молиться в свою келью. И точно - "ангел" опять является, но старец - никакого внимания к нему, даже не смотрит на него. И "светлый ангел" - взбесился, вместо прекрасного и молниезрачного юноши вдруг очутился гадкий эфиоп с сверкающими, как огонь, глазами и пустился скакать перед молящимся братом. Напрасно тот крестился и учащал поклоны, надеясь отогнать демона, - тот не уходил и не давал совершать канон. Наконец брат в негодовании со всей силой хлестнул беса четками, а тот своей лапой ударил монаха по уху и исчез как дым. С той поры несчастный брат оглох и поныне - повествует Святогорец - тем ухом ничего не слышит.

Вслед за этим рассказом автор писем замечает, что искушения монахов в пустыне еще более опасные, и вследствие того на Афоне принято за правило у каждого из отходящих на безмолвие в пустыню: решительно не принимать никаких видений и смиренным сознанием своего недостоинства и греховности отрекать явления духовного мира, какие бы то ни было. Далее он приводит такие случаи.

Пустынник высокой жизни и редких подвигов однажды тихо нашептывал молитву в своей келье вечером. Вдруг разлился пред ним ослепительный свет и юноша ангельской красоты предстал пред пустынником. Принявши себе за правило чуждаться чувственных явлений, какого бы рода они ни были, пустынник спокойно оставался на своем месте и, нашептывая молитву, не обращал внимания на привидение. Между тем юноша не исчезал. Это удивило пустынника потому более, что ни креста, ни молитвы не боялся явившийся. - Кто ты? - строго спросил его наконец пустынник.

- Я твой Ангел-хранитель, - кротко отвечал явившийся.

- Зачем же ты сюда? - спросил пустынник. - Мне приказано от Господа Бога, - сказал тот, - посетить тебя в моем настоящем виде, и я пришел к тебе.

- Я не нуждаюсь в этом, - заметил пустынник, встал и начал молиться.

Ангел не исчезал и, казалось, сам молился с молившимся старцем. Пустынник не понимал, что за странное явление. Если это демон, рассуждал он сам в себе, крест и молитва, конечно, сокрушили бы его и уничтожили призрак.

- Чем ты уверишь меня, - спросил по некотором раздумьи пустынник явившегося, - что ты действительно Ангел Божий?

- Чем угодно, - отвечал тот. - Ты знаешь, - продолжал Ангел, - что демоны боятся силы крестной и знамения креста, но я не боюсь. Я поклоняюсь Богу, поклоняюсь, как видишь, и кресту... - Тут ангел перекрестился и в умилительном благоговении пал пред изображением Креста Христова. Пустынник поколебался.

- Чего еще требуешь от меня? - спросил его ангел, поднявшись от земли. - Ты видишь, что я не только не боюсь креста, но и поклоняюсь ему: значит, я - Ангел-хранитель твой.

- Может быть, - спокойно сказал пустынник, - но все-таки ты мне не нужен в твоем чувственном виде: у нас Ангелы-хранители невидимы!

- Так ты еще не веришь мне? - снова спросил ангел пустынника.

- Никогда и не поверю, - решительно отвечал старец. -С Богом отойди от меня, кто бы ты ни был, хоть бы самый Архангел; мне нет нужды в твоем видимом присутствии. Ты меня отвлекаешь от молитвы, а это одно уже доказывает, что ты не Ангел.

- Напрасно! - возразил тот. - Я не уйду от тебя, потому что мне повелено оставаться при тебе.

- Твоя воля, - хладнокровно сказал пустынник, - без спросу и приказания духовника я тебя знать не хочу, уйди от меня! Ты не нужен мне в этом виде. - И пустынник встал на молитву; а между тем ангел сделался невидимым, обещаясь в следующую ночь опять явиться таким же образом.

Когда рассвело, пустынник пришел к своему духовнику и рассказал ему о видении. Духовник задумался: поклоняться кресту, знаменаться крестом и не бояться молитвы - это

свойства не демонских действий. Впрочем, духовник запретил пустыннику и говорить и заниматься видением, если оно повторится, а знать только молитву и не обращать внимания на проявление духовного мира. Так пустынник и поступил.

Между тем, для разрешения своих недоумений касательно пустынникова видения, духовник отнесся к одному из старцев, известному здесь, на Афоне, опытами созерцательной жизни, даром рассуждения и строгой наблюдательности за прилогами демона, и просил его советов: "что делать пустыннику при подобных явлениях?"

- Ничего, - отвечал тот, - знать только себя и Бога.

- Что ж ты думаешь о поклонении кресту явившегося юноши: действительно ли он Ангел? - спросил духовник старца.

- Может быть, - отвечал тот, - но всего вернее, что это демон...

- А знамение креста, которого не боится юноша? А лобызание креста? - возразил духовник. - Что об этом скажешь?

- То же, что и о самом видении, - отвечал старец. Потом по некотором размышлении он продолжал.- Ты знаешь и, конечно, согласен, что чем выше наш путь к Богу, тем опаснее и многоразличнее наша брань с сатаною; чтоб показать в нас Свою силу и обличить с тем вместе немощь сатаны, Бог иногда попускает ему действовать и ратовать на нас так, как только он сам, лукавый, хочет и может. Вследствие вот такого попущения Божия самый крест для беса может быть не страшен, не страшно и все то, что в других случаях для него грозно и убийственно, как Божий гнев[67].

- Что ж остается делать пустыннику, если будет повторяться видение? - спросил духовник старца. - Может быть, и действительно является ему Ангел?

- Хотя бы явившийся принял вид и Самого Христа, - сказал старец, - что ж за беда? По вознесении Господа для нас полезнее вера в Него, нежели видение. Одно здесь требуется: не обращать внимания на явление, а заниматься своим делом, то есть молитвою. Пусть является и Ангел: что ж за беда? Мы имеем дело и молитвенные отношения к Богу, к нашему Владыке и Господу, а Ангел не более как раб Его и служитель... Посуди же: хорошо ли прервать беседу с Господом и заняться Его слугою? Если и действительно является твоему пустыннику Ангел Божий, не принимать его!.. Ангел никогда не оскорбится нашею невнимательностью к нему во время молитвы, потому что он знает божественную важность наших отношений молитвенных к Богу, и не только никогда нас не будет отвлекать от них, но напротив того, более еще возбуждать должен к точному и постоянному исполнению их. А если ангел огорчается нашим хладнокровием к его присутствию и препятствует нашим молитвенным беседам с Богом, такой ангел, хоть бы и сам был весь в крестах, а не только лобызал крест, - не принимай его: он противник!.. Итак, мой совет один и тот же: не только принимать, но не должно даже и желать чувственных проявлений духовного мира, потому что нам нет в них нужды, ни пользы, а опасностей бездна. В нашей мысленной брани мы всего лучше видим действия сил, противоположных между собою: мы знаем в ней - каков сатана в своем бесстыдстве и скверных помыслах, и ясно видим - как светлы, чисты и непорочны Ангелы в проявлении мирных и спокойных мыслей, которые наводятся ими на наше сердце, в то самое время как сатана обуревает нас всевозможными нечистотами кичливых, корыстных

---

[67] Но и в наши дни заметно умножившиеся явления духов в виде Ангелов или таинственных существ из космоса, которые иногда являются с крестами, "молятся" или поучают чему-либо как бы добродетельному и христианскому, совершающиеся чудеса или явно демонические фантастические фокусы, против которых оказываются бессильными молитвы и даже совершаемые священником молебны и освящения, - не подобное ли это вышеописанному попущение Божие действовать сатане "как только сам он хочет и может", так что ему уже "не страшно все то, что в других случаях для него грозно и убийственно"? Только это попущено уже не по высоте жизни нашей, а по причине глубочайшего внутреннего отступления от Бога, от Евангелия, от Православия. Та свобода, с которой демоны теперь обманывают, одурманивают людей, напоминает слово из Святого Писания о пришествии антихриста, что оно *по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины... И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи...* (2 Фес. 2, 9-11)

и блудных мечтаний, неистовством гнева и прочее и прочее. Чего же еще более? К чему чувственное явление Ангела или сатаны, когда мы слишком хорошо знаем их и без этого?

- Чтоб убедить тебя в справедливости слов моих, - продолжал старец, - то есть что не должно принимать явлений, потому что они опасны, послушай, что я скажу тебе про моего соседа-пустынника: ему в ночное время, когда он только становился на молитву, казалось, что крест, висевший в переднем углу кельи, вдруг загорается ослепительным светом, ярче солнца. Сияние этой славы креста так действовало на сердце молившегося, что он бывал вне себя от радости. Когда сосед открылся мне в этом, я с первого раза приписал подобное явление демонской игре; впрочем, мне захотелось проверить опытом видение. Для этого, собственно, я отправился на ночь к моему соседу. Когда смеркалось, мы расселись по углам кельи. "Послушай, брат, - сказал я хозяину, - по моему недостоинству, я думаю, для меня невидим будет свет, который исходит от твоего креста, поэтому - когда ты заметишь, по обыкновению, это чудо, скажи мне". Хозяин проговорил: "хорошо", и мы молча начали перебирать четки в глубокой тьме пустынного вечера. Не прошло и часа, как мой хозяин торжествующим голосом воскликнул: "Отче! Свет исходит от креста; я не могу даже смотреть на него... Радость моего сердца неизъяснима... Я вне себя от восхищения духа этим видением, от теплоты Божественного света!" - "Перекрестись!" - прошептал я ему. "Не могу, отче, - возопил он, - радость до того меня обессилила, что нет мочи руки поднять!" - "Несчастный!" - горько произнес я и, бросившись к нему, окрестил его. "Несчастный! - повторил я. - До чего ты довел себя твоим безрассудством, твоею гордостью! Продолжается ли еще свет или уже нет его?" - спросил я потом соседа. "Ничего нет, - отвечал тот, - теперь темно по-прежнему". Видишь, что бывает с нашим братом, - заметил старец духовнику...

Когда духовник передавал мне беседу его со старцем, говорит автор писем, слова последнего я принял с полным убеждением, приводя себе на память святого Никиту[68], киевского затворника. И этого отшельника предостерегали от искушений сатаны: значит, можно полагать наверное, что и Никита требовал от явившегося ангела знамения креста, и самая молитва, притом непрестанная, которою занимался бес в виду затворника, должна была по необходимости сопровождаться в известных местах крестом и поклонением пред образом, без которого, конечно, не мог быть св. Никита. Не будь этих признаков в молитве ангела, затворник мог бы тотчас догадаться и узнать под светлым видением действие ангела тьмы. Значит, бывают искушения такого рода, где Бог попускает сатане действовать так, что ни молитва, ни крест не производят на него страха и смятения. Конечно, это уже непроницаемые судьбы нашего Бога. Одно можно только из этого заключить: что все, что ни делает с нами Господь, что ни попускает сатане, - все для того, чтоб мы, проходя различные степени искушений, самым опытом оправдали справедливость Его слов: *Сила моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9)[69].

Со старцем Иларионом Грузином был такой случай: этот отец подвизался на Афоне в девятнадцатом веке; когда он жил в полном затворе в башне, никого не принимал и никуда не выходил, то бесы вели против него сильнейшую брань. Как-то в окно к старцу старались залезть некоторые паломники, чтоб взять у него благословение, но старец скрылся от них. Демоны же воспользовались случившимся для своих целей и повели осаду. Один раз они в виде паломников залезли в окно и бросились к старцу, стали говорить, что вынуждены были прибегнуть к такой мере, потому что он никого не пускает, а им весьма желательно видеть его как своего соотечественника. Ради него якобы они приехали из столь далекой страны посоветоваться о разных делах. Приняв их за действительных паломников, он вступил с ними в разговор, а это демонам только и было нужно. Они завязали длинную беседу о бедствии своего народа и Церкви, а в заключение сильно надругались над старцем, так избив его, что он пролежал безгласен два месяца[70].

---

[68] См. житие Никиты, епископа Новгородского, 31 января ст. ст.

[69] Письма святогорца к друзьям в России. Письмо 4, стр. 51-60

[70] Очерки жизни и подвигов старца иеросхимонаха Илариона Грузина. Джорданвилль, 1986 г., стр. 56

Таким сильным искушениям, часто с длящимися долго тяжкими последствиями, подвергаются не только монахи и отшельники, проводящие уединенную жизнь, но и христиане в миру, когда они не по разуму принимают на себя высокие подвиги. Этими своими усилиями они раздражают демонов, но так как подвиги их неправильны, не производят главного, т. е. смиряя тело, не смиряют душу, а незаметно воцаряют в ней сильнейшую гордыню и самомнение, то и благодать Божия не хранит таких делателей, а попускает им ради их же вразумления быть обольщаемыми и осмеиваемыми бесами, дабы чрез это смирить их.

Епископ Игнатий описывает такой современный ему случай: ходил в Александро-Невскую Лавру к отцу Иоанникию за духовными наставлениями некий солдат (в то время и сам будущий владыка обращался к этому наставнику за духовным советом), звали его Павел, он был из недавно обратившихся от раскола, был прежде даже наставником у раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостью. Но он по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие.

Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас: "Прими меня: я - Святый Дух -пришел соделать тебя моею обителью". Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страстью ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы сделались его постоянным притоном. Наконец он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил в письме к иеросхимонаху Леониду. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние падшего. Самому епископу Игнатию довелось читать это письмо[71].

"Должно заметить, - говорит владыка Игнатий, - что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть и по получении согласия овладевает изъявившим согласие...", а "Святый Дух действует самовластно, как Бог: приходит в то время, как смирившийся и уничиживший себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием Своим объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии"[72].

А вот случай, который произошел совсем недавно, его поведал один инок. Эта трагическая история приключилась с его родным братом, с которым они оба не так давно обратились к вере, начали посещать храм, стали вместе совершать паломничества по святым местам, бывать в монастырях. Братья занялись и чтением святых отцов и Иисусовой молитвой. Но, видимо, брат инока в этих упражнениях уклонился от правильного пути и впал в самомнение, оттого и случилось следующее: однажды, когда он был один в доме и занимался молитвой, явился пред ним отвратительный бес и стал мешать молитве, брат не устрашился, но смело вступил с бесом в беседу. Он стал увещевать беса покаяться, стал говорить ему о неизреченном милосердии Божием, что даже его Бог может помиловать, если он, бес, покается. И что-то еще наказывал бесу в таком же духе. Бес выслушивал как будто внимательно, потом серьезно задумался и наконец принял вид кающегося, стал молиться, стенать, стал преклоняться пред иконой, в общем - всем видом выражал глубокое сокрушение, раскаяние в содеянном зле и выказывал себя жаждущим скорейшего помилования. Брат завороженно следил за его действиями (видимо, внутренне ликуя). И вот, действительно, через некоторое время на беса как бы сходит какое-то светлое облако, как бы свет, как бы благодать, и он на глазах торжествующего юноши превращается в светлого Ангела. И вот этот Ангел начинает

---

[71] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 11, стр. 49
[72] Там же, стр. 49-50

горячо благодарить брата, кланяться ему в ноги; называет его своим спасителем: благодаря его слову он спасен, он опять святой Ангел, - и наконец, он должен отблагодарить брата; бывший бес предлагает быть его всегдашним верным хранителем, войти в него и всегда его хранить и помогать своей возрожденной Ангельской силой. Брат в неописуемом восторге, сам вне себя от счастья, соглашается. Ангел входит, и... - брат начинает бесноваться, кричать, ругаться страшными словами, крушить иконы, выбрасывать их в окно, вытворять другие ужасные вещи. Теперь он находится в психиатрической больнице. Иногда он живет и дома с родными, но когда болезнь усиливается, его приходится отвозить в лечебницу, так как поступки его тогда отвратительны. Но когда ему бывает получше, он немного может молиться. Брат его - инок - по многим монастырям разослал просьбу молиться о его несчастном брате.

А вот примеры того, как истинное смирение легко избегает подобных сетей.

Некоторому брату явился диавол, преобразившись в Ангела света, и сказал ему: "Я - Архангел Гавриил, послан к тебе". Монах на это отвечал: "Смотри! не к кому ли другому ты послан? потому что я недостоин того, чтобы посылались ко мне Ангелы". Диавол тотчас исчез. (Старцы говорили: если и поистине явится к тебе Ангел, не прими его легковерно, но смирись, говоря: я, живя во грехах, недостоин видеть Ангелов[73].)

Поведали о другом старце, что он безмолвствовал в келье своей, претерпевая искушения бесовские. Ему очевидно являлись бесы, но он презирал их. Диавол, видя, что он побежден старцем, явился ему и сказал: "Я - Христос!" Старец закрыл глаза. Диавол повторил ему: "Я - Христос, зачем ты закрыл глаза?" Старец отвечал: "Я не желаю видеть Христа здесь, но в будущей жизни". После этого диавол уже не являлся[74].

Нужно заметить, что явление действительно святых Ангелов от Бога бывает только тем смиренным и кротким христианам, которые уже находятся вне опасности возгордиться, впасть в самомнение и через это повредиться.

Однажды, когда св. Макарий Великий сидел в келье своей, предстал ему Ангел, посланный от Бога, и сказал: "Макарий, не бойся нападения невидимых врагов, потому что наш благий Владыка не отступит от тебя и не престанет поддерживать тебя, мужайся, укрепляйся, храбро побеждай начала и власти противные, но деланием твоим не превозносись, чтоб Божественная помощь не оставила тебя, чтоб ты не пал падением дивным". Блаженный Макарий отвечал, обливаясь слезами: "Чем превозноситься мне, когда душа моя, подобно развратной блуднице, питается смрадом нечистых помышлений, приносимых бесами". - В такое глубокое смирение,- говорит еп. Игнатий, - приведен был преподобный глубоким самовоззрением, которое доставлено было ему его умным деланием. В себе он увидел падение человека и его общение с демонами[75].

"Невозможно человеку (пишет святитель Игнатий), находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение несвойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: "Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются, потому и мнят исполнить его делами". Из слов преподобного отца явствует, что признающий за собою какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном, гордом понятии христианина находит пристанище, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую

[73] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 515, ст. 134

[74] Там же, ст. 135

[75] Там же, стр. 311, ст. 8

прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным видения Ангелов, следовательно признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотской и душевный человек"[76].

Итак, не всякому доброму, как нам кажется, в нас движению или порыву можно доверяться, но надо точно различать добро истинно христианское, евангельское, от добра ложного, душевредного, удаляющего от Бога.

Как различается добро евангельское от добра человеческого

Люди, не понимающие духовных основ того, что происходит в мире, судят о делах человеческих очень поверхностно, они разделяют деятельность человека на явно греховную, злую, и на добрую, похвальную - только по самому внешнему ее проявлению, стараясь провести между той и другой некоторую приблизительную границу, пользуясь самыми расплывчатыми, неустойчивыми мерками добра и зла- по законам мира. Мир же сам в себе не имеет той истины, которая открыла бы ему настоящую цену вещей; только один закон дает ясное определение тому, что есть грех, что есть благо, что есть что, - это закон евангельский. Законы мира сего иногда, в некоторых пунктах своих пытаются быть похожими на законы христианские, но это только по наружности; на самом же деле все там по-другому.

Человек, после своего падения хотя весь и поработился греху, стал уродливым, больным, озлобленным, но некоторые задатки естественного добра, вложенные при сотворении в него Создателем, еще сохранились, хотя и не имеют уже чистоты и святости, но растворены ядом греха. На этих-то жалких останках человек и стал строить свои учения о добром и нравственном, о любви и справедливости. Но такая оскверненная нечистотой "правда" человеческая не может научить его истинному добру, не может оживлять и исцелять душу, скорее вводит ее в великое заблуждение.

Люди неверующие тоже делают не мало красивых, будто даже похвальных дел, совершают многие добродетели, подвиги милосердия, любви, самопожертвования; иногда отдают жизнь свою ради народа своего или ради ближнего своего, дают последний кусок хлеба голодному, помогают друг другу в беде, жертвуют свое имущество на разные добрые дела; встречаются удивительные, даже героические поступки, можно привести такие примеры, что многие будут тронуты ими до глубины души. И все эти проявления добра, если они не основаны на Евангелии, если они вырастают не из глубины верующей христианской души, то все это, столь похвальное, - нечисто, осквернено падением, не имеет пред Богом той ценности, которую приписывают ему люди. Эту важную истину многие никак не могут принять сегодня; услышав сказанное, многие недоумевают, обижаются, некоторые гневаются.

И правда, слышится странно: человек совершает высокий подвиг, жертвует жизнью ради ближнего, умирает ради того, чтоб другой мог счастливо жить, - и за душу такого героя можно сомневаться, что она спасена; ему еще может грозить ад? Разве такой поступок не омывает всех грехов человека? - Звучит как будто жестоко. Но посмотрим с другой стороны: если этот герой не ради Христа, не по учению Евангелия, не из веры христианской почерпнул силы в подвиге, если не Христовой силой совершилось это самопожертвование, не во Имя Божие, то тогда выходило бы, что и без веры, и без Христова искупления человек может спастись; значило бы, что в самом падшем человеке сохранилась та сила и чистота, которые достаточны для его оживления, для того, чтоб ему самому вырваться из цепей греха. Тогда зачем понадобилась страшная Жертва Голгофская, зачем учение Христово, Евангелие, Церковь? Зачем таинства, молитвы, посты, подвиги христианские? Тогда было бы достаточно только одного желания нашего и усилия воли, даже и вера не нужна... Как же это?

Дело в том, что совершать добрые дела, прекрасные дела, похвальные дела и совершать дела веры - не одно и то же! Дела добрые, совершаемые без веры, без Бога,

---

[76] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 11, стр. 50-51

посвящены миру сему, от мира сего они и получают плату: славу, честь, почет. Славы вечной, небесной они чужды. А дела веры имеют внутреннее посвящение Богу, творятся с молитвой, с обращением к Богу, сколько возможно сокровеннее, чтоб ведал один Бог; такие дела имеют меньше впечатления внешнего, зато принимает их Господь, воздает за них славу в будущей жизни.

И вообще неправильно считать спасение души и наследие Царствия Небесного прямо зависящими от наших добрых дел. Бог милует человека и спасает не за его добрые дела, а за его верующее, сокрушенное и смирившееся сердце. Конечно, вера эта без дел быть не должна, да и не может, она обязательно воплотится в конкретные дела, и дела эти будут непременно самые добрые и святые, так как этим делам учит верующего Сам Господь.

Поэтому-то неправильно проповедовать людям абстрактное добро, учить их любить ближнего, быть милосердными, добрыми, не говоря при этом о том, что этого они никак не смогут сделать правильно, свято, богоугодно без учения евангельского, без Церкви, без благодати Святого Духа, которую они могут получить только в храме через святые таинства. Если этого не говорить, то люди будут думать, что они могут, если захотят, сами прекрасно решить свои проблемы - без Церкви, без таинств, без благодати Святого Духа, без Христа.

В миру совершаются часто добрые поступки, но еще чаще злые. И грехи мира гораздо изощреннее и разнообразнее, чем благие дела в нем. Эти грехи так близко прикасаются к тому добру, что как бы и нет между ними противоречия. Один и тот же человек, который похваляем всеми за свои добрые дела, тут же совершает множество гадких дел, на которые никто не обращает внимания. Герой мира совершает какой-либо удивительный самоотверженный поступок, а до и после него творит что-либо самое подлое и низкое. Таковы добродетели мира сего: здесь любовь и ненависть рядом, здесь самопожертвование, геройство, милостыня, и тут же - эгоизм, себялюбие, высокомерие. На самом же деле и то и другое зиждется на пагубных страстях. Добро там как будто существует для того, чтоб оттенять и придавать большую сладость греху, обострять его вкус. Само это добро пьет корнями своими оскверненную воду, тайные гордые, тщеславные помыслы тут же заглушают всякое искреннее, несколько возвышенное стремление души.

Говорит епископ Игнатий:

"Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения; он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа (Мф. 6, 1-18); ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде: признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных. Напротив того, делатель евангельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностью и чистотою всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным Бога; он видит себя заслуживающим временных и вечных казней за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаною, за падение, общее всем человекам, за свое собственное пребывание в падении, наконец, за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей"[77].

"Придет ли к тебе какая благая мысль, остановись, никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостью, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение, остановись: не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри: согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное. Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами.

[77] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 7, стр. 36

Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку"[78].

В каждом деле важно заглянуть в глубь сердца, в тайники сокровенных наших помыслов. Всякое дело, прежде чем мы на него решимся, бывает взвешено и расценено внутренними нашими силами, там происходит что-то вроде некоторого тайного совета: сердце говорит свои "за" и "против", ум - свои, чувства, плоть, наши страсти, привязанности, слабости - все здесь пытается вставить свое слово; и если на этом совете выносится суд справедливый, дело решается по Христовым законам, то оно будет совершаться во спасение души; если же будет допущено лукавствие в пользу какой-либо страсти, с тайной мыслью напитать эту страсть, то совершаемое дело, какой бы внешне благолепный вид оно ни имело, принесет душе скорее вред, чем пользу. И любой маленький и едва заметный поступок, шаг - всегда сопровождаются внутри нас этим внутренним посвящением во чье-то имя, совершаются ради земного или небесного, Божьего или человеческого. И часто само это посвящение имеет большее значение, чем совершаемое наружно дело, в нем-то и заключается главная цена совершаемого пред Богом.

Когда наша ревность к христианским подвигам Богу не угодна

Большей частью древа добродетелей, не основанные на животворной глубокой почве Христовых заповедей, бывают изнутри источены червем тщеславия и лицемерия. Особенно часто мы, сами того не замечая, получаем стимулы и силы для совершения видных и значительных дел от тайного желания иметь похвалу и славу от людей. Это так глубоко сидит в нас, так часто, так повсеместно встречается в людях, что можно точно сказать: редкое дело наше бывает чисто от этой фальши. И это не так легко увидеть в себе; но когда обстановка вокруг нас меняется, когда мы лишаемся той среды, в которой наши подвиги представлялись окружающим высокими, вызывали похвалу, то сразу обнаруживается, что вместе с тем резко исчезает интерес совершать эти труды. Многие это ясно замечали живя в монастыре: монастырское уединение, отсутствие мирских людей, однообразие лиц вокруг прежнего подвижника очень скоро заставляют его оставить свои особые делания. В скором времени он уже еле-еле несет самые простые послушания, тяготится и малыми трудами, с нетерпением стоит на молитве в храме и т.п.- даже на это у него нет уже сил. Но когда в обители появляются гости, множество новых лиц (например, в большие праздники - приходят богомольцы из мирян), то вдруг этот послушник сразу оживает, становится бодрым, энергичным, никакой вялости, готов переделать сто дел. В чем же причина такой перемены настроения? - Разве не в том, что мы, находясь в многолюдном обществе, постоянно напитываемся из него теми соками, энергиями, силами, которые изнутри питают и приводят в движение все это бурное человеческое море, всю эту мировую греховную деятельность людей; гордость житейская - вот из чего часто произрастает и наша ревность к подвигам, и многое другое, кажущееся совершаемым ради Бога. Как часто Сам Господь Иисус Христос предостерегал Своих учеников, всех Своих последователей - беречься этой фальши, чтоб не совершать дел благочестивых напоказ пред людьми, но втайне, пред Отцом Небесным.

Весьма поучительные рассказы встречаются в "Отечнике".

Поведал о себе авва Евстафий: живши в мире, я никогда не вкушал пищи прежде захождения солнца. Когда я сидел в лавке - книга не выходила из рук моих: рабы мои продавали и принимали товар, а я непрестанно упражнялся в чтении. По средам и пятницам я раздавал милостыню нищим. Когда начинался звон, я спешил в церковь, и никто прежде меня не приходил в нее. Когда я выходил из церкви, то приглашал с собою бывших тут убогих в дом мой, и разделяли они со мною трапезу мою. Когда я стоял в церкви на всенощном бдении, никогда не вздремнулось мне, и признавал я себя великим подвижником. Все прославляли и почитали меня... Умер сын мой: от великой скорби я

---

[78] Там же, стр. 35

впал в болезнь и едва оправился. После этого я подвизался по силе моей и не прикасался к жене моей: я жил с нею как с духовною сестрою. Когда случалось мне видеть монаха из Скита, я приглашал его в дом мой вкусить со мною хлеба. У этих монахов я расспрашивал о чудесах, совершаемых святыми старцами, - и мало-помалу пришло мне желание монашества. Жену мою я ввел в женский монастырь, а сам пошел в Скит к авве Иоанну, с которым был знаком. Он постриг меня в монашество. Имел блаженный кроме меня еще двух учеников. Все, видя меня особенно усердным в церкви, отдавали мне почтение.

Провел я в Ските около пяти месяцев, и начал очень беспокоить меня блудный бес, принося мне воспоминания не только жены моей, но и рабынь, которых я имел в дому моем. Не было мне отдыха от брани ни на час. На святого старца я смотрел как на диавола, и святые слова его казались мне уязвляющими меня стрелами. Когда я стоял в церкви на бдении, то не мог открыть глаза от сна, овладевавшего мною, так что не однажды, но несколько раз я приходил в отчаяние. Борол меня и бес чревообъядения, борол до того, что я часто брал остатки хлеба, ел и пил тайно. Что говорить много, помышления мои расположили меня выйти и бежать из Скита, направиться на восток, поместиться в таком городе, в котором никто не знает меня, там предаться любодеянию или жениться. В обуревании такими скверными и лукавыми помышлениями проведши пятнадцать месяцев, однажды, пред наступлением воскресного дня, увидел я во сне, что нахожусь в Александрии, прихожу поклониться святому апостолу Марку. Вот! внезапно встретило меня множество эфиопов. Они схватили меня и, окружив, разделились как бы на два лика. Они принесли черную змею, связали ею мои руки, а другую змею свернули в кольцо и возложили мне на шею; еще других змей положили мне на плечи, и они прицепились к ушам моим, также змеею препоясали меня. Потом привели женщин эфиопок, которых я имел некогда в доме моем, и начали они целовать меня и плевать мне в лицо. Нестерпим был для меня смрад их! Змеи начали есть ноги мои, лицо и глаза, а эфиопы, стоявшие вокруг меня, отворили уста мои и влагали в них ложкою нечто огненное, затем напоили меня горящею смолою с серой...

Когда я от всех этих видений кричал во сне, то пришли братья и разбудили меня. Я был облит слезами. Встав, я поспешил к преподобному старцу и, припав к ногам его, рассказал все по порядку. Старец объяснил значение всех виденных мною истязаний, указал причины их - мои страсти и утаиваемые помыслы. Потом сказал: знай, сын мой, что добродетели, которые ты совершал в мире, смешаны были с возношением и гордостью. Твои бдения, твое пощение, твое неупустительное -хождение в церковь, милостыни, которые ты раздавал, все это делалось под влиянием похвалы человеческой. По этой причине и диавол тогда не хотел нападать на тебя. Ныне же, увидев, что ты вооружился на него, и он восстал на тебя. Старец завещал мне всегда говорить о смущающих меня помыслах и, так наставив, отпустил. С этого времени я начал открывать мои помышления и пребывал во всяком покое[79].

В примечании к этой повести епископ Игнатий говорит:

"Подвиг иноческий основывается на истинном смирении, соединенном естественно с отвержением своего "я", причем возвеличивается пред человеком Бог, и вся надежда спасения возлагается на Бога; напротив того, подвиг мирянина, состоящий из внешних дел, естественно растит свое "я" и умаляет пред человеком Бога. По этой причине видим, что многие великие грешники, вступив в монашество, соделались великими святыми, а знаменитые подвижники мира, вступив в монашество, оказали самое умеренное преуспеяние, а некоторые и расстроились. "Надлежит исследовать, говорит св. Иоанн Лествичник, почему миряне, которые проводят жизнь в бдениях, в посте, в подвижничестве, перешедши к жизни монашеской, в это поприще душевных опытов, удаленное от человеков, оставляют свое прежнее подвижничество, растленное и притворное. Я видел многие и различного рода древа добродетелей, насажденные мирянами, напояемые тщеславием, как бы гноем из помойной ямы, при уходе за ними

[79] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 118-122. Приведено сокращенно

являтельства (совершения дел напоказ или открыто пред человеками), при утучнении земли около них похвалами; эти древа, будучи пересажены на землю пустынную, не посещаемую мирскими, не имеющую смрадной воды тщеславия, немедленно посохли. Воспитанным в неге древам несвойственно расти и приносить плод на жесткой почве иночества" (Лествица, слово 2-е).

В Константинополе жили два родных брата. Они были весьма набожны и постились много. Один из них пошел в Раифу, отвергся мира и принял монашество. По прошествии некоторого времени брат его, мирянин, захотел посетить монаха. Он пришел в Раифу и побыл с монахом некоторое время. Заметив, что монах вкушает в девятом часу (третьем пополудни), он соблазнился и сказал ему: Брат! Когда ты жил в миру, то не позволял себе вкушать прежде солнечного захождения. Монах отвечал: когда я жил в миру, то питался тщеславием, слыша похвалы от человеков: они облегчали для меня тягость подвига постного".

"Некоторый брат пришел в Хермейскую гору к авве Феодору, старцу великому по жизни и добродетелям, и сказал ему: Отец! Что мне делать? Душа моя погибает. Старец на это: почему так, сын мой? Брат отвечал: когда я проводил жизнь мирянина - много постился и упражнялся в бдениях, имел обильные слезы и умиление, ощущал в себе ревность; ныне же, когда отрекся от мира и сделался иноком, не вижу в себе ни одной добродетели.

Старец сказал ему: поверь мне, сын: то, в чем ты преуспевал в мирской жизни, преуспевал по причине гордыни и похвалы человеческой, они споспешествовали тебе, тонко действуя в тебе. Делание твое неприятно было Богу, и диавол пренебрегал тобою, не воздвигая против тебя браней и не препятствуя такому преуспеянию твоему; ныне же, видя, что ты вышел на войну против него, он вооружился против тебя. Но Богу угоднее один псалом, ныне произносимый тобою со смирением, нежели тысяча псалмов, которые ты произносил, находясь в мирской жизни.

Брат сказал на это: Отец! Ныне я вовсе не пощусь: все добродетели взяты от меня! - Старец: Брат! Довольно тебе того, что имеешь, терпи с благодарением и будет тебе благо. Но брат настаивал на своем: точно, говорил он, погибла душа моя.

Тогда старец сказал: Брат! Опасаясь, чтоб не ослабить твое смиренномудрие, я не хотел говорить тебе того, что вижу себя вынужденным сказать по причине состояния уныния, в которое ты приведен диаволом. Выслушай внимательно слова мои. Мнение твое, что имел добродетели, пребывая в мирской жизни, принадлежит к отраслям гордости: так и фарисей погубил все добрые дела свои. Теперь же, когда ты думаешь, что решительно не имеешь ни одного доброго дела, этой одной смиренной мысли уже достаточно для твоего спасения: так был оправдан и мытарь, не сделавший ни одного доброго дела. Грешный или ленивый человек, но сокрушенный или смиренный сердцем, угоднее Богу человека, делающего много добрых дел и зараженного по причине их самомнением.

Брат, услышав это, ощутил в душе своей утешение и разрешение недоумения своего. Он поклонился старцу до земли и сказал: ныне, при посредстве твоем, спасена душа моя"[80].

Все сказанное вовсе не означает, что в миру невозможно совершать истинные добродетели или что все должны идти в монастырь. Это также и не означает того, что лучше нам, чтоб не впасть в гордость и тщеславие, вообще оставить все внешние подвиги. Нет, но это должно отрезвить, должно повести к осторожности и осмотрительности: значит, среди общества человеческого так сильно действуют разные страсти, как говорит апостол: *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Этим духом всегда жил мир, особенно усилились в нем эти пагубные страсти в наше время. Поэтому-то к каждому делу, которое может принести похвалу или уважение к делателю его, если оно не осолено духом смирения и самоуничижения - обязательно привьется пагубная

[80] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 337

страсть тщеславия и гордыни. Конечно, в миру также необходимо подвизаться и очень тщательно трудиться над своим внешним поведением, исполнять множество телесных добродетелей и подвигов, но необходимо все время пристально следить за сердцем - чтоб внешнее не совершалось во вред внутреннему. Для этого надо правильно расценить значение внутреннего и внешнего делания, уяснить цель того и другого, нащупать точную меру им обоим.

Как внешнее христианское делание связано с внутренним

По учению свв. отцов, то проклятие земли, которое было изречено Богом в наказание Адаму и его потомкам, эта казнь роду нашему, и до сих пор лежит на земле, поэтому-то земля сама изобильно произращает разные сорные травы и деревья, не приносящие годных в пищу человеку плодов, а все злаки и растения, которые питают тело человека, приходится выращивать проливая пот, постоянно пребывая в труде[81].

Но эта казнь в духовном смысле относится к нашему сердцу. Эта земля - сердце наше - после грехопадения Адамова тоже произращает терния и волчцы, т. е. греховные ощущения и помышления. Чтоб насадить в сердце хлеб небесный - Слово Божие, чтоб оживить его, сделать его способным к духовной жизни, необходим немалый труд, подвиг. Для того чтоб земля могла принять в себя семена, необходимо эту землю возделывать: разрыхлять, переворачивать, умягчать, удалять сорные травы и вычищать их корни; нужны для этого разные орудия: плуги, бороны, лопаты. Точно так и сердце наше нуждается в обработке постом, бдением, поклонами и прочими удручениями тела, чтоб обуздать плотские его влечения и плотские помышления ума. Но если при этом возделывании сердца телесными подвигами оно не будет усваивать евангельские заповеди, не будет поучаться в них и руководствоваться ими, жить ими, то тогда оно будет еще гораздо более, чем до возделывания, произращать из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. И земля вспаханная, удобренная, мелко разрыхленная, но не засеянная - с большей силой родит плевелы. Также и наоборот: не засевают семян в невозделанную почву; так и сердце, не возделанное телесными подвигами, с необузданными плотскими влечениями, не может вместить в себя духовного насаждения; кто возьмется за это, тот потрудится напрасно или даже может впасть в самообольщение и бесовскую прелесть.

Телесные труды существенно нам необходимы. Святые отцы говорят, что телесные труды приводят душу в смирение. Но какое отношение имеют они к расположению души? - Авва Дорофей говорит в ответ на этот вопрос:

"...Я объясню вам это. Так как душа, по преступлении заповеди, предалась, как говорит святой Григорий, прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное, и некоторым образом стала как бы нечто единое с телом, и вся соделалась плотию, как сказано: *не имать пребывати дух Мой в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6,3), и бедная душа как бы состраждет телу и сочувствует во всем, что делается с телом. Посему-то и сказал старец, что и телесный труд приводит душу в смирение. Ибо иное расположение души у человека здорового и иное у больного, иное у алчущего и иное у насытившегося. Также опять иное расположение души у человека, едущего на коне, иное у сидящего на престоле и иное у сидящего на земле, иное у носящего красивую одежду и иное у носящего худую. Итак, труд смиряет тело, а когда тело смирится, то вместе с ним смиряется и душа..."[82].

Из этих слов хорошо видно, какое должно быть соответствие между внутренним - духовным и внешним, телесным трудом. Никогда нельзя забывать цель всех наших внешних подвигов: умягчить, смирить наше сердце, сделать его восприимчивым к Слову Божию, затем тут же насаждать в нем семена духовные. При этой обработке почвы сердечной надо ясно сознавать свою меру, возможности, силы, чтоб распахать столько, сколько можем засеять и сколько будет нам по силам, чтоб вырастить и собрать плоды.

---

[81] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 35, стр. 206. Исаак Сирин. Слово 19

[82] Аввы Дорофея душеполезные поучения. Поучение 2, стр. 48

Теперь рассмотрим некоторые внешние добродетели и те неправильные основания, на которые они могут опираться.

Как мы можем ошибаться, думая, что имеем в себе истинную любовь к Богу

Часто случается так, что человек, уверовавший и начавший благочестивую жизнь, но не изведавший еще своего глубокого греховного повреждения, впадает в мнение о себе, что он всею душою любит Бога, начинает искать в себе признаки этой любви, старается всеусиленно разгорячить в сердце это чувство, сам искусственно изображает его в себе таким, как он себе его представляет. Иногда диавол так тонко скрывает от человека его страстные наклонности души, его внутренние болезни, что тот видит себя почти чистым, как белый лист бумаги, и начинает сам живописать разные "духовные" переживания, которые на самом деле незнакомы его сердцу и очень еще далеки от него. Тогда очень легко может сложиться впечатление, что он и вправду любит Бога всею душою и сердцем и Ему Единому желает служить, Им только и живет. Но на самом деле ничего этого нет. Допустим: появилось у верующего некоторое усердие к молитве, ум несколько заинтересовался чтением Св. Писания и святых отцов, сердцу усладилась какая-то духовная мысль и т.п.- ведь у каждого бывают такие просветления, утешения от Бога, но если при этом человек не видит свою темную сторону души, бездну греха в себе, все внимание его будет направлено на эти малые светлые пятна, -то легко сложится убеждение, что и все в нем светло.

Ясно видно из всех наставлений свв. отцов, из житий преподобных, да и из всего учения Православной Церкви, что никто не приходил к действительно светлому состоянию скоро и без жестокой борьбы.

Конечно, ни у кого не повернется язык сказать: "я не люблю Бога", но на самом деле чаще всего так и есть. И не столько ужасно увидеть это в себе и взыскать пути к этой любви, как ужасно помышлять, что мы уже любим Бога. Чаще всего в этом сокрыта любовь не к Богу, а к себе. У нас может сложиться о себе мнение, некоторый идол в нашем самовоззрении, и мы представляем сами себя таким горящим ревностью, любящим всецело Бога человеком, ненавидящим этот лукавый мир и жаждущим только небесного. Тогда, когда мы возлюбим себя такими, мысленно одев себя в эту добродетель, мы начинаем воздавать тайно хвалу этому идолу нашему: все, что мы как будто творим во Имя Божие, по любви к Богу, на самом деле потешает наше самомнение, от каждого подвига растет в нас этот идол, украшается, прославляется в нас, утверждается в нас эта мысль о себе: "я - истинно любящий Бога христианин, я ревностный, я готов на все идти ради Бога" и т. д. Этот взгляд на себя может давать человеку необыкновенный стимул к совершению различных подвигов и внешних добродетелей.

Диавол, видя такое самодовольное настроение сердца, чтоб еще более укрепить человека в его довольстве собой, отводит от него все свои разжжения и досаждения, которыми обычно распаляет в нас страсти, так что человек совершенно перестает видеть в себе какие-либо серьезные греховные наклонности и еще более утверждается в своей прелести. Разные незначительные свои погрешности он искореняет ревностно, думая, что в этом и содержится вся главная его духовная брань. Это как раз и есть та фарисеева закваска, которая *комара отцеживает, а верблюда поглощает* (Мф. 23, 24).

На самом же деле, до того, как насадится в верующем истинная ревность и любовь к Богу, ему предлежит долгий и скорбный путь, часто придется ему проходить каменистую пустыню сердечного нечувствия и ожесточения, окунаться в холодную, грязную воду своих страстей, нечистых помыслов, осквернений; какие же только он не увидит в себе безумные, сатанинские, нелепые наклонности, пожелания - в уме, в сердце, во всех своих внутренних силах; сколько раз впадет в уныние, увидит себя самым негодным, ни на что доброе неспособным, почти что врагом Божиим. Сколько раз он увидит в себе сильнейшую привязанность к земле, к самому плотскому, даже к делам бесовским найдет

в себе симпатию и сочувствие, сколько раз ужаснется о себе, восплачет, взмолится, сколько раз падет и восстанет, прежде чем начнут спадать милостью Божией с него эти цепи греха. И это все при том, что христианин обновлен св. крещением, которым исцеляются все недуги падшего естества, восстанавливаются образ и подобие Божие в нем, насаждается в человека Святой Дух, уничтожается повреждение свойств и т.д.- Да. Но благодатное состояние крещения нуждается в поддержании жительством по евангельским заповедям. Мы же, ожив в пакибытие крещением, снова умерщвляем себя жизнью по плоти, жизнью для греха, для земных наслаждений и приобретений. Благодать крещения остается без действия, как светлое солнце, закрытое тучами, как драгоценный талант, закопанный в землю[83].

Так что не скоро и не легко достигает христианин истинной любви к Богу. Вот что об этом говорит святой епископ Игнатий:

"Весьма часто мы приступаем к служению Богу при посредстве такого способа, который противен установлению Божию, воспрещен Богом, который приносит душам нашим не пользу, а вред. Так, некоторые, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышеннейшая из добродетелей, что она - Бог, начинают и усиливаются тотчас развивать в сердце своем чувство любви, им растворять молитвы свои, богомыслие, все действия свои. Бог отвращается от этой жертвы нечистой. Он требует от человека любви, но любви истинной, духовной, святой, а не мечтательной, плотской, оскверненной гордостью и сладострастием. Бога невозможно иначе любить, как сердцем очищенным и освященным Божественною благодатию. Любовь к Богу есть дар Божий: она изливается в души истинных рабов Божиих действием Святого Духа. Напротив того, та любовь, которая принадлежит к числу наших естественных свойств, находится в греховном повреждении, объемлющем весь род человеческий, все существо каждого человека, все свойства каждого человека...

Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение. Оно немедленно устраняет от правильного служения Богу, немедленно вводит в разнообразное заблуждение, оканчивается повреждением и гибелью души...

Ветхий Завет повествует о страшной казни, которой подверглись Надав и Авиуд, два сына Аароновы, жрецы народа израильского. *Каждый* из них, сказано в книге Левит (Левит. 10, 1-2), взял *свою кадильницу,* вложил в нее огнь и фимиам, принес *пред Господа огнь чуждый, которого Господь не повелел приносить*. Только освященный огнь, хранившийся в Скинии Свидения, мог быть употребляем при священнослужении израильтян. *И изшел огнь от Господа, и попалил их, и они умерли пред Господом*. Чуждый огнь в кадильнице жреца израильского изображает любовь падшего естества, отчуждившегося от Бога во всех своих свойствах. Казнью жреца дерзостного изображается умерщвление души, безрассудно и преступно приносящей в жертву Богу вожделение нечистое. Поражается такая душа смертию, погибает в самообольщении своем, в пламени страстей своих.

Напротив того, священный огнь, который один употребляется в священнодействиях, означает собою благодатную любовь. Огнь для Богослужения взимается не из падшего естества, - из Скинии Божией...

...Раскаяние в греховной жизни, печаль о грехах произвольных и невольных, борьба с греховными навыками, усилие победить их и печаль о насильном побеждении ими, принуждение себя к исполнению всех евангельских заповедей - вот наша доля. Нам предлежит испросить прощение у Бога, примириться с Ним, верностью к Нему загладить неверность, дружество со грехом заменить ненавистью ко греху. Примирившимся свойственна святая любовь...

Ощущение любви, которое приписывает себе грешник, непрестающий утопать во грехах, которое приписывает он себе неестественно и гордо, есть не что иное, как одна

---

[83] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2, "Слово о страхе Божием и о любви Божией" стр. 56

обманчивая, принужденная игра чувств, безотчетливое создание мечтательности и самомнения; *всяк согрешаяй не виде Его, не позна Его* (1 Ин. 3, 6), Который есть Любовь.

"Премудрый Господь, - говорит великий наставник монашествующих Исаак Сирин, - благоволит, чтоб мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтоб не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть матерь следующей за нею. Если оставишь матерь, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дщерей, прежде стяжания матери их, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь (сл. 72). Духовный разум естественно последует за деланием добродетелей. Тому и другому предшествуют страх и любовь. Опять: страх предшествует любви. Всякий, бесстыдно утверждающий, что можно приобрести последующее, не упражняясь предварительно в предшествующем, без сомнения, положил первое основание погибели для души своей. Господом установлен такой путь, что последнее рождается от первого" (сл. 5).

"...Каждый говорит, что желает любить Бога; говорят это не только христиане, но и неправо поклоняющиеся Богу. Это слово говорится обыкновенно каждым. Но при таких словах движется только язык, между тем как душа не ощущает того, что говорится. Многие больные не знают даже того, что они больны. Злоба есть болезнь души, и прелесть - утрата истины. Весьма многие, зараженные этими недугами, провозглашают свое здравие, и многими бывают похваляемы. Если душа не уврачуется от злобы и не стяжет естественного здравия, в котором она создана, если не возродится в здравие Духом, то человеку невозможно пожелать чего-либо вышеестественного, свойственного Духу, потому что душа, доколе находится в недуге по причине страстей, дотоле неспособна ощущать ощущением своим духовное, и не умеет желать его, но желает только от слышания и чтения Писаний (ел. 55)[84].

"Когда человек сподобится ощутить что-либо духовное, т. е. ощущение от Бога, тогда он поймет, что все собственные душевные ощущения ничтожны, сопряжены с самообольщением. К земле обетованной надобно пройти через пустыню. Идя по этой пустыне, надо знать, что она - пустыня, а не земля обетованная, чтоб не принять какого-либо оазиса пустынного с роскошною и богатою природою за землю обетованную и по этой причине не лишиться земли обетованной..."[85].

"Совершенство любви заключается в соединении с Богом, преуспеяние в любви сопряжено с неизъяснимым духовным утешением, наслаждением и просвещением. Но в начале подвига ученик любви должен выдержать жестокую борьбу с самим собою, с глубоко поврежденным естеством своим: зло, природнившееся грехопадением естеству, сделалось для него законом, воюющим и возмущающимся против Закона Божия, против закона святой Любви"[86].

"Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние исступления. Находящихся в разгорячении и исступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они, несчастные, - жертвы самообольщения"[87].

"Божественная ревность есть огнь, но не разгорячающий крови! Он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние (Добротолюбие, 1 ч. Собеседование Максима Капсокаливи с преп. Григорием Синаитом). Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и мечтаний"[88].

"Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное, - оно из падшего естества нашего и познается по тому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из

---

[84] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2, "Слово о страхе Божием и о любви Божией", стр. 52-59

[85] "Морально-аскетические воззрения епископа Игнатия" Леонида Соколова, часть 2

[86] Епископ Игнатий Бр.янчанинов. Т. 1, "О любви к Богу", стр. 128

[87] Там же, стр. 129

[88] Там же, т. 5, гл. 36, стр. 212

мира и рождает мир... Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтоб они текли тихо, как сказал Пророк о водах Силоамских: "воды Силоамли текущие тисе". Всякое разгоряченное чувство - кровяное! Не сочти его усердием, ревностью по благочестию, любовью к Богу и ближним. Нет, - это движение души, произведенное в ней нервами, кровию. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые орудия и цепи миродержца, его скипетр, держава. Храни себя в глубоком мире и отвергай все, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную"[89].

"Желающий приступить к Богу для служения Ему должен предаться руководству страха Божия... Страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами[90] для того, чтоб законно соделаться чадами. По мере очищения покаянием начинаем ощущать присутствие Божие; от ощущения присутствия Божия является святое ощущение страха...

Если желаем стяжать любовь к Богу, возлюбим евангельские заповеди; продадим наши похотения и пристрастия, купим ценою отречения от себя село - сердце наше, которое без этой купли не может принадлежать нам; возделаем его заповедями и найдем сокровенное на нем небесное сокровище - любовь"[91].

Как можем мы обманываться в себе, думая, что имеем любовь к ближнему

Очень часто в наше время люди обманываются, полагая, что достаточно одного желания и малого усилия, чтоб им начать любить ближних христианской любовью. Как много и красноречиво говорится в наши дни во всем мире о любви, все приглашают друг друга объединиться под знаменем любви, весь мир опьянен идеей какой-то абстрактной человеческой любви, надеется этим путем разрешить все свои ужасные противоречия. В христианском учении также часто говорится о любви к ближним: заповедь о любви к ближнему Самим Господом поставлена рядом с первой заповедью - любви к Богу, а все отцы Церкви единодушно утверждают, что любовь к ближнему есть основание заповеди о любви к Богу. Но одна ли и та же любовь, к которой призывает мир и которой учит Церковь? - Нет! далеко не одна и та же, скорее они крайне различаются. Показательно то, что чем более мир превозносит любовь человеков друг к другу, тем более ему ненавистно то понимание любви, которое преподается в учении Православия. Как во всем мире крайне извращено понимание любви к ближнему, так и в отдельности каждый человек легко может обмануться и принять чувства, самые чуждые истинному христианству, за нечто светлое, возвышенное, богоугодное.

Отчего это? - Оттого что люди, услыхав о возвышенности любви, о святости ее, что она выше всех добродетелей и без нее все мертво, начинают искать ее в себе и усиленно выжимать из себя эту любовь в готовом виде, не понимая того, что наше падение, наше удаление от Бога, все те накопленные нами болезни души, страсти, злые привычки и тому подобное зло в нас больше всего повредили это наше свойство - любить. Никакие возвышенные слова и идеи о любви сами по себе недостаточны, чтоб восстановить в нас это повреждение.

"Если бы христианство ограничивалось только одним учением о любви, оно было бы бесполезно, потому что в наличной человеческой природе, искаженной грехом, нет сил для проведения в жизнь этого учения. О любви говорил и Ветхий Завет и даже язычники, но этого мало. Разум признает, что заповедь о любви хороша, но человек постоянно будет встречать в самом себе *иной закон, противоборствующий закону ума* и пленяющий его

---

[89] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 59, стр. 84-85

[90] Трояким образом, - говорит Василий Великий, - мы благоугождаем Богу: из боязни мук - как рабы, ища награды, ради собственной пользы - как наемники, или ради любви к Богу творить добро ради самого добра - как сыновья (Авва Дорофей, поучение 4)

[91] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2, стр. 60, 61, 68

закону греховному (Рим. 7, 23). Кто наблюдает за движениями души своей, тот хорошо знает, как грехи и страсти борются с разумом и как часто они его побеждают. Разум гнется под напором страстей; грех, как бы какой туман, закрывает от нас солнце истины, связывает все добрые силы нашей души. Может ли нам в таком печальном состоянии помочь одно только учение о любви? Но в том-то сила и значение дела Христова, что оно не ограничивается одним только учением. Человечеству даны новые силы. Дело Христово есть создание "новой твари", т. е. Церкви. В Церкви живущий Дух Божий дает силы для осуществления христианского учения в жизнь. Без Церкви нет христианства; остается только христианское учение, которое само собою не может "обновити падшаго Адама"[92].

Так что искать любовь вне Церкви Православной, в среде людей совершенно неверующих или еретиков есть глубокое заблуждение. Но и мы сами, православные христиане, не должны думать, что сердце наше может легко склониться к исполнению этой заповеди. Нет, - но надо пролить пот и слезы, много потрудиться и поскорбеть, прежде чем появятся хоть слабые признаки того, что сердце умягчилось и умилостивилось к ближнему. Если мы внимательно начнем всматриваться в свою душу, если действительно ради заповеди Божией возжелаем любить ближнего своего, то обнаружим в сердце жестокое противление, оно то будет отзываться окамененным нечувствием, то озлобляться и рыкать подобно хищному зверю, будет источать то ненависть, то клевету, то мстительность и зависть, то насмешку, то осуждение, то будет усмехаться злу, преткновению ближнего, то огорчаться его успехами, - таково наше сердце, пока оно не очищено продолжительным трудом самоукорения, молитвами, многими внутренними и внешними подвигами, терпением скорбей, обид, несправедливостей и т. д. Недаром святой Иоанн Лествичник помещает любовь на самой высшей - тридцатой - ступени своей лествицы добродетелей. Как же мы мечтаем достичь ее, перепрыгнув все двадцать девять?

Какие только страсти, какие только искажения наших душевных чувств не способны облекаться в одежду любви к ближнему! Какие только пристрастия не стараются изображать из себя самую святую любовь и милосердие к ближним! Многие самые отвратительные страсти получают свободу жить и действовать под прикрытием христианской любви. Как раз больше всего нас от Христа и удаляют разные привязанности и пристрастия к людям, мы всегда льнем друг к другу и к обществу человеческому, водимые всевозможными страстями и дурными наклонностями, которых и перечислить невозможно. Начиная благочестивую христианскую жизнь, нам должно как раз больше всего приложить усилия к тому, чтоб освободить сердце от множества таких больных, душевных привязанностей к людям. И тут лукавые демоны стараются напеть нам некоторую разнеживающую, расслабляющую, льстящую нам песенку про любовь ко всем людям, про милосердие, про самопожертвование; таким образом, человек может продолжить те же нечистые отношения, оскверняющие сердце, думая, что он начал совершенно иную жизнь, и что он тянется к общению - это есть признак зародившейся в нем любви к ближним. По неразумию такие страсти, как человекоугодие, ложное, основанное на самолюбовании смирение, притворная скромность, блуд в самых тонких, сокровенных видах и т. п., могут показаться тем светлым источником, из которого исходит милосердие. Очень важно для спасения души как раз удалить из нее все напускное, притворное, страстное. Мы не играть должны в христианскую любовь, но делать все, чтоб действительно стяжать эту истинную любовь к ближним. Мы должны различать кровяное, душевное, плотское от духовного. Все истинно евангельское, исполнение всякой заповеди Христовой именно ради Бога, ради вечности, не по страстному увлечению, всегда сопряжено с борьбой, с усилием, с понуждением своих сил. Чувство умиротворения и легкости будет после победы, после совершения самого подвига. А страсть, наоборот, так воодушевляет к делам ложной любви, что если встретятся препятствия со стороны церковных правил, установлений святых отцов, то

---

[92] Архиепископ Иларион Троицкий, + 1929 г., "Христианства нет без Церкви", Сергиев Посад., 1915 г. "Православн. чтение", 1991 г., № 1. Изд. Моск. Патр.

движимый такой "любовью" спешит с раздражением отвергнуть их, назвав устаревшими или неправильно понятыми, и спешит исполнить дело "любви". Истинная христианская любовь не старается выказаться наружно, она сдержанна, ищет действительной помощи ближнему, не только в его телесной потребности, но заботится всегда и о душе; а плотская любовь не думает о вечности, для нее все главное только в этой жизни, ей нужны сильные переживания, эффекты,, впечатления, реклама. Душевная любовь эгоистична, она любит не ближнего, а саму себя, утверждаемую через ближнего. Опять в душе тот истукан: "я - милосердный и братолюбивый", - он-то и присваивает себе славу за внешние дела милостыни.

Беда, когда человек привязывается к ближнему похотной телесной страстью, какой-нибудь темной и неясной привязанностью, думая, что это есть духовная связь. И окажется на Суде, что многое из того, что нами почиталось светом, - тьма.

Вот об этом предмете учение отцовское, пишет епископ Игнатий:

"Не подумай, возлюбленнейший брат, чтоб заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь - новая, а сердце наше - ветхое.

Естественная любовь наша повреждена падением, ее нужно умертвить - повелевает это Христос - и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских.

Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою. Ивврази человеку домашнии его* (Мф. 10, 34-36). Святый Дух научает любить ближнего свято. В каком падении наше естество? Тот, кто по естеству способен с горячностью любить ближнего, должен делать себе необыкновенное принуждение, чтоб любить его так, как повелевает любить Евангелие.

Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей"[93].

"Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новою любовью к нему, любовью в Боге"[94].

"Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостью... В ней живет идол "я", поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения и завешивающийся завесою будто бы добродетели"[95].

"Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевною глупою привязанностью, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая - ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная"[96].

"Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, - отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! Действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва оскверненная; плоды действия душепагубны, убийственны. Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых слов, сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их, как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя; плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения (Мф. 5, 21-48). Никак, ни под каким

[93] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О любви к ближнему", стр. 123-124

[94] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 86

[95] Там же

[96] Там же. Письмо 90, стр. 149

предлогом, не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он, или худ, имея перед глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом, - себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтоб было поступлено относительно тебя (Мф. 7, 1-12). Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтоб и Отец Небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения... Наконец, не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему, ты окажешь и стяжешь к нему заповеданную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией..."[97].

"Воздавай почтение ближнему как образу Божию, почтение в душе твоей, не видимое для других, явное лишь для совести твоей. Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, - и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь. Причина этой святой любви - не плоть и кровь, не влечение чувств, - Бог..."[98].

Сличая это учение Церкви о любви к ближнему с той безобразной, искаженной личиной любви, которую провозглашает ныне мир, ужасаешься ее уродству. Как ясно, что взрастить в сердцах истинную любовь можно только в лоне Православной Церкви, при условии точнейшего исполнения ее учения и уставов, при постоянном очищении, освящении, приобщении благодати Божией чрез святые таинства, но никак не иначе. По мере того как люди все более и более отвергают смиренномудрое, покаянное учение отцов Православия, предаются самооправданию и самовозвеличиванию, они все более теряют даже верное понятие об истинной любви, заменяют ее кривляниями, лицемерием, фальшью.

Коснемся здесь еще несколько заповеди Господней о милосердии. Приведем еще одно наставление епископа Игнатия из его писем[99]:

"Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите милосерди, якоже и Отец ваш* небесный *милосерд есть* (Лк. 6, 36). Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердым, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка, Господи, заповедь Твоя зело!* (пс. 118). Кто возможет ее исполнить вполне самым делом?..

Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну в себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познания добра и зла. Кажусь я людям милосердым; но с точностью поверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие; милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне кровь; но чтоб подвигала меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, - этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердым сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обличается сердечный недуг мой святою заповедью! Убеждаемый ею, признаю себя, по естеству милосердого, жестокосердым, человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердым по движению крови; но быть милосердым по заповеди Христовой для него - распятие.

...Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем

---

[97] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 15, стр. 66

[98] Там же, т. 1, стр. 127

[99] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 33, стр. 33-35. - Здесь так часто приводятся поучения этого святого отца не из-за какого-либо пристрастия к нему, но ради того, что св. еп. Игнатий, как никто другой, совершил величайший труд по изучению всего огромного, цельного, богатейшего наследия всех свв. отцов Церкви, сделал как бы вытяжку, собрал самое важное и необходимое, наиболее соответствующее потребностям нашего времени учение, изложил его доступно, ясно, обширно. Он пророчески предвидел все коварства последнего времени и оставил последним христианам подробное разъяснение - как им спасаться, как храниться тех сетей

человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть богоугодною добродетелью. Мало этого! оно враждебно заповедям евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца.

Господь, Спаситель мира, во время пребывания Своего на земле, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему должно идти во Иерусалим, там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из апостолов, святой Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу: *Милосерд Ты, Господи,* - говорил он, - *не имать быта Тебе сие.* На это изъявление сострадания, милосердия - естественных, Господь отвечал св. Петру: *Иди за мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая* (Мф, 16, 22-23). Неужели в устах Богочеловека слово сатано было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властью сатаны, хотя по видимому они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны. Так повреждено горестным падением естество наше!

...Должно умертвить то милосердие, которого причина - кровь; должно снискать то милосердие, которого причина, источник - светлая и святая заповедь Христова; она - Дух, она - живот вечный.

...(Тогда) пред вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы вы ни стяжали преуспеяние в милосердии, оно покажется вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. Самое преуспеяние ваше будет научать вас смирению, приводить к нему. Таково свойство преуспеяния духовного! Напротив того, кто не отвергается себя, не погубляет души своей[100], действует по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет свое "я", видит добро в своих движениях, своих действиях, оживляет собственно себя, стяжавает мало-помалу высокое о себе мнение. Таковый, думая преуспевать духовно, преуспевает лишь в лютом падении..."

Это слово святого отца имеет особую ценность для нас, оно может быть отнесено к исполнению и всех других заповедей, да и вообще христианских добродетелей. Здесь ясно указано главное условие правильного исполнения их и причина прелести. Здесь коротко и точно высказано все то, о чем шла речь выше.

Как ревность душевная, плотская может представляться наружно ревностью святой, благочестивой

Люди, думающие о себе высоко, почитающие себя истинно верными служителями Бога, часто воспаляются плотской, душевной ревностью, начинают зорко следить за окружающими, осуждать их и обличать в разных нравственных погрешностях, в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. "Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, - не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по повелению Божию, по обязанности своей, по внушению Св. Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто же решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумнее и добродетельнее обличаемого им, что он действует по увлечению страстью и по обольщению демоническими помыслами"[101].

В каждом из нас очень глубоко сидит дух осуждения: по гордости, по самомнению, высокомерию, по злобе и другим страстным побуждениям мы постоянно ищем и находим

---

[100] Лк. 17,33

[101] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 36, "О ревности душевной и духовной"

у ближнего множество недостатков, ошибок, погрешностей. При этом - если мы начнем оправдываться ревностью по благочестию, то даем себе свободу действовать по этим страстям, начинаем с горячностью раздувать картину немощей и недостатков ближнего, рисовать его погрешности в самом ужасном, неприглядном виде, распаляем в себе и в других негодование, гнев, нетерпеливое стремление исправить, обличить его, порываемся научить его уму-разуму, даже уничижить его, думая, что это движет нами само благочестие. Такая ложная, воспаленная ревность всегда приводит к подозрительности, мнительности, клевете, к жестокости, ненависти, душевному вреду.

Замечено: когда ближний не принимает обличения, то такая слепая ревность производит памятозлобие и мстительность против него, а когда ближний покорится - то рождает тщеславное самодовольство[102].

Великое бедствие, когда разгоряченные ревнители дерзают вмешиваться в дела церковные, когда они по влечению своего страстного сердца и воспаленного ума думают исправлять то, что может быть исправлено лишь действием особенной благодати Божией, чрез посредство самых достойных, святых людей, которым ясно открыты Судьбы Божий. Как много бедствий в духовной жизни бывает от такой надуманной, болезненной озабоченности благочестием ближних, от дерзкой попечительности о духовной устроенности окружающих нас верующих, когда сами мы еще далеко не устроенны, не имеем мира в душе своей, далеки от любви к Богу и ближним.

Полезно ли начинающему христианину учить ближних делам веры

На почве той же недуховной ревности, тщеславного разгорячения, самомнения часто возрастает страсть к учительствованию. Стало обычным в наше время каждому наставлять и нравоучать ближнего, хотя очень часто учителями становятся те, кто сам еще не сделал даже нескольких шагов в христианскую жизнь, а только заглянул в нее через приоткрытую дверь. Как часто теперь бывает, что человек, проведший всю жизнь в неверии и грехах, после того, как покаялся и несколько переменил образ жизни, несколько раз сходил в церковь или пробыл несколько дней в монастыре, узнал некоторые законы и воззрения христианские, ознакомился с некоторыми правилами и порядками церковными, - как тут же начинает учить, обличать своих близких - друзей, родственников, упрекать их в неверии, в нецерковности, даже обвинять их в служении сатане и т. п.

Часто наблюдаются такие случаи, что новообратившийся, только что оставивший греховную жизнь человек, начавший тут же учить, обличать, исправлять близких, усиленно обращать их к вере, спасать их души, - сам вскоре претыкается, падает и возвращается к прежней греховной жизни; а те, кого он обличал, видя его в таком жалком состоянии, приписывают самому христианству бесполезность и немощность, сами еще более отвращаются от Церкви, от Бога.

Большинство из нас - как только прочитает что-либо поучительное или подметит какую-либо интересную мысль, рассуждение из духовных книг - сразу же спешит преподнести это ближнему в науку, вразумить его, торопится дать совет применить то или иное правило из отцов, хотя сами мы еще не пользовались этими правилами и не собираемся пользоваться.

Как часто теперь уверовавшие не живут верой, а только уразумевают отдельные моменты христианской науки, перетолковывают их, сообщают ближнему, сами так и не воспользовавшись этим богатством. Как теперь распространено такое явление: вся религиозная жизнь у человека и начинается и заканчивается только в голове, не доходя до сердца; входят религиозные познания через слух, через разум, вращаются в уме, пересматриваются, переосмысливаются, часто переделываются на свой лад и тут же через язык выносятся наружу, выдаются окружающим как бы нечто взятое из действительного духовного опыта, из самой жизни. Но такое знание, не испытанное, не выстраданное деятельной жизнью, борьбой, - пустое. Человек, поучающий не из духовного опыта, а из

---

[102] См. ту же статью

книжного знания, по слову Исаака Сирианина (сл. 1), подобен художнику, который, обещая воду жаждущему, пишет ее красками на стене. Беда еще и в том, что преждевременно посвятивший себя учительствованию остается сам без плода, увлечение это становится сильным препятствием к тому, чтоб заниматься собой, видеть себя, свои немощи, искать собственного уврачевания.

Опять же: в основе такого неправильного учительствования лежат тщеславие, самомнение, самоцен, гордость ума. Так же могут действовать склонность к праздности, стремление уклониться от тяжкого труда внутренней борьбы с собой и подменить эту работу легким - вразумлять других. Весь мир всегда был болен и сейчас болен этой страстью. Все мало-мальски выдающиеся умом личности всегда стремились учить и обращать всех к своим измышлениям; все философы, религиозные мыслители, ересеначальники старались усиленно распространять свои ереси; каждая религиозная секта желает всех, кого можно, вовлечь в свои сети. Значит, может быть множество безблагодатных стимулов, позывов к тому, чтоб проповедовать и вовлекать других в свою веру. Поэтому-то мы и не должны доверять этим нашим внутренним "ревностным" порывам - обращать всех на путь истинный, как это совершали благодатию Божией свв. апостолы и свв. отцы - светильники Церкви. Очень может быть, что это злые страсти, таящиеся в нас, подъущают нас перенести заботы о спасении своей души на заботы о спасении других, и, таким образом, они получают возможность иметь вольное пребывание в нашем сердце, и, спасая других, мы можем погибать. *Не мнози учители бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем,* -говорит апостол Иаков (Иак. 3, 1).

Вот что говорят об этом свв. отцы.

Один старец сказал: "Не начни учить преждевременно, иначе во все время жизни твоей пребудешь недостаточным по разуму"[103].

Авва Пимен Великий: "Учить ближнего столько же противно смиренномудрию, как и обличать его"[104].

Авва Исаия сказал: "Опасно учить ближнего преждевременно, чтоб самому не впасть в то, от чего предостерегается ближний учением. Впадающий в грех не может научать тому, как не впадать в него"[105].

Он же: "Стремление учить других, по признанию себя способным к этому, служит причиною падения для души. Руководствующиеся самомнением и желающие возводить ближнего в состояние бесстрастия приводят свою душу в состояние бедственное. Знай и ведай, что, наставляя ближнего твоего сделать то или другое, ты действуешь как бы орудием, которым разрушаешь дом твой в то самое время, как покушаешься устроить дом ближнего[106].

Исаак Сирианин: "Хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человека соделать себя чистым для Бога. Лучше тебе, будучи ведущим и опытным, быть косноязычным, нежели от остроты ума своего, подобно реке, источать учения. Полезнее для тебя позаботиться о том, чтобы мертвость души твоей от страстей воскресить движением помыслов твоих к Божественному, нежели воскрешать умерших.

Многие совершали чудеса, воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса, руками их многие приведены были к богопознанию, и после всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили самих себя и для многих сделались соблазном, когда явны стали деяния их, потому что были они еще в душевном недуге и не заботились о здравии душ своих..."[107].

"Даже то, если ты, искупив сотни рабов христиан из рабства у нечестивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей[108].

---

[103] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 398

[104] Там же, стр. 336

[105] Там же, стр. 148

[106] Там же, стр. 138

[107] Исаак Сирин. Слово 56

[108] "Невидимая брань", гл. 1

"Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума"[109].

"Благовествование и проповедь не есть не только первый, но и хоть бы какой-нибудь долг всякого верующего. Первый долг верующего - очистить себя от страстей..."[110].

"Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом..."[111].

"...но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым, надо иметь духовную опытность, а более всего духовное помазание..."[112].

"Если же человек прежде очищения Истиною будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее"[113].

Авва Исаия говорил: "Откуда могу знать, угоден ли я Богу, чтоб сказать брату: поступи так или иначе. - Сам нахожусь еще под игом покаяния по причине грехов моих"[114].

"Добрые чувства молчаливы. Излияния чрез слова ищут более чувства эгоистические, чтоб высказать то, что льстит нашему самолюбию и что может выказать нас, как нам мнится, с лучшей стороны"[115].

"Каждому из нас более должно заботиться о себе самом, о своей душе и о собственной пользе душевной, потому что, по слову апостола, каждый из нас сам о себе воздает слово Богу. - У нас же путаница оттого и происходит, что мы все более склонны к вразумлению других и стараемся не только убедить, но и разубедить и доказать многоразличными аргументами..."[116].

"Еще не успел я начать подвигов благочестия, а уже заразился тщеславием. Еще не успел вступить в преддверие, а уже мечтаю о внутреннем святилище. Еще не положил начатков жизни богоугодной, а уже ближних моих обличаю. Еще не узнал, что есть истина, а хочу быть наставником других. Душа моя! Все даровал тебе Господь - смысл, разум, ведение, рассуждение, познай же полезное для тебя. Как мечтаешь ты сообщать свет другим, когда ты сама погружена еще во тьму? Врачуй прежде самое себя, а если не можешь, то оплакивай слепоту свою"[117].

Итак: как видно из слов свв. отцов, поучать, руководить, наставлять - дело полезное не для каждого, хотя и представляется таким славным и похвальным; углубляться же в познание своих немощей, искать их врачевания - дело первейшей важности для всех.

Полезно ли новоначальному христианину размышлять о высоких духовных предметах

Начинающему шествовать по пути веры предстоит и такая опасность: вместо изучения простых и необходимых ему правил и основ, деятельной христианской жизни - уклониться в высокоумие, начать изучать сложные духовные предметы, стараясь своим немощным рассудком постичь то, что рассудком не познается; дерзнуть тонко исследовать Святое Писание, толковать таинственные пророчества. Ум наш болен и поврежден настолько, что ему как раз нельзя давать свободу решать духовные вопросы; как раз простым, почти детским верующим оком надо принимать уже готовую, подробно

---

[109] Житие Серафима Саровского

[110] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни

[111] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, гл. 13, стр. 77

[112] Там же. Т. 4, "Приложение" - письма, письмо 18

[113] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 51

[114] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 137

[115] "Невидимая брань"

[116] Иеросхимонах Амвросий Оптинский. Письма к мирянам

[117] Ефрем Сирин

разъясненную духовную науку, преподаваемую Церковью, святыми отцами. Очень опасно самому, неочищенным разумом, не понимая еще самых основ веры, дерзать постичь корни тонких и глубоких истин.

"Вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери... В существе дела, рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно тут уже нет веры..." - говорит еп. Феофан[118].

"Когда ум, еще не очищенный покаянием, еще блуждающий в области и мраке падения, еще не просвещенный и не водимый Духом Святым, дерзнет сам собою, собственными словами, из мрака гордыни рассуждать о Боге, тогда он непременно впадает в заблуждение. Такое заблуждение - богохульство. О Боге мы можем знать только то, что Он по великому милосердию Своему открыл нам", - говорит еп. Игнатий[119].

"Не будьте разумны и многосведущи. Для Бога приятнее младенческое лепетание души умалившейся, так сказать, от зрения множества немощей своих, нежели красноречивое витийство души, напыщенной самомнением"[120].

"Занимающийся размышлениями о высоких предметах не может избежать заблуждения и, проводя, по мнению своему, духовную жизнь, будет далеко отстоять от пути спасения. Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения"[121].

"Диавол часто влагает мысли высокие, тонкие и изумляющие, особенно тем, которые остроумны и скоры на высокоумничание. И они, увлекаясь удовольствием иметь и рассматривать такие высокие помыслы, забывают блюсти чистоту своего сердца и внимать смиренному о себе мудрованию и истинному самоумерщвлению; таким образом, будучи опутываемы узами гордости и самомнения, делают себе идола из своего ума, а вследствие того мало-помалу, сами того не чувствуя, вдаются в помысел, что не имеют уже более нужды в совете и вразумлении других, так как привыкли во всякой нужде прибегать к идолу собственного разумения и суждения"[122].

А мы постоянно вдаемся в высокоумие. Причем удивительно то, что разум современных людей никак не желает удовлетвориться теми разъяснениями духовных истин, которые преподает православное учение, они кажутся многим чересчур странными и невозможными, зато легко принимаются такие измышления и выдумки, чуждые учению христианскому, которые поражают своей фантастической нелепостью и отсутствием всякого здравого смысла.

Свойство падшего разума таково, что он безумие почитает часто высочайшей мудростью, а истинную мудрость осмеивает. Потому - для христианина очень важно преобучить разум свой простоте и смиренномудрию. Так, духовные книги надо изучать только с той целью, чтоб воспользоваться этим знанием для души своей, чтоб согреть сердце и привести его в умиленное чувство, а не для того, чтоб этим знанием выказывать себя ученым перед людьми.

Очень опасно самому толковать Святое Писание, допытываться умом до понимания неясных мыслей в книгах свв. отцов - в таком случае демоны часто нашептывают нам искаженные понятия, и мы можем получить немалый вред, да и повредить другим. Все непонятное надо узнавать у тех, кто хорошо изучил свв. отцов, или же - читая толкования

---

[118] Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Письмо 2, стр. 22

[119] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, стр. 495

[120] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 3

[121] "Морально-аскетические воззрения епископа Игнатия" Леонида Соколова - Письма в приложении, письмо 84

[122] "Невидимая брань", гл. 9

святых. Надо заметить, что почти все ереси начались именно с неправильного толкования Св. Писания. Начинающему христианину многие вопросы и не нужно понимать во всех их тонкостях.

Еще важно уяснить то, что духовная мудрость открывается только через опыт деятельной христианской жизни, познается по мере духовного роста, по мере очищения ума и сердца, а не от усилия рассудка, как в земных науках и мудрованиях. Поэтому надо чаще прибегать за научением к свв. отцам, которые жизнью прошли этот путь, на деле испытали всю эту таинственную духовную науку.

Когда послушание бывает Богу не угодно

Все хорошо знают, как важно **послушание** в духовной жизни, как опасно самочиние и самонадеянность. Авва Дорофей говорит: "Я не знаю другого падения, кроме того, когда человек следует сам себе. Увидишь ли падшего - знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего гибельнее сего... Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием. Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ, красив, но потом постепенно засыхает, падает и наконец попирается ногами. Так и человек, никем не управляемый, сначала всегда имеет усердие к посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим добродетелям, потом усердие это мало-помалу охлаждается, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, нечувствительно засыхает, падает и становится наконец подвластным рабом врагов, кои делают уже с ним, что хотят"[123]. - Так необходимо духовное руководство!

Но и послушание бывает истинное, духовное, а бывает и плотское, человекоугодливое. "Истинное послушание - послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо"[124]. И дело как раз в том, чтоб человек, которого мы слушаем, действительно ясно понимал волю Божию и имел трезвый взгляд на духовную жизнь, - в противном случае он может повредить нам. Опять же необходимо различать - подчинение, отсечение своей воли и послушание. Подчиняться мы должны не только церковным начальствам, но и гражданским, там, где это не нарушает законов нашей веры; отсекать свою волю мы должны почти всегда и во всем, насколько это возможно, не только перед людьми, но и перед обстоятельствами, веруя, что все происходящее вокруг нас происходит по Промыслу Божию. Конечно, и это надо делать с рассуждением, отличать душевредные вещи от безвредных, и если душе предстоит опасность повредиться - то не только -не подклоняться под чужую волю, но и настойчиво сопротивляться. То же самое отсечение своей воли необходимо и в отношении с недуховными руководителями, к которым мы вынуждены прибегать, - во всем, что нам не вредит. В вопросах же важных, определяющих направление самой духовной жизни души, таким наставникам доверяться уже нельзя, с этими вопросами можно обращаться только к тем духовным лицам, которые действительно (мы должны быть уверены в этом) верны Православию и имеют ясный духовный взгляд, хорошо знают святоотеческое учение. Только к таким духовникам может быть действительное послушание. Слепо же довериться человеку с искаженным пониманием православного учения - значит и самому наследовать это искажение; значит, стать исполнителем уже не воли Божией, а поврежденной воли человеческой, - и это независимо от того, будет ли тот наставник монах, иерей или архиерей.

Отцы говорят:

---

[123] Авва Дорофей. Поучение 5

[124] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 90, стр. 149

"Всем будь послушен во всяком добром деле, только не следуй за любостяжательными, или сребролюбцами, или миролюбцами, да не явится послушание твое делом диавольским"[125].

"Пользуйся таким советником, который, все испытав сам, умеет в терпении обсудить, что требует рассуждения и в твоем деле, - верно может указать истинно тебе полезное"[126].

"Для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым, надо иметь духовную опытность, а более всего духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный, скорее может смутить, нежели принести пользу"[127].

"В этом смысле завещавает и Апостол: *не будите раби человеком* (1 Кор. 7, 23). Он. повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере *человекоугодников,* но в характере *рабов Христовых,* творя волю Божию в наружном служении человекам (Ефес. 6, 6). *Ныне бо,* - говорит Апостол, - *человеки препираю или Бога? или ищу человеком угождати? Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10)".

"От истинного послушания рождается и истинное смирение: истинное смирение осеняется милостью Божиею. От неправильного и человекоугодливого послушания рождается ложное смирение, отчуждающее человека от даров Божиих, соделывающее его сосудом сатаны"[128].

Особенно же бедственно, когда послушник старается подражать такому всецелому послушанию, полному отказу от рассуждения и подчинению слову наставника, как это было у древних отцов, когда и сами руководители и руководимые были водимы Духом Святым, в наше же время почти не находится таких людей, которые бы могли безошибочно руководить и наставлять, тем более много таких учителей, которые сами заблуждаются в важнейших вопросах веры. Беда, когда ученик такого учителя начнет принимать каждое его слово и полслова как совершенную истину и точно следовать этому слову.

"Послушание - "чудо веры!" Совершить его может один Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны: тогда они подобны упоминаемым в Евангелии здателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его"[129].

"Изучай Божественное Писание, - говорит Симеон Новый Богослов, - и писания свв. отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть, как в зеркале, и понимать: согласное с Писанием усвоивать себе и содержать в мысли, ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей"[130].

Епископ Игнатий Брянчанинов говорит о послушании старцам, каким оно было у древнего монашества, что "такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы утверждали, что хорошо управлять и быть управляемыми - свойственно мудрым, и определяют, что это - величайший дар и благодать Святого Духа. Необходимое условие такого повиновения - духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти"[131].

---

[125] Исаак Сирин. Слово 9

[126] Там же

[127] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 4, письмо 18, стр. 454

[128] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Примечание на стр. 116

[129] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 4, письмо 54, стр. 514

[130] Добротолюбие. Гл. 33, ч.1

[131] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 5, стр. 71

"Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстям"[132].

Под видом послушания могут скрываться и различные пристрастия, даже похотливая страсть. Вообще - все безмерное, не осоленное духом истинного смирения и богоугождения, непременно оскверняется какой-либо нечистотой, подвергается осмеянию бесов.

Какие прельщения бывают при упражнениях молитвою

Горькая участь уклониться в самообольщение и прельщение злыми духами предлежит тем, кто мечтает достигнуть высоких молитвенных состояний, имея при этом ревность не истинную, а плотскую, душевную. Таких подвижников диавол легко опутывает своими сетями. Неправильное упражнение молитвою неразлучно с самообольщением, из которого и произрастает бесовская прелесть.

Очень подробно рассматривает разные виды прелести, бываемые при неправильной молитве, епископ Игнатий в "Беседе старца с учеником о молитве Иисусовой"[133]. Приведем здесь основные мысли этой статьи:

"Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы...

Покаяние и все, из чего оно составляется, как то: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предъощущение смерти, суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий, - суть дары Божии, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залоги даров высших и вечных. Без предварительного получения их, подаяние последующих даров - невозможно. "Как бы ни возвышенны были наши подвиги, - сказал св. Иоанн Лествичник, - но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны и тщетны" (ел. 7)...

Самый опасный неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения, - этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя... Святой Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ее так: "Он возводит к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем Божественные совещания, небесные блага, чины святых Ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом, мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтоб сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не подвергнуться умоисступлению и сумасшествию. Если же не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившегося в Ангела светлого, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от кого из братий; иные из них, поучаемые диаволом, убили сами

[132] Там же
[133] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О прелести", стр. 230-259

себя: иные низверглись в пропасти, иные удавились. И кто может исчислить различные прельщения диавола, которыми он прельщает и которые неисповедимы?"[134]...

Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести, потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости".

Преподает еп. Игнатий поучительные примеры такой бесовской прелести от развития мечтательности при молитве:

"Некоторый чиновник, живший в Петербурге, занимался усиленным молитвенным подвигом и пришел от него в необычайное состояние... И вот для духовного совета он обращается в монастырь к одному старцу монаху. Начал чиновник рассказывать ему о своих видениях, что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость и так далее... Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: "Не приходила ли вам мысль убить себя?" - "Как же! - отвечал чиновник. - Я уже было кинулся в Фонтанку, да меня вытащили". Оказалось, что чиновник употреблял образ молитвы, описанный св. Симеоном, разгорячил воображение и кровь, при чем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию действие, - и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Чиновник видел свет телесными очами; благоухание и сладость, которые он ощущал, были также и чувственные. В противоположность этому, видения святых и их сверхъестественные состояния вполне духовны: подвижник соделывается способным к ним не прежде, как по отверзении очей души Божественной благодатию. Монах начал уговаривать чиновника, чтоб он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа и неправильность состояния, доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету: "Как отказаться мне от явной благодати!" - возразил он. Выглядел он и жалким и каким-то смешным. Так, он сделал монаху следующий вопрос: "Когда от обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол: не грешно ли это?" - Точно: находящиеся в бесовской прелести возбуждают к себе сожаление как не принадлежащие себе и находящиеся по уму и сердцу в плену у лукавого, отверженного духа... Представляют они собою и смешное зрелище: посмеянию предаются они овладевающим ими лукавым духом, который привел их в состояние уничижения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни плена своего, ни странности поведения прельщенные не понимают, сколько бы ни были очевидными этот плен, эта странность поведения...

Когда чиновник ушел, другой монах, присутствовавший при разговоре, спросил старца, с чего пришло ему на мысль спросить чиновника о покушении на самоубийство. Тот отвечал: "Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовской прелестью, приходят минуты, в которые прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты - ужасны! Горечь их и производимое этой горечью отчаяние - невыносимы. По этому состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Увы! Начало прелести - гордость, и плод ее - преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя сосудом Божественной благодати, презирает спасительные предостережения ближних. Между тем припадки отчаяния становятся сильнее и сильнее; наконец отчаяние обращается в умоисступление и увенчивается самоубийством"...

Со мною был, - повествует далее еп. Игнатий, - достойный замечания случай. Посетил меня однажды Афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Мы сели в моей приемной келье, и он стал говорить мне: "Помолись о мне, отец: я много сплю, много ем". Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, почему и отвечал ему: "Ты не много ешь и не много спишь; но нет ли в тебе чего особенного?" и

[134] Добротолюбие. Ч. 1

просил его войти во внутреннюю мою келью. Идя пред ним и отворяя дверь, я молил мысленно Бога, чтоб Он даровал гладной душе моей попользоваться от афонского иеросхимонаха, если он -истинный раб Божий. Точно: я заметил в нем что-то особенное. Во внутренней келье мы опять уселись для беседы, - и я начал просить его: "Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру многих других афонских светильников". Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником и - о ужас! - с величайшим разгорячением начал передавать мне вышеприведенный способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он - в страшном разгорячении, у него разгорячены и кровь и воображение, он - в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине наставляемого, предлагать ему учение святых отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне незнаком с учением отцов о молитве! При продолжении беседы говорю ему: "Смотри, старец! будешь жить в Петербурге - никак не квартируй в верхнем этаже квартируй непременно в нижнем". "Отчего так?" возразил афонец. "Оттого, - отвечал я, - что если вздумается Ангелам, внезапно восхитив тебя, перенеся из Петербурга в Афон, и они понесут из верхнегс этажа, да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься" "Представь себе, - отвечал афонец, - сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что Ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!" Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собой способ, преподанный святыми отцами, состоящий в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался в словах молитвы. При этом сердце обыкновенно содействует уму душеспасительным чувством печали о грехах... "Когда ты испытаешь над собою, - сказал я афонцу, - то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по развлеченной жизни, проводимой мною". Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: "Что сделал ты со мною?" - "А что?" - "Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали и уже не могу возвратиться к ним". Далее в беседе с афонцем я не видел той самонадеянности и той дерзости, которые были очень заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил даже желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться по наружному образу жизни от прочих иноков, потому что такое отличие себя ведет к высокоумию, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он опять был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается в теплой одежде и спит гораздо более. При этом он говорил, что на Афонской горе многие и из пользующихся славою святости употребляют тот способ молитвы, научают ему и других..."

"Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие. Заключенный в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховности, не способный к многословию и вообще к эффекту и актерству представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И миру - как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе неизвестен миру? То ли дело - находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимою ходит

в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкою наглостью, без всякой правильности, без толку и смыслу, с кровяным, вещественным, страстным разгорячением, и по причине этого горестного, гибельного разгорячения. Святой, да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом.

Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых - по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее, молились и достигали видений, разумеется - ложных, упомянутым способом. Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести... Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда исступленное, по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись пред его взорами, по его желанию, ад или рай. Явление рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием, пополнявших действие действием, на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление..."

Другой вид неправильной молитвы описывает святитель:

"Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Как исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницею Святого Духа, так исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе неспособно для таких наслаждений. Сердце, усиливаясь вкусить божественную сладость и другие божественные ощущения, и не находя их в себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти. Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о погибели своей, называемое плачем, покаянием, сокрушением духа...

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они сделались не только чуждыми Бога, но и исступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести - ужасен: он одинаково душепагубен, как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума отцы назвали его мнением. Одержимый этою прелестью мнит о себе, сочинил о себе "мнение", что он имеет многие добродетели и достоинства, даже что обилует дарами Святого Духа. "Мнение не допускает быть мнимому", - сказал св. Симеон Новый Богослов. Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Необыкновенная напыщенность является в недугующих этою прелестью: они как бы упоены собою, своим состоянием самообольщения, видя в нем состояние благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоумием и гордостью, представляясь, впрочем, смиренными для многих, судящих по лицу, не могущих оценивать по плодам...

Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые для принятия его продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что им ложно усвоилось "мнением".

Зараженные прелестью "мнения" встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению или по учению инославному, находится в этой прелести.

Должно бдительно наблюдать за собою, чтоб не приписать собственно себе какого-либо доброго дела, какого-либо похвального качества или особенной природной способности, даже благодатного состояния, если человек возведен в него, короче, чтоб не признать собственно за собою какого-либо достоинства.

... Конечно, существуют и состояния духовные, производимые Божественною благодатию, при которых вкушается духовная сладость и радость, состояние, в котором открываются тайны христианства, в котором ощущается в сердце присутствие Св. Духа, в котором подвижник Христов сподобляется духовных видений, - говорит епископ Игнатий, - но существуют, только в христианах, достигших христианского совершенства, предварительно очищенных и приуготовленных покаянием. Постепенное действие покаяния вообще, выражаемого всеми видами смирения, в особенности молитвою, приносимою из нищеты духа, из плача, постепенно ослабляет в человеке действие греха. Для этого нужно значительное время... Борьба со страстями необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа. Когда очень ослабеют страсти - это совершается наиболее к концу жизни, - тогда мало-помалу начнут появляться состояния духовные, отличающиеся бесконечным различием от состояний, сочиняемых "мнением". Духовные дарования раздаются с Божественною премудростью, которая наблюдает, чтоб словесный сосуд, долженствующий принять в себя дар, мог вынести без вреда для себя силу дара. Вино новое разрывает мехи ветхие! (Мф. 9, 17.) Замечается, что в настоящее время духовные дарования раздаются с величайшею умеренностью, сообразно тому расслаблению, которым объято вообще христианство. Дары эти удовлетворяют почти единственно потребности спасения. Напротив того, "мнение" расточает свои дары в безмерном обилии и с величайшею поспешностью.

Общий признак состояний духовных - глубокое смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением, евангельскою любовью ко всем ближним, со стремлением к неизвестности, к удалению от мира..."[135].

Из этой очень важной, глубокой, основательной статьи владыки Игнатия здесь приведены только некоторые отрывки с целью указать самый общий характер тех опасностей и возможных уклонений, которые встречаются на пути молитвенном. Те, кто пожелает глубже знать причину прелести, пусть обязательно читают саму эту статью.

Но заметим здесь еще одну поразительную вещь, которая заставит нас быть еще и еще осторожнее в духовной жизни.

Епископ Игнатий, наверное, как никто из других святых отцов, особенно детально и точно исследует природу прелести в разных ее видах, он использует весь опыт древнего монашества, чтоб раскрыть множество тонких бесовских козней, предостеречь от них последних христиан, которым предстоит вести духовную брань в период особых искушений, когда необходима будет особая рассудительность и осторожность, чтоб не погибнуть. Но вот доказательство того, что одно знание, без смирения сердца, не поможет избегнуть этой опасности; оказалось, что даже из самого учения о смирении и покаянии злые духи могут извлекать свои орудия.

Недавно произошел такой случай: монастырь посетил один инок, который несколько лет пред тем провел в пустынных местах, среди отшельников, в послушании у некоторого

---

[135] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, стр. 231-259, "Беседа старца с учеником", отдел второй "О прелести"

старца. Этот старец занимался необычным деланием плача, это делание он преподал своему ученику. (В той пустыни было и еще несколько монахов, разделявших то же учение и проводивших те же опыты.)

Итак, инок стал делиться своим опытом с братьями монастыря, стал с горячностью говорить о значении покаянного плача, о том, что это есть главнейшее делание монаха, что в плаче только спасение и т. д.

Он приводил наизусть многие высказывания свв. отцов о слезах, особенно же опирался на учение епископа Игнатия о плаче и покаянии, вспоминал наизусть целые его письма; в общем, изложил обширное, основательное, стройное учение о покаянном плаче, действительно очень похожее на учение об этом предмете свв. отцов Церкви. Он убеждал монахов, что к плачу необходимо принуждать себя, что слезы даются чрез особый молитвенный труд и подвиг самоотречения и нежаления себя и т. д. Слушающие инока братья не могли не согласиться с его словами, но и не очень-то доверяли такой горячности инока. Наконец, тот стал предлагать показать этот способ покаянного плача, которым занимаются в пустыне те старцы. Но при этом еще выяснилось, что для этого надо отойти подальше от обители - в горы, чтоб остальные братья монастыря не смутились.

Это так насторожило монахов, что они отказались знакомиться с такими странными опытами. Разговор прекратился. Инок пошел куда-то погулять. Прошло некоторое время, каждый занимался своим делом. Вдруг горы окрест монастыря огласились каким-то странным воем, холодящим кровь завыванием, стонами, стенаниями; эхом носились эти звуки по ущелью от скалы к скале. Братья побросали дела, в недоумении прислушивались. Не сразу поняли, что это и есть то делание плача, что таким образом инок молился Иисусовой молитвой. Обитая где-то в безлюдной пустыне, среди скал и горного леса, те монахи, из числа которых был гость, в крошечных келейках, далеко отстоящих друг от друга, предавались таким отчаянным воплям, каждый день по многу часов оглашая окрестности стонами и рыданиями, проливая многие слезы, падая наконец от изнеможения.

И такое истеричное занятие, основанное на взвинчивании своих нервов и самоупоении, казалось им истинным покаянным подвигом, преподанным святыми отцами.[136]

Как удивительно, что такая сильнейшая форма прельщения свила себе гнездо там, где, казалось бы, все было направлено прямо против нее. Вспоминается здесь, как св. Антоний Великий духовно увидел все сети диавола, распростертые в мире, и воскликнул: "Горе человеческому роду! Кто возможет освободиться от этих сетей?" На это было ему сказано: "Смиренномудрие спасается от них, и они не могут даже прикоснуться к нему"[137].

---

136 Действительно, у епископа Игнатия есть такие советы относительно плача, которые несколько сходны с тем, чему учат эти "старцы". Так, в 1-м томе в статье "О слезах" есть такие слова: "Инокам крепкого телосложения возможно и полезно более усиленное понуждение к плачу и слезам; для них нужно, особенно в начале их подвига, слова молитвы произносить плачевным гласом, чтоб душа, уснувшая сном смертным от упоения греховного, возбудилась на глас плача и сама ощутила чувство плача. Так плакал могучий Давид. "Рыках от воздыхания сердца моего" (пс. 37, 9), говорит он о себе, "рыках" подобно льву, оглашающему пустыню воплем, в котором страшны и выражение силы, и выражение скорби. Для гласной молитвы и плача необходимо уединение, по крайней мере - келейное: это делание не имеет места посреди братий. Из жизнеописаний свв. отцов видно, что те из них, которые имели возможность, занимались гласным плачем, невольно раздававшимся иногда за стены кельи, хотя они и заботились со всею тщательностью, чтоб всякое делание их оставалось тайною..." -и т.д. Безусловно, - это святое учение, преданное свв. отцами, но какой здесь можно найти опасный повод к тому, чтоб извлечь из этого наставления только внешнее и, не имея смиренномудрия и истинного сокрушения о грехах, вдаться в нервное, кровяное, истеричное делание, воспаленные, надрывные движения души положить самоцелью, упиваться этим состоянием и почитать себя великим подвижником, вроде древних отцов

137 Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 43 (202)

От каких причин бывают слезы и когда они правильны

О плаче находим у свв. отцов очень много самых возвышенных слов и наставлений. Дар плача и слез признается ими одним из величайших даров Божиих, существенно нужных для нашего спасения. Причина слез - зрение и сознание своей греховности, нищета духа. Слезы, как дар Божий, служат признаком милости Божией, признаком принятого и принимаемого Богом покаяния.

Но и плач, как и другие делания духовные, может иметь под собой неверную основу, может проистекать от самых различных страстных помыслов и чувств: "Слезы, как свойство падшего естества, заражены недугом падения, подобно всем прочим свойствам. Иной бывает особенно склонен к слезам по природе и при всяком удобном случае проливает слезы: такие слезы называются естественными. Есть и греховные слезы. Греховными слезами называются слезы, проливаемые по греховным побуждениям. Такие слезы во множестве и с особенною легкостью проливаются людьми, преданными сладострастию; слезы, подобные слезам сладострастных, проливают находящиеся в самообольщении и прелести; льются обильно слезы из тщеславия, лицемерства, притворства, человекоугодия. Наконец, проливает их злоба"[138].

Говорит Иоанн Лествичник: "... значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижно, они происходят от многих и различных причин: от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений"[139]. "С Богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия: и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости"[140].

"Если мы в тех, которые думают, что плачут по Богу, видим гнев и гордость, то слезы таковых должны считать неправильными: *кое общение свету ко тьме* (2 Кор. 6,14)[141]. Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя[142]. Часто бывает, что и слезы надмевают легкомысленных; потому они и не даются некоторым. Таковые, стараясь снискать и не находя их, окаявают себя, осуждают и мучат себя воздыханиями и сетованием, печалью души, глубоким сокрушением и недоумением. Все сие безопасно заменяет для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что[143]. Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей: ибо то вино еще ненадежно, которое прямо из точила заключено в сосуд"[144].

Святой епископ Феофан Затворник говорит: "Есть слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя ины? на плач, есть слезы и От благодати. Цена слез не водою, текущею из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них. Не имея благодати слез, не берусь рассуждать о них, догадываюсь только, что благодатные слезы состоят в связи со многими изменениями в сердце. Главное - сердце должно тогда гореть в огне суда Божия, но без боли и сжения, а с умилением, приносимым надеждою от престола милосердного Бога, судящего грех и милующего грешника. Также думается мне, что слезы сии должны приходить уже под конец трудов, не внешних, а трудов над очищением сердца, - как последнее омытие или ополаскивание души. Еще - бывают они не час, не день и два, а годы. Еще есть, говорят, какой-то плач сердца без слез, но также ценный и сильный, как и слезы. Последний лучше для живущих с другими, кои могут видеть"[145].

---

[138] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О слезах", стр. 194
[139] Иоанн Лестаичник. Слово 7, 32
[140] Там же, слово 7, 26
[141] Там же, слово 7, 29
[142] Там же, слово 7, 44
[143] Там же, слово 7, 47
[144] Там же, слово 7, 35
[145] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни, письмо 2

Обратим внимание на то, как святые отцы оберегаются тщеславия- во всяком духовном делании: даже такой великий подвижник, затворник, молитвенник, как епископ Феофан (28 лет затвора, последние 11 лет каждый день служил литургию), говорит о себе, что он не имеет дара слез, и поучает об этом делании с таким смирением, как бы он сам не стяжал плача, а знает об этом только от других. Конечно, этому святому отцу был открыт этот дар; как раз непризнание им за собой опытного знания плача, столь смиренное отношение к себе и есть свидетельство истинно покаянного духа. Истинно сокрушающиеся о своих грехах не дают цены своему плачу. Говорил отец Моисей:

"Когда плачем, не будем возвышать глас воздыхания, да не уведает шуйца, что творит десница. Шуйца есть тщеславие"[146].

Также встречается у свв. отцов такой важный совет: те слезы, которые имеют основу не духовную, происходят от естества или даже от греховных побуждений, надо немедля предлагать на богоугодное, на правильное настроение, изменяя сами помышления, производящие слезы, т. е. приводить на память нашу греховность, неизбежную и неизвестную смерть, Суд Божий, - и плакать уже по этим причинам[147].

Но при этом: "Чудное дело! - замечает святой епископ Игнатий, - те, которые по естественной наклонности проливали потоки беструдных, бессмыленных и бесплодных слез, также те, которые проливали их по греховным побуждениям, когда захотят плакать богоугодно, внезапно видят в себе необыкновенную сухость, не могут добыть из глаз ни одной слезной капли. Из этого научаемся, что слезы страха Божия и покаяния суть дар Божий, что для получения их надо позаботиться, во-первых, о стяжании причины их". "А причина слез - зрение и сознание своей греховности"[148] как уже говорилось.

Приведем еще несколько слов тех же отцов.

Епископ Феофан: "Избави нас Господи от восторженных молитв. Восторги, сильные движения с волнениями суть просто кровяные душевные движения от распаленного воображения. Для них Игнатий Лойола много написал руководств. Доходят до сих восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем все это мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха, мирна; и такова она на всех степенях. У Исаака Сирианина указаны высшие степени молитвы, но не помечены восторги"[149].

Епископ Игнатий: "Должно держать себя в состоянии ровности, тишины, спокойствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нервов. Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову для исторжения слез: такие слезы - от потрясения нервов, кровяные, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностью слезы от Бога(...). Придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза - кроткое спокойствие прольется на выражение лица"[150].

Что значит: "трудиться безрассудно"

Необходимо еще сказать несколько слов о телесных трудах, таких, как физический труд, исполнение какого-либо послушания в монастыре или в храме, пост, стояние на молитве, поклоны, бдение и другие внешние подвиги. Каждый христианин должен ясно рассмотреть свое состояние, физическое и духовное, каждому необходимо подобрать к себе упражнения, приемы духовной брани, конкретно ему подходящие. Затруднение в том, что для этого правильного подбора именно своих рецептов для каждой души, своих лекарственных средств, которыми можно уврачевать именно ее болезни, нужен искусный врач, знающий дело, но таких очень и очень мало. Теперь чаще каждый сам хватает все известные ему действенные средства и усиленно начинает принимать их без всякого

---

[146] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 313, ст. 2

[147] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О слезах". Иоанн Лествичник. Слово 7. Нил Сорский. Слово 8

[148] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О слезах", стр. 194

[149] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. Письмо 14

[150] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 88

понятия о их назначении. Так поступают с постом, молитвою, бдением, трудами телесными, думая, что чем больше и интенсивнее их применять, тем быстрее достигается успех дела. Но эти дела хороши только тогда, когда они совершаются в точной мере, с точным, правильным настроем, когда употребляющий их внимательно следит за тем, какое же они производят действие на сердце: смиряется ли оно этими трудами, умягчается ли, становится ли податливее для духовных занятий, или же наоборот - разжигается страстным увлечением, упивается самодовольством, напояет свое тщеславие, гордостно выказывает себя перед людьми, надмевается и ожесточается этими подвигами.

Внешние подвиги особенно легко вводят в это состояние превозношения пред другими, так как они видны, заметны, мы сами не можем не примечать своих внешних выдающихся действий, тщеславие любит петь нам "славу" за такие геройства. От неправильных подвигов, не соотнесенных с целью их, то есть со смирением сердца, рождается самовлюбленность, эгоизм. Говорит епископ Феофан: "Эгоизм образуется от внешних подвигов без внимания к помыслам. (...) Кто делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот попадает в эгоизм: положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну, ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта - и думает: так и все святые; то есть хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное. Существенно необходимы внешние подвиги, но останавливаться на них одних - беда!"[151]

Прежде всего: надо бояться делать что-либо напоказ; так, монахи египетские, когда какая-либо добродетель их делалась известною, уже не признавали ее добродетелью, но как бы грехом[152].

Авва Исидор Пилусийский говорил монахам: "Подвизаясь успешно в посте, не превозносись этим. Если же вы тщеславитесь постом вашим, то лучше б было для вас есть мясо: не так вредно для монаха употребление мяса, как вредны гордость и надмение"[153].

"Будь ревностен, но в душе своей, - говорит Иоанн Лествичник, - нисколько не выказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. И сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал уничижать ближнего. Если же ты на это невоздержан, то будь подобен братьям твоим и самомнением не отличайся от них"[154].

"Так как всем чрезвычайным питается тщеславие и когда самые добрые дела надмевают нас, тогда что само в себе есть врачевство спасительное делается для нас ядом убийственным"[155].

Авва Исаия говорил: "Если совершаешь молитвы и подвиги со смиренномудрием, как недостойный, то они будут благоприятны Богу. Если же вспомнишь о другом спящем или нерадящем и превознесешься сердцем, то тщетен труд твой"[156].

Авва Евфимий: "Если кто из новоначальных тщится явно и всенародно превзойти брата в посте и сердечном сокрушении, впадает в худший грех. Первый пост - бегать самоволия и самозакония, добра своего не разглашать и не делать явно. Не в том воздержание - гнушаться пищей в укор брату своему. Лучше, не отрицаясь от малой еды при общей трапезе, блюсти крайне сердце и тайно бороться с тайными страстями. Образ внешнего и чувственного делания - Ветхий Завет, он же никого не делает совершенным. А Святое Евангелие есть образ внутреннего внимания, то есть - чистоты сердца"[157].

Один старец говорил: "Многие удручили подвигами плоть свою, но, сделав это без рассуждения, отошли из здешней жизни без всякого плода, без всякого приобретения. Наши уста смердят от поста; все Писание мы знаем наизусть; песнопения Давида столько

---

[151] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. Письмо 28
[152] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 357
[153] Там же, стр. 245
[154] Иоанн Лествичник. Слово 4, 82
[155] Примечания на Лествицу преподобного Иоанна
[156] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 136, ст. 10
[157] Там же

усвоили мы себе, что они сделались как бы нашим произведением; но не имеем того, чего Бог требует от нас, - смирения"[158].

Иоанн Лествичник: "Как бы ни возвышенны были наши подвиги, но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны и тщетны"[159].

"Что значит трудиться безрассудно?" - говорит епископ Игнатий. Отвечает: "Трудиться с плотским разгорячением, с тщеславием, с хвастовством, уничижением других братий, не могущих нести такого труда. Такой труд, как бы он ни был усилен, долговремен, полезен для обители в вещественном отношении, не только бесполезен для души, но и вреден как наполняющий ее самомнением, при котором нет места в душе ни для какой добродетели"[160].

Для рассудительного делания отцы советуют точно соизмерять подвиги со своими силами, не слепо подражая древним отцам в подвижничестве, а перенимая самую суть их подвигов, их назначение, их принцип действия, а меру определять уже по себе.

"Если ты понудишь тело немощное на дела, превышающие силы его, то этим влагаешь в душу твою помрачение и приносишь ей смущение, а не пользу", - сказал Исаак Сирин[161].

Авва Евагрий передал изречение одного старца: "Всякий подвиг должен быть благовременным и соразмерным. Подвиг, возложенный безвременно и несоразмерно с силами, может быть выдержан только в течение краткого времени, а всякое делание, совершаемое в продолжение краткого времени, потом оставляемое, более вредно, чем полезно"[162].

Описывая дивные подвиги святых отцов в одном общежитии, св. Иоанн Лествичник заключает: "Удивляться трудам сих святых - дело похвальное; ревновать им - спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное"[163].

"Добродетели наши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящей от немощей наших. Не должно с души своей, с своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать. Если потребуете сверх сил, то они обанкротятся, а оброк умеренный могут давать до кончины вашей; довольствуясь им, вы будете совершать себя до смерти и не умрете с голода", - писал еп. Игнатий[164].

Приведем еще одно очень важное наставление о внешнем и внутреннем подвиге святителя Игнатия, изложенное им в письме, где особенно ясно излагается суть этого вопроса: "Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: всё должны выработать умом, у них душа сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за орудия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным, или - одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный, - совершенно бесплоден, более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит в высокое мнение о себе как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него начинать - общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременном упражнении и укоснении в нем, начинают понимать умственный подвиг, который

[158] Там же, стр. 391, ст. 88

[159] Иоанн Лествичник. Слово 7

[160] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, стр. 310-311

[161] Исаак Сирин. Слово 85

[162] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр. 113, ст. 6

[163] Иоанн Лествичник, Слово 4, 42

[164] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 21, стр. 28

непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник - как древо без плодов, с одними листьями.

Мне и тебе нужен другой путь (продолжает св. епископ Игнатий, обращаясь к иноку, которому пишет, - сам владыка был особенно многоболезнен, испытывал тяжкие телесные недомогания): относительно тела нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Все внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть выправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие сильные, существенно необходимые ему оружия - и потерпеть безмерный ущерб..."[165].

Очень ценный совет: мы должны приготовлять в себе телесными трудами почву для насаждения умственного и сердечного делания и прежде всего стараться сохранить ровность. Пост, бдение, молитва - все должно идти ровно, мерно, спокойно, не уклоняясь ни в какую крайность. Тогда создаются прекрасные возможности для внутреннего делания, для внимания и трезвения. В том же письме находим такой совет тому же иноку: "В молитвенном подвиге будь свободен... Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, то есть чтобы они произносимы были со вниманием и страхом Божиим... Тебе надобно умеренною наружною жизнью сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника" (там же). Подобный же совет относительно поста находим у святителя Феофана: "Поста не чуждайтесь. Он - вещь прелюбезная. Только помалу... Обычно так, чтоб после еды все в душе оставалось по-прежнему, т.е. и та же теплота сердца, и та же светлость мысли. Это мерка"[166]. - Скорее всего, такой же меркой можно размерять и все другие наши делания.

Видно, что нашему времени уже не даны сильные, действенные подвиги внешние; об этом говорят многие последние отцы Церкви, да и у древних находим такие же пророчества о последних христианах: что те будут проводить жизнь очень слабую, даже и монахи, но спасаться будут терпеливым несением скорбей и искушений. Конечно, и теперь найдется множество смелых людей, способных на высокие подвиги, - но найдутся ли такие, которые способны разумно ими воспользоваться?! Внешние подвиги все более и более заменяются внутренними, не менее трудными, а внутренние - все более заменяются тяжкими скорбями и искушениями, окружающими христианина со всех сторон. Положение истинных христиан будет все более напоминать положение трех еврейских отроков в пещи вавилонской, объятых страшным, ревущим пламенем и только чудом не сгоравших в нем. Сохранить правильное, кроткое, безропотное, молитвенное внутреннее свое состояние, сохранить сердце от скверн беснующегося мира, не изменить Православию - вот немалый подвиг в наше время. "Сейчас уже вопрос состоит не в том, чтобы быть "хорошим" или "плохим" православным христианином, вопрос сейчас стоит так: сохранится ли наша вера вообще? У многих она не сохранится..."[167] - говорит современный нам отец - Серафим Роуз (1982 г.).

Другой современный нам отец, игумен Никон (1963 г.), говорит: "Святые угодники объясняют нам, что в последние времена монашества не будет вовсе, или кое-где хоть останется наружность, но без делания монашеского. Не будет никаких собственных подвигов у ищущих Царствия Божия. Спасаться же будут только терпением скорбей и болезней. Почему не будет подвигов? Потому что не будет в людях смирения, а без смирения подвиги принесут больше вреда, чем пользы, даже могут погубить человека, так

[165] Там же. Письмо 92, стр. 159-160

[166] Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. Письмо 27

[167] Серафим Роуз. Православное мировоззрение, или Царский путь

как они невольно вызывают высокое мнение о себе у подвизающихся и рождают прелесть. Только при руководстве очень опытных духовных людей могли бы быть допущены те или иные подвиги, но их теперь нет, не найти. Руководителем является Сам Господь, да отчасти книги, кто имеет их и может понимать. Как же руководит Господь? - Попускает гонения, оскорбления, болезни, длительную старость с тяготой и немощами. Без смирения человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божий. Вот почему и предсказано, что в последние времена ввиду усилившейся гордости люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты"[168].

По-видимому, те, кто теперь истинно ищет спасения души и желает охраниться от разных соблазнов и прелести, должны проводить жизнь самую скромную, все делать очень осторожно и соразмеренно, особенно хранить себя от всего показного и выдающегося, ненавидеть в себе тщеславие, по возможности скрывать свои подвиги от людей. Мы опять возвращаемся к временам как бы тайного, сокровенного христианства, должны скрывать свои добродетели, но не по причине гонения от язычников, а по причине гонения от страстей и лжи - как вовне, так и внутри нас. После сказанного необходимо сделать еще одно предостережение: многие из нас, ясно увидев свои слабые силы, неспособность к правильному несению сильных, действенных внешних подвигов, охладив свой первоначальный душевный пыл, основанный на самомнении, могут впасть в такую крайность: вообще оставить внешнии труды и упражнения; при всяком случае, требующем усилия и борьбы над собой, отсечения своей воли, смоотречения, оправдавшись немощью, убегать от этой брани, говоря: "Мы такие слабые, теперь не те времена; если мы начнем утруждать себя, то впадем в прелесть", или: "С нас теперь малый спрос! лишь бы не грешить тяжко, а остальное - как-нибудь", и т.п. Ленивый, расслабленный, своевольный человек может с радостью схватиться за подобные вышеприведенным высказываниям свв. отцов, чтоб оправдать ими свое бездействие, со спокойной совестью предаться покою и небрежению, думая, что ему достаточно для спасения одного такого "смиренного" самовозрения. Но на самом деле такое смирение может быть ложным. Истинно смиряется от своей немощи только тот, кто не жалеет себя, требователен к себе, бодрствует, но при этом наталкивается на свою немощь и познает чрез это свое падение. К таким-то и обращены предложенные советы, дабы придержать эту их ревность в рамках полезного. Бездельнику же, который постоянно ищет покоя и беспечности, опрвдываясь немощностью, напомним другие высказывания отцовские:

"Непрестанно бодрствуй над собою, чтобы не быть обольщенным и сведенным в заблуждение, чтоб тебе не впасть в леность и нерадение, чтоб не быть отверженным в будущем веке. Горе ленивым! приблизился конец их и некому помочь им, нет им надежды спасения" (Антоний Великий)[169].

"Возненавидь все мирское и самый телесный покой: потому что они соделывают тебя врагом Божиим. Как воин, имеющий сопротивника, сражается с ним, так и мы должны сражаться с телом, не допуская ему нежиться и расслабляться от излишнего успокоения" (авва Исаия, отшельник)[170].

"Подвижник должен поддерживать здоровье и силы тела настолько, чтоб тело сохраняло способность служить Богу. Чрезмерное развие здоровья и дебелости в теле вводит его в тяжелое плотское состояние, возбуждает в нем скотоподобные движения и влечения в неодолимой силе, отнимает у него всю способность к ощущениям духовным. Тот, кто соделает свое тело легким посредством умеренного поста и бдения, доставит ему и самое прочное здоровье и соделает его способным принять в себя духовные движения, т.е. действие Св. Духа"[171].

---

[168] Игумен Никон. Письма духовным детям

[169] Епископ Игнатий Брянчанинов. Отечник. Стр.135

[170] Там же, стр.130

[171] Там же, стр.132, ст.79

"Кто держит себя как должно, тот трудится, себя не жалея, себе внимая и возгревает в сердце религиозные чувства. Как только начнет он оттягивать от трудов по богоугождению, тотчас за сим следует блуждание мыслей и охлаждение сердца. Если не остановится, то быстро ниспадает в нерадение и беспечность, нечуствие и рассеянность. Это паралич душевный, или погружение души в смерть"[172].

"везде потребно нам, - говорит св. Иоан Златоуст, - усердие и многое разжение души, готовое ополчиться против самой смерти, ибо невозможно Царствие получить"[173].

"Не грех только плотской, но всякое угодие плоти в пище, питии, сне, покое, положении или пресекает духовные движения, или умаляет силу их напряжения"[174].

"Себя пожаление идет заодно с самоугодием и вообще с самолюбием и есть корень всех послаблений, опущений, равнодушия и беспечности. Слыхали вы фразу: живущий в нас грех? - Вот он-то и есть саможаление со свитою его. Если будете поблажать ему хоть иногда, то это всегда будет как параличом разбивать всякое предшествовавшими трудами стяжанное добро"[175].

"То правда, что саможаление и самоугодие не всякого ведут прямо к видимо худой жизни, но тем не менее всю жизнь делают бесплодною. Кто страдает ими, тот ни тепл, ни хладен, ни то ни се"[176].

"Грех, живущий в нас, - корень и источник всех грехов, - есть самость, или самолюбие. Первородные дщери его суть саможаление и самоугодие. Чрез первое он всегда приводит ко второму и устрояет порядок и характер жизни, противоположной богоугождению. Не подумай, что это образ жизни явно грешной. Нет! Эта жизнь исправна, только вся ведется из-за самоугодия. Саможаление и самоугодие допускают дела, относящиеся к богоугождению, но под непременным условием, чтоб они не нарушали их покоя или и их питали. Таким образом, иной и благочестив, и добродетелен, а между тем опутан самоугодием. Такие услышат на суде: *не знаю вас!* ...Положили мы то и то делать, сознав то нужным в деле устроения спасения и потому угодным Богу; а потом отказываемся от этого, не почему другому, как потому, что жаль себя, жаль от сна отнять нечто, жаль пищи немного не добрать, жаль потрудить себя, и подобное...

Пожалев себя, оставляем дела, какие по совести сочли нужными для себя в деле спасения. Следовательно, в этих действиях мы переходим от богоугождения и содевания спасения к самоугодию, действуем поперек того, как положили действовать... Чаяли мы и Царствие получить и покойно жить, всласть себе, что не совместимо. У свв. подвижников и говорится повсюду, что кто хочет как должно идти путем спасения, тот должен определить себя на смерть, - не на какие-либо лишения ничтожные, а на лишение даже самой жизни, - чтоб стоять в начатом до положения живота... Если ты поддаешься саможалению, то еще не отвергся себя, то еще и шагу не сделал по пути в след Христа Господа. Только мысли и речи у тебя были об этом, а дело еще не последовало" (еп. Феофан)[177].

"Начало помрачения ума прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников своих... "[178].

"Остерегайтесь праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, - и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить нас. В день оный Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что опущением сего дается вход бесам. А когда, нашедши себе место, они войдут и заключат двери очей наших, тогда

---

172 Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Письмо 86

173 Иоан Златоуст. Беседа 31 на Деяния

174 Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Письмо 14

175 Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Письмо 49, стр. 346

176 Там же, стр. 286

177 Там же

178 Исаак Сирин. Слово 2

мучительски исполняют на нас то, что подвергает Божиему осуждению и жесточайшему наказанию..." (он же)[179].

"Блюдись поблажать себе в малом, чтобы не дойти до поблажек в большом и до великих падений. И малая небрежность, как сказал некто, нередко ведет к великим опасностям. И в малом и незначительном быть всегда трезвым - вот мудрость" (он же)[180].

"Свойство пожеланий человеческих таково, что необходимо научиться побеждать их на мелочах. Приучившийся побеждать мелочные пожелания, обуздает и великие. Побеждающийся малыми пожеланиями, победите непременно и великими. Невозможно преодолеть ни страсти вожделения, ни страсти гнева, не научившись побеждать вообще все пожелания, чем исключительно исправляется испорченность воли"[181].

Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие...

Итак, ясно, что без ревности христианин - плохой христианин, вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, - и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу" (Феофан Затворник).

Так что каждый из нас, имея ввиду все сказанное, должен найти свой путь, свою меру.

Как смирение может быть ложным

Здесь часто повторялось: надо смиряться, ищи прежде всего смирения и т.п. Но надо сказать, что и смирение может быть ложным.

Во-первых, надо точно различать смирение от смиренномудрия, а смиренномудрие от смиреннословия. Смирение есть одна из высших евангельских добродетелей, превысшая человеческого постижения. Смирение божественно, оно есть учение Христово, свойство Христово, действие Христово. Иоанн Лествичник говорит, что одни водимые Божиим Духом могут удовлетворительно рассуждать о смирении. Желающий приобрести смирение должен с тщательностью изучать Евангелие и с такою же тщательностью исполнять все заповедания Господа нашего Иисуса Христа. Делатель евангельских заповедей может прийти в сознание своей собственной греховности и греховности всего человечества, наконец, в сознание и убеждение, что он грешнейший и худший всех человеков. Смирение есть сердечное чувство.

Смиренномудрие же есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия от Христа. Сначала должно приобучаться к смиренномудрию, по мере упражнения в смиренномудрии душа приобретает смирение[182]. Смирение даруется душе Богом, это уже действие благодати Божией, смиренномудрием же мы приготовляем себя к смирению, показываем Господу наше желание иметь святое смирение. Смиренномудрствуя, христианин старается делать все так, как бы он уже имел смирение, - в отношениях с близкими, во всех своих действиях, в помыслах, хотя душа его еще не смирилась, ему приходится держать себя в смиренном настроении через принуждение, все время удерживая все свои дерзкие порывы. Но это не есть притворство и фальшь, так как здесь цель та, чтобы этим поведением действительно стяжать смирение, и, конечно, для этого надо вести себя скромно, говорить тихо, ходить спокойно, не спорить, не выказываться и т. д.

Но очень похоже на смиренномудрие смиреннословие. По большей части действия его как будто те же, видится снаружи так же, но внутри совсем иное. Смиреннословие

---

179 Добротолюбие. Т. 2, стр. 516, 229

180 Там же, стр. 239

181 Епископ Игнатий Бряпчанинов. Отечник. Стр. 449

182 Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О смирении", стр. 306

имеет внутри другую цель, оно желает показаться людям смирением, с этой целью принимает смиренный вид, потупляет взор, говорит тихие, скромные слова: во всем виде тихость и сдержанность; или же говорит о себе обличительные фразы - все это напоказ, ради мнения человеческого.

"Сколько полезно укорять себя и обвинять в греховности пред Богом в тайне душевной клети, столько вредно делать это пред людьми. В противном случае мы будем возбуждать в себе обольстительное мнение, что мы смиренны", - говорит епископ Игнатий. Он замечает интересную вещь: что миру очень не нравится истинное смирение в людях, а ложное, притворное всегда очень привлекает его. Святитель пишет: "Преуспевшие в монашеской жизни стяжавают особенную свободу и простоту сердца, которые не могут не выноруживаться в их обращении с ближними. Они не нравятся миру! он признает их гордыми... Мир ищет лести, а в них видит искренность, которая ему не нужна, встречает обличение, которое ему ненавистно"[183]. Замечено, что истинно смиренные люди, любящие ближних, не заботятся о внешнем впечатлении своем на них, они внимают душе своей и заняты тем, чтоб действительно исполнить по отношению к ближнему Христовы заповеди; внешнее обращение таких людей бывает очень сдержанное, иногда кажется даже чрезмерно суровым или жестоким. Но само время потом открывает - что эти люди проявили искреннюю заботу о ближних, действительно сострадали и оказали помощь. А лицемеры, притворщики, лжесмиренные часто бывают необыкновенно радушны, милы, услужливы; но случись скорбь, беда, затруднение - они окажутся далекими, холодными и чужими, безразличными ко всем страданиям близких. Это-то и есть закваска фарисейская, беречься которой заповедовал Своим ученикам Господь наш Иисус Христос.

Как научиться распознавать хитросплетения страстей и козни лукавых духов

У многих свв. отцов, опытно прошедших все ступени духовной брани, находим очень важные, тонкие, проницательные замечания, раскрывающие разнообразные личины страстей, их прикрытые лукавством ходы и лазейки, без знания которых успех в духовной битве почти невозможен. Или мы должны иметь опытного руководителя, хорошо знающего все эти тонкости и хитросплетения вражеские; или сами, изучая писания свв. отцов, должны иметь в виду все эти возможные уловки наших врагов - страстей и демонов, иначе не возможно не впасть в их сети. Так важно в духовной жизни следование святым отцам, постоянное, внимательное обучение этой науке из их аскетических опытов, описанных во многих душеполезных писаниях.

К примеру, из книги святого Иоанна Лествичника узнаем следующие очень важные вещи: узнаем, что обычно бесы выкапывают нам три ямы: во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу. Во-вторых, когда в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией. А если и в сем не получают успеха, тогда уже, тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас как живущих во всем богоугодно.[184]

Как, черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу, так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объядение, с любовью - блуд, с рассуждением - коварство, с мудростью - хитрость, с кротостью - тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание; с молчанием сплетается кичливость учительства, с радостью - возношение, с надеждою - ослабление, с любовью - опять осуждение ближних, с безмолвием- уныние и леность, с чистотою - чувство огорчения, с смиренномудрием - дерзость. Ко всем же сим добродетелям прилипает тщеславие, как

[183] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 1, "О смирении", стр. 317

[184] Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 26, 8

отрава[185]. Дух тщеславия радуется, когда видит умножение добродетелей, т. к. дверь тщеславию - умножение трудов[186]. Мы тщеславимся, когда постимся; но когда разрешаем пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, - опять тщеславимся, считая себя мудрыми. Побеждаемся тщеславием, одеваясь в хорошие одежды, но и в худые одеваясь, опять тщеславимся. Станем говорить - побеждаемся тщеславием; замолчим - и опять им же побеждаемся. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх[187]. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет в нас, убеждая, что это необходимо для пользы ближних, как сказано: *тако да просветится свет ваш пред человека, яко да видят ваша добрая дела* (Мф. 5, 16)[188]. Тщеславие делает гневных кроткими перед людьми[189]. Оно удобно присоединяется к естественным дарованиям и через них нередко низвергает окаянных рабов своих[190]. Гордость часто даже благодарит Бога и в этом благодарении находит себе пищу, так как она поначалу не явно отвергает Бога, но под видом такого благодарения оправдывает свое возношение[191]. Многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и только при исходе из сего мира усматривают свое убожество[192]. Иногда находящегося среди мира страсти не беспокоят, оттого что он уже вдоволь насытился ими, видя и слыша греховное; или же оттого что бесы намеренно отступают, оставляя духа гордости, который с успехом заменяет собою всех прочих[193]. Но есть и ложное смирение, когда называют себя грешниками, даже может и думают о себе так, - но уничижение от других показывает иное, что внутри-то они о себе высокого мнения[194]. Бесы часто преобразуются в Ангела света и в образ святых и мучеников и представляют нам во сне, будто мы к ним приходим, а когда пробудимся, то приводят нас от впечатления сна в радость и возношение[195]. Также от частого псалмопения и во время сна приходят на ум слова псалмов, но иногда и бесы представляют их нашему воображению, чтобы привести нас в гордость[196]. Бесы - пророки во снах: будучи пронырливы, из обстоятельств они заключают о будущем и открывают нам это во сне, чтобы мы, когда виденное исполнится, удивились и думали о себе, что уже стали прозорливыми[197]. Иногда же бес тщеславия внушает одному брату какие-либо помыслы, а другому открывает об этих помыслах и подстрекает объявить ему, что у него на сердце, и через это ублажает его как прозорливца[198]. Иногда страсть тщеславия внушает выказать добродетель воздержания в пище, а страсть объядения понуждает разрешить - и между ними устраивается целая ссора из-за бедного человека[199].

Монаху, по отречении от мира, бесы часто приносят помыслы, ублажающие тех, кто в миру совершает подвиг сострадательности и милосердия, а его жизнь в монастыре представляют лишенной таких добродетелей и потому ничтожной: через такое ложное смирение влекут его в мир[200]. Или же приходит лукавая мысль: не уходить из мира, но там, находясь среди искушений, но не поддаваясь им, - проводить честное житие, это, мол, подвиг, высший монашеского, и достоин большей награды. (Цель же врага - среди соблазнов скорее погубить человека[201].) Когда монах на год или на несколько лет удалится

---

[185] Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 26, 58
[186] Там же. Слово 22, 3
[187] Там же. Слово 22, 5
[188] Там же. Слово 22, 37
[189] Там же. Слово 22, 25
[190] Там же. Слово 22, 26
[191] Иоанн Лествичник. Слово 23, 3
[192] Там же. Слово 23, 36
[193] Там же. Слово 15, 62
[194] Там же. Слово 25, 34
[195] Там же. Слово 7, 48
[196] Там же. Слово 20, 20
[197] Там же. Слово 3, 27
[198] Там же. Слово 22, 22
[199] Там же. Слово 14, 9
[200] Иоанн Лествичник. Слово 2, 3
[201] Там же. Слово 3, 10

от своих родных, знакомых и приобретет некоторое умиление, благоговение, воздержание, тогда начинают приходить к нему суетные помыслы - идти в свое отечество для назидания тех, кто видел раньше его соблазнительное поведение, чтоб теперь их своим примером учить и спасать, на самом же деле - чтоб он опять впал в те же страсти; такова затея диавола[202]. Также и во сне демоны часто показывают ему его страдающих родных или находящимися в болезнях, чтоб монаха тянуло в мир, чтоб лишить его внимательной жизни[203]. А у иных монашествующих, когда они бывают в городах, и среди молвы возбуждаются слезы умиления, - и это дают им бесы, чтоб они думали, что и там они могут прекрасно молиться и не получать вреда, и чтоб без страха сближались с миром[204]. На безмолвника бесы блуда нападают с особой силой, внушая ему, что он никакой пользы от своей пустыни не получает; но от находящегося в миру монаха они часто отходят, чтоб, видя себя свободным от брани, он предпочел оставаться с мирскими[205]. Послушникам диавол внушает желание безмолвия, крайнего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, превосходной чистоты и влекут его перескочить через предлежащие степени, чтоб они искали совершенств прежде времени и через это не получили их в свое время. А пред безмолвствующими обольститель сей ублажает страннолюбие послушников, их служения, братолюбие, служение больным и т. д., чтоб этим и тех сделать нетерпеливыми[206]. Когда кто, живя в общежитии, впадет в искушение, бесы немедленно начинают советовать ему в помыслах идти на безмолвие[207]. Находящихся в повиновении они иногда оскверняют телесными нечистотами, делают их окамененными сердцем и тревожными, наводят сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, омрачение, чтоб внушить им, будто они никакой пользы не получают от своего повиновения, а наоборот - идут вспять, чтоб этим отторгнуть их от подвига послушания[208]. А тем, которые благодаря своему послушанию исполнились сердечного умиления, стали кроткими, воздержными, усердными, свободными от браней и страстей, ревностными, которые сделались такими чрез покров своего отца, бесы вкладывают мысль, что они уже сильны к безмолвию и могут через него достичь совершенства и бесстрастия. Таким образом - из пристани уводят их в бурное море и погружают на дно[209]. Бесы часто возбраняют нам делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринять труднейшее[210], но познавший себя никогда не бывает поруган, чтоб предпринять дело выше своей силы[211].

Многообразно и неудобопостижимо лукавство нечистых духов, и не многими видимо, да и теми не вполне, например: отчего бывает, что мы иногда, и наслаждаясь и насыщаясь, бдим трезвенно, а находясь в посте и злострадании, сильно отягощаемся сном? Отчего в безмолвии чувствуем сердечную сухость, а пребывая с другими - исполняемся умиления? Отчего, будучи голодны, претерпеваем искушения во сне, а насыщаясь, бываем свободны от сих искушений? Отчего в скудости и воздержании бываем мрачны и без умиления; когда же, напротив, пьем вино, тогда бываем радостны и легко приходим в умиление?..[212]

Во время молитв лукавый дух напоминает о нужных делах и всячески старается отвлечь от собеседования с Господом под любым благовидным предлогом: производит дрожание, боль в голове, жар, боль в животе. Как только кончается время молитвы - все

[202] Там же. Слово 3, 11
[203] Там же. Слово 3, 26
[204] Там же. Слово 7, 68
[205] Там же. Слово 15, 61
[206] Иоанн Лествичник. Слово 4, 118
[207] Там же. Слово 4, 69
[208] Там же. Слово 4, 57
[209] Там же. Слово 4, 58
[210] Там же. Слово 26, 164
[211] Там же. Слово 25, 50
[212] Иоанн Лествичник. Слово 26, 127

это исчезает[213]. Находящегося в блудном искушении волк сей обманывает, производя в душе его бессловесную радость, слезы и утешение, и тот думает, что это благодать, а не тщета и прелесть[214]. При псалмопении иногда происходит сладость не от словес Духа, а от беса блуда[215]. Некоторые от души молятся о своих возлюбленных, будучи движимы духом блуда, а думают, что исполняют долг памяти и закон любви[216]. Склонные к сладострастию часто бывают сострадательны и милостивы, скоры на слезы и ласковы; но пекущиеся о чистоте не бывают таковы[217].

Иногда бесы отступают от души, чтобы ввести ее в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует[218]. Часто диавол все усилие и старание направляет на то, чтоб монашествующие были боримы противоестественными страстями. Поэтому некоторые из них, бывая в обществе с женским полом и не боримые при этом пехотными помыслами, ублажают себя, не разумея того, что где есть большая пагуба, там в меньшей нет нужды[219]. Еще бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение, производит источники слез, когда он сидит среди женщин или беседует с ними, подстрекает его учить их памятованию о смерти, о последнем суде, хранению целомудрия, чтоб привлечь их к нему как к пастырю, но затем, от близкого знакомства получивши дерзновение и воспламенившись внезапно страстью, он наконец подвергается жестокому нападению[220]. Иногда, сидя с женщинами за столом или находясь в их обществе, монах не имеет никакого худого помышления, но когда он после этого, уверенный в себе, мечтающий, что уже имеет "мир и утверждение", приходит в свою келью, то неожиданно падает в грех, уловленный диаволом[221].

Бывает, что когда мы насытимся, бесы в нас возбуждают умиление, а когда постимся - ожесточают нас, горько насмехаясь над нами, чтоб мы, прельстившись ложными слезами, предались наслаждению[222]. Бесы под видом того, чтоб мы скрывали добродетель поста, понуждают без меры есть и пить, когда к нам приходят другие[223]. Когда бесы видят, что мы, услышав смехотворную речь, хотим скорее отойти от вредного рассказчика, тогда влагают в нас ложносмиренные мысли: "не опечаливай его", - внушают они, или: "не выставляй себя более боголюбивым, чем прочие", и т.д.- Но не должно им верить, а скорее отскочить прочь[224]. До падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения - жестоким[225]. Иногда во время нашего гнева лукавые бесы скоро отходят от нас, чтоб мы вознерадели об этой вредной страсти; как некоторые говорят: "я хоть и вспыльчивый, но скоро отхожу", - и, таким образом, болезнь эта может сделаться неисцельной[226]. Также многим из гневливых диавол дает силу усердно упражняться во бдении, посте и безмолвии и под видом покаяния и плача подлагает им вещества, питающие их страсть[227]. Сребролюбие часто начинается под видом раздаяния милостыни нищим, а оканчивается ненавистью к ним[228], и т. д.

---

[213] Там же. Слово 13, 7,8
[214] Там же. Слово 15, 42
[215] Там же. Слово 15, 48
[216] Там же. Слово 15, 49
[217] Там же. Слово 15, 46
[218] Там же. Слово 26, 64
[219] Иоанн Лествичник. Слово 15, 29
[220] Там же. Слово 15, 63
[221] Там же. Слово 15, 56
[222] Там же. Слово 7, 48
[223] Там же. Слово 14, 8
[224] Там же. Слово 12, 5
[225] Там же. Слово 5, 31
[226] Иоанн Лествичник. Слово 8, 9
[227] Там же. Слово 8, 21
[228] Там же. Слово 15, 62

Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные писания. Они обыкновенно делают это в сердцах тщеславных и еще более - в обученных внешним наукам, чтобы, обольщая их, мало-помалу ввергнуть наконец их в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие, или - лучше сказать - богоборство, по смущению, по нестройной и нечистой радости, бывающей в душе во время сих толкований...[229]

Такие и многие подобные разоблачения демонских козней часто узнаем из писаний свв. отцов Церкви. Вот почему так важно изучение и знание святоотеческой аскетической науки, конечно же - для самого прямого практического пользования ею в нашей жизни. Значит, как глубоко заблуждаются те, кто считает, что изучение отцов, жизнь по их руководствам уже не подходит для нашего времени. Но мы без этого знания более жалки, чем слепой, оказавшийся в густом лесу без проводника. Другое дело, что правильно применить это учение не так просто. Опять же необходима большая осторожность и рассудительность. Святые отцы в своих советах и наставлениях часто как будто противоречат друг другу, говорят и советуют разное, даже противоположное, но это не так. Точно определить и указать путь каждому человеку общими советами невозможно: путь духовной жизни каждого очень индивидуален; но святые отцы определяют нам одни направления, очерчивают границы безопасной местности, указывают пропасти и трясины. Иногда - громкими призывами то к одному направлению, то к иному - они как бы ограждают нам безопасный коридор, предохраняя нас как от одной крайности, так и от другой. Выбор же самого пути, также разных способов этого путешествия остается за каждым идущим - по его особенностям и способностям. Но без этого отцовского опыта мы непременно заплутаем!

"Никто так не опасен для нас, как мы сами!"[230].

Заключение

Итак: из всего сказанного здесь о разных духовных добродетелях и подвигах становится очевидно, как мало мы должны доверять своему разуму, сердцу, своим добрым делам и вообще всему, что нам может казаться похвальным в нас самих. Остается еще предупредить об одной, возможной крайности: чтоб тогда, когда мы подвергаем пересмотру и переоценке все наши добродетели и найдем, что большая часть их или же все они нечисты, осквернены, не могут быть угодны Богу по своей нечистоте; когда мы, встав на путь недоверия к себе, начнем обнаруживать великое множество тайных недугов своей души и в конце концов увидим, что совершенно никуда не годимся в настоящем нашем состоянии, - чтоб тогда не впасть нам в уныние и расслабление, не опустить рук от зрения той безобразной картины, которая откроется в нашем сердце. В духовной брани это известное оружие злых сил: кого они не смогут увлечь в прелестное, самодовольное, восторженное состояние, тех, наоборот, вовлекают в состояние безнадежное, холодное, нечувствительное, ожесточенное. Почти каждый искренний, самоотверженный, ищущий истинного смирения христианин обязательно проходит через этот скорбный, пустынный, безводный этап пути. И как раз в этом искушении выказываются настоящее мужество, вера, молитвенное взыскание Бога, упование на Него. Часто к нашим естественным немощам, к недугам души, к ее томлениям, тяготам, печалям злые духи присоединяют еще большее мучительнейшее томление, муку, скорбь, изнеможение, так что это состояние бывает крайне тяжелым и невыносимым. Но без этих скорбей не обойтись на пути ко спасению.

У свв. отцов так много говорится о благодушном терпении этих внутренних скорбей, об огромной пользе от них душе, о необходимости терпения таких скорбей, что здесь уже об этом повторять излишне. Приведем только несколько слов о том, что надо быть снисходительным к своим немощам и не требовать от себя чрезмерного.

---

[229] Там же. Слово 26, 151

[230] Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 4, письмо 7, стр. 437

У Никодима Святогорца читаем: "Не на Фавор только охотно иди во след Господа, но и на Голгофу, то есть - не тогда только, когда чувствуешь внутри себя Божественный свет и духовные утешения и радости, но и когда нападают омрачения, скорби, туги и горечи, которые приходится иной раз вкушать душе от демонских искушений, внутренних и внешних. Пусть даже охлаждение это будет сопровождаемо таким омрачением и смущением, что ты не будешь знать, что тебе делать и куда обратиться, не бойся и при этом; но стой твердо в своем чине"[231]. "Случается иной раз, что тогда, как душа томится в таком охлаждении, таком безвкусии ко всему духовному, враг нападает сильнее, воздвигая дурные помыслы, срамные движения и прельстительные сновидения. Цель у него та, чтоб вдавшись в нечаяние от чувства оставления Божия, человек опустил руки и склонился на что-либо страстное, ибо после сего ему уже легко увлечь его опять в водоворот греховной жизни. Зная сие, стой твердо. Пусть бушуют волны греховные окрест сердца, но пока есть у тебя нехотение греха и желание пребывать верным Богу, кораблик твой цел"[232].

"...Много пользы доставляют душе такое огорчение и эта сухость сердца или оскудение духовной радости и сладости, когда принимаем их и переносим со смирением и терпением... Ибо душа, находясь в состоянии такой сухости, вкушая эту горечь и страдая от таких искушений и помыслов, о которых одно воспоминание приводит в трепет, отравляет сердце и совсем почти убивает внутреннего человека, - душа научается не доверять себе и не полагаться на свое благонастроение и приобретает истинное смирение, которого так желает от нас Бог..."[233].

"Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом, именно: обеспокоиться какою-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем, то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что, верно, тебе никогда не освободиться от таких слабостей, или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим, обременяя душу свою тысячами и других страхов, от малодушия и печали... И все это происходит, оттого что мы забываем о своей естественной немощи и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно, что когда душа впадает в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишнею о том печалью, тугою и горечью..."[234]. "Кто не полагается на себя, но уповает на Бога, тот, когда падет, не слишком дивится сему и не подавляется чрезмерною скорбию; ибо знает, что это случилось с ним, конечно, по немощности его, но паче по слабости упования его на Бога. Поэтому вследствие падения усиливает ненадеяние свое на себя, паче же тщится усугубить и углубить смиренное упование свое на Бога и спокойно и мирно несет покаянные труды..."[235]. "Чем же скорбь павших мрачнее и безотраднее, тем обличительнее, что они слишком много уповали на себя и очень мало на Бога: оттого скорбь падения их и не растворяется никакою отрадой"[236].

Святитель Игнатий говорит: "О таковых ежедневных и ежечасных падениях не должно безмерно печалиться: ибо это хитрость врага, хотящего безмерною печалью ввести в душу расслабление. О таких-то прегрешениях говорит Серафим Саровский, что не должно себя осуждать, когда случится преткновение, но, думая о себе, что мы способны ко всем грехам, что наше преткновение не есть новость и необычность, ходить пред Богом в сокрушении духа, исполненного мыслей покаяния. Это-то Бог не уничижит,

[231] "Невидимая брань". Ч. 2, гл. 7, стр. 218
[232] Там же, стр. 220
[233] Там же, гл. 24, стр. 253
[234] Там же, гл. 26, стр. 258
[235] "Невидимая брань". Ч. 1, гл. 4, стр. 23
[236] Там же

т. е. сердце сокрушенное и смиренное поставит превыше преткновений"[237]. "...Не только относительно тела, но и относительно души не все бывает так, как мы хотим, а большая часть зависит от обстоятельств. Почему, по возможности отклоняй причины расслабления, зависящие собственно от нас, надо пребывать мирным, повергая себя с немощами своими в пучину милосердия Божия"[238]. "...Добродетели наши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящей от немощей наших. Не должно с души своей, со своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать"[239]. "...Будьте снисходительны к душе вашей в ее немощах: излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отчаяние"[240]. "...Пока мы на пути, пока не взошли в пристанище неизменяемой вечности, мы должны ожидать в себе и в своих обстоятельствах изменений, переворотов, скорбей обыкновенных и нечаянных. Некоторый преподобный отец сказал: "За все слава Богу, - за самые немощи наши; потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым"[241].

Пример покаянного самовоззрения. Св. Ефрем Сирин:

Злые навыки опутывают меня как сети, и я радуюсь, что связан. Погружаюсь в самую глубину зла, и это веселит меня. Враг ежедневно обновляет узы мои, потому что видит, сколько рад я разнообразию сих уз.

То и достойно рыдания и плача, в том и позор и стыд, что связан я своими хотениями. И еще ужаснее то, что связываю себя теми узами, какие налагает на меня враг, и умерщвляю себя теми страстями, какие его радуют.

Зная, однако ж, коль страшны узы сии, тщательно скрываю их от всех зрителей под благовидною наружностью. На вид облечен я в прекрасную одежду благоговения, а душа опутана срамными помыслами. Пред зрителями я благоговеен, а внутри исполнен всякого непотребства. Совесть моя обличает меня в этом, - и я будто и хочу освободиться от уз своих и каждый день сетую и воздыхаю о сем, но все оказываюсь связанным теми же сетями.

Жалок я, жалко и ежедневное покаяние мое, потому что не имеет оно твердого основания. Каждый день полагаю основание зданию, - и опять собственными руками своими разоряю его. Покаяние мое не положило еще доброго начала; злому же нерадению моему не видно конца. Порабощен я страстям и злой воле врага, губящего меня.

Выжидаю в надежде покаяния и обманываю себя сим суетным обещанием, пока умру. Всегда говорю: покаюсь, и никогда не каюсь. На словах будто усердно каюсь, а делами весьма далек от покаяния.

Что же будет со мною в день испытания, когда Бог откроет все пред судилищем Своим! Конечно, осужден буду на муки, если здесь слезами не умилостивлю Тебя, Судию моего.

После того, как уже приобрел я познание истины, стал я убийцею и обидчиком, ссорюсь за малости, стал завистлив и жесток к живущим со мною, немилостив к нищим, гневлив, спорлив; упорен, ленив, раздражителен, питаю злые мысли, люблю нарядные одежды; и доныне еще очень много во мне скверных помыслов, вспышек самолюбия, чревоугодия, сластолюбия, тщеславия, гордыни, зложелательства, пересудов, тайноядения, уныния, соперничества, негодования.

Не значу ничего, а думаю о себе много; непрестанно лгу, и гневаюсь на лжецов; оскверняю свой храм блудными помыслами, и строго сужу блудников; осуждаю

---

[237] Епископ Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Письмо 51, стр. 70
[238] Там же. Письмо 22, стр. 28-29
[239] Там же. Письмо 21, стр. 28
[240] Там же. Письмо 15, стр. 24
[241] Там же. Письмо 18, стр. 26

падающих, а сам непрестанно падаю; осуждаю злоречивых татей, а сам и тать и злоречив. Хожу со светлым взором, хотя весь нечист.

В церквах и за трапезами хочу быть на первом месте. Вижу иноков и величаюсь; вижу монахов и кичусь. Домогаюсь того, чтоб казаться приятным для женщин, величавым для чужих, смышленым и благоразумным для своих, совершеннейшим для благоразумных; с благочестивыми обхожусь как мудрейший, неразумных презираю как бессловесных. Если оскорблен, мщу; если почтен, гнушаюсь почтившим; если требуют чего от меня по праву, начинаю тяжбу; а кто говорит мне правду, тех почитаю врагами. Обличаемый, гневаюсь; но если льстят мне, не совсем недоволен.

Не хочу почтить достойного, а сам, будучи недостоин, требую почестей. Не хочу утруждать себя, а если кто мне не услужит, гневаюсь на него. Не хочу идти вместе с работающими, а если кто мне не поможет в деле, злословлю его.

Брату, когда он в нужде, горделиво отказываю, а когда сам нуждаюсь, обращаюсь к нему. Ненавижу больного, а когда сам болен, желаю, чтобы все любили меня. Высших знать не хочу, низших презираю.

Если удержу себя от неразумного пожелания, тщеславлюсь; если преуспеваю в бдении, впадаю в сети непокорности и прекословия; если воздержусь от снедей, утопаю в кичливости и высокомерии; если неусыпен в молитве, препобеждаюсь раздражительностью и гневом; если вижу в ком добродетель, не останавливаюсь на нем вниманием.

Презрел я мирские приятности, но не отстаю от суетного пожелания оных. Если вижу женщину, развеселяюсь. По наружности смиренномудрствую, а в душе высокоумствую; по видимому не стяжателен, а на самом деле обладаю любоиманием. И к чему распространяться? По видимому отрекся я от мира, а на деле опять все думаю о мирском. Во время службы занимаюсь все разговорами, блужданием помыслов, суетными припоминаниями. Во время трапезы вдаюсь в пустословие, имею алчность к подаркам, принимаю участие в чужих падениях, вдаюсь в гибельное соперничество.

Такова моя жизнь! Сколько худого противополагаю я своему спасению! И мое высокомерие, мое тщеславие не дозволяют мне подумать о своих язвах, чтобы уврачевать себя. Вот мои доблестные подвиги! Таким множеством грехов ополчается на меня враг! - И при всем том я домогаюсь прославиться святостью, окаянный. Живу во грехах, а желаю, чтоб почитали меня праведником.

Одно у меня оправдание во всем этом: диавол опутал. Но это не послужило в оправдание Адаму. Конечно, и Каина научил диавол; но и он не избежал осуждения. Что же буду делать, если посетит меня Господь? Никакого нет у меня оправдания в нерадении моем.

Увы, возобладавший мною грех нашел во мне пажить свою, и с каждым днем более и более унижает и погружает меня во глубину свою; и я, окаянный, не престаю прогневлять Бога, не страшась оного неугасимого огня, не трепеща нескончаемых мучений.

О какая власть надо мною греховных страстей! О какое господство злохитрого и коварного змия! Действуя по природе, он входит в торг, дает залог, чтобы продать ум самому греху. Убеждает меня угождать плоти, под предлогом употреблять ее на служение душе; и я препобеждаюсь сластолюбием и, предавшись тотчас невоздержному сну, совершенно лишаюсь ее услуги. Когда молюсь, внушает мне мысль о каком-либо ничтожном удовольствии, и ею, как медною цепью, держит слабый ум мой - и не ослабляет уз, хотя он и порывается бежать.

Так грех блюдет под стражею ум и запирает от меня дверь ведения. Враг непрестанно наблюдает за умом, чтобы не пришел он в согласие с Богом и не воспрепятствовал продать плоть; для того приводит множество перепутанных помыслов, уверяя, что на суде и вопроса не будет о такой малости, что невозможно даже быть и ведению о сих помыслах и что все, подобное сему, предано будет забвению. Но я представляю пред взор себе обличение свое и знаю, что мне угрожает наказание.

Смотрю я, Господи, на грехи свои и сетую, видя их многочисленность. Увы, как это постигло меня такое бедствие? Язык мой говорит прекрасно, а поведение мое срамно и презренно. Горе мне в тот день, когда откроются тайны!

Весьма прекрасны слова мои для других, а дела мои отвратительны. Других учу порядку в мире, а сам, несчастный, предаюсь страсти.

Все дни мои протекли и исчезли в грехах, и ни одного дня не служил я правде. Едва начинал каяться с намерением больше не грешить, как приходил лукавый и уловлял меня по ненависти своей. Горе мне, потому что добровольно попадаюсь в сеть его.

Если выйду пройтись, то выступаю, как праведник и мудрец. Увижу ли, что иной грешит, смеюсь и издеваюсь над ним. Увы, обнаружатся и мои беззакония, - и я посрамлюсь!

О лучше бы мне не рождаться на свет! Тогда не развратил бы меня этот преходящий мир; не видя его, не сделался бы я виновным, не осквернил бы себя грехами и не боялся бы истязания, суда и мучения.

Едва даю я обет принести покаяние, как снова возвращаюсь и впадаю в те же грехи. Радует меня час, проведенный в грехе; и думаю еще, что делаю похвальное. Увы мне! Доселе не помышлял я, что ожидает меня геенна.

Лукавая воля вводит меня в грех; но когда согрешу, слагаю вину на сатану. Но горе мне! потому что сам я причиной грехов моих. Лукавый не заставит меня насильно согрешить, грешу я по своей воле. Благодать Твоя, пришедши к сердцу моему, находит там зловоние скверных помыслов, почему тотчас отступает, не обретая себе входа и не имея возможности войти и вселиться во мне, как желательно ей.

Нищ я, окраденный змием; немощен я, связанный тлением; не имею сил, подавленный грехом. Утратил я дар Твой и потому не имею совершенного благоразумия. Утратил я общение с Тобою, потому не знаю, куда иду. Ничего нет у меня. Если имею что, то Ты же, умилосердившись, дал мне. Крайне нищ я; если же обогащусь, все это будет Твое дарование. И теперь оно Твое, и прежде было Твоим.

Прошу только благодати, - исповедую, что чрез Тебя спасусь, если только спасусь!

"Псалтирь, или Богомысленные размышления, извлеченные из творений Ефрема Сирина" (нс. 10, 55, 69, 71, 98, 128).
Изд. Моск. Патриархии, 1973 г.

Молитва. Св. епископ Игнатий:

Господи!

Даруй нам зреть согрешения наши, чтоб ум наш, привлеченный всецело ко вниманию собственным погрешностям нашим, перестал видеть погрешности ближних - и таким образом увидел бы всех ближних добрыми.

Даруй нам узреть, при свете Благодати Твоей, живущие в нас многообразные недуги, уничтожающие в сердце духовные движения, вводящие в него движения кровяные и плотские, враждебные Царствию Божию. Даруй нам великий дар покаяния, предшествуемый и рождаемый великим даром зрения грехов своих.

Охрани нас этими великими дарами от пропастей самообольщения, которое открывается в душе от непримечаемой и непонимаемой греховности ее, рождается от действия непримечаемых и непонимаемых ею сладострастия и тщеславия.

Соблюди нас этими великими дарами на пути нашем к Тебе и даруй нам достичь Тебя, призывающего сознающихся грешников и отвергающего признающих себя праведниками;

да славословим вечно в вечном блаженстве Тебя,
Единого Истинного Бога,
Искупителя плененных, Спасителя погибших.
Аминь.

"Аскет, опыты", т. 2,
"Зрение греха своего".

Литература

1. Творения аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника. Слова подвижнические. - Изд. 3-е, Сергиев Посад. 1911 г.
2. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица (в русск, переводе с алфавитным указателем). - Изд. 7-е, Козельская Введенская Оптина пустынь, 1908 г.
3. Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. - Изд. 8-е, Козельская Введенская Оптина пустынь, 1900 г.
4. Добротолюбие, 1 и 2 тома, издание 2-е. Москва, 1901 г.
5. Творения преподобного и Богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина (в русском переводе), книга 1-я. Москва, 1874 г.
6. "Невидимая брань" блаженной памяти старца Никодима Святогорца (перевод с греческого епископа Феофана). - Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Москва, 1886 г.
7. Письма Святогорца к друзьям в России. С.-Петербург, 1850 г., часть 2.
8. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова:
9. Том 1-й "Аскетические опыты", изд. 3-е, С.-Петербург, 1905 г.
10. Том 2-й "Аскетические опыты", изд. 3-е, С.-Петербург, 1905 г.
11. Том 4-й "Аскетическая проповедь и письма к мирянам", изд. 3-е, С.-Петербург, 1905 г.
12. Том 5-й "Приношение современному монашеству", типогр. Иова Почаевского. Нью-Йорк, Джорданвилль, 1968 г.
13. "Отечник", избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием. Изд. 4-е, изд-во "Жизнь с Богом".
14. Морально-аскетические воззрения епископа Игнатия. Часть 2-я, Леонид Соколов. С приложением: во 2-м отделении - письма епископа Игнатия к разным лицам. Киев, 1915 г.
15. Письма Игнатия (Брянчанинова) к разным лицам. Выпуск 1. Сергиев Посад. Типогр. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1913 г.
16. Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Издание 2-е Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Москва, 1892 г.
17. Епископ Феофан. Письма о христианской жизни.
18. Очерки жизни и подвигов старца иеросхимонаха Илариона Грузина (авт. иеромонах Антоний Святогорец). - Изд. Свято-Троицкого монаст. Типогр. Иова Почаевского. Нью-Йорк, Джорданвилль, 1985 г.
19. Игумен Никон. Письма духовным детям, 2-е издание. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1991 г.
20. Иеромонах Серафим (Роуз). Православное мировоззрение, или Царский путь. Журнал "Русский Паломник", № 1, изд. "Валаамское общ. Америки", "Братство Германа Аляскинского". 1991 г.
21. Серафим Роуз. Православие и религия грядущего. Платина, Калифорния, 1979 г. (перевод самиздат).
22. "Православное чтение", №1, 1991 г. Московск. Патриархия. Статья архиепископа Илариона Троицкого "Христианства нет без Церкви". Сергиев Посад, 1915 г.
23. Псалтирь, или Богомысленные размышления, извлеченные из творений св. отца нашего Ефрема Сирианина, расположенные по порядку псалмов Давидовых. - Изд. Моск. Патриархии, Москва, 1979 г.